

ВАДИМ ПАНОВ

ПАУТИНА ПРОТИВОСТОЯНИЯ

ТАЙНЫЙ ГОРОД

**Рамиль Юсупов
Софья Косова
Алексей Яснев
Ольга Воронина
Елена Горина
Екатерина Юсупова
Виталий Лабахуа
Вадим Юрьевич Панов
Марина Леонидовна Ясинская
Елена Кузьминых
Виктор Черный
Алексей Толкачев
Александр Зимний**

**Паутина противостояния
(сборник)**

Серия «Тайный Город»

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=291062
Паутина противостояния: Эксмо; Москва; 2010
ISBN 978-5-699-40425-4*

Аннотация

Тайный Город... Книги Вадима Панова позволили нам заглянуть в заботливо укрытую от посторонних глаз обитель потомков древних властителей Земли, что раскинулась среди огромного мегаполиса на берегах Москвы-реки. Множество древних тайн открылось изумленным читателям, но еще больше возникло вопросов. Например, куда подевался Ярга – старательно забытый герой Нави, после тысячелетнего изгнания безуспешно пытавшийся завладеть Тайным Городом? Об этом – в повести Вадима Панова «Паутина противостояния», давшей название книге. А еще в нее вошли рассказы дюжины новых авторов – победителей конкурса «Тайный Город – твой город-2009». Свет их таланта заставил заиграть новыми красками древние стены Тайного Города!

Рассказы победителей конкурса также выкладываются отдельно, в виде электронной книги "Тайный Город – твой город".

Содержание

Вадим Панов	5
Пролог	5
Конец ознакомительного фрагмента.	210

Паутина противостояния (сборник)

Вадим Панов

Паутина противостояния

Пролог

Если хотите, чтобы все было «всерьез», – тщательно продумайте антураж.

Правило первое: не встречайтесь с клиентом в местах «обычных», не овеванных даже легким налетом мистики, однако избегайте штампов: кладбища и готические соборы, так хорошо зарекомендовавшие себя в прошлом, сейчас скорее напомнят о компьютерной игре, чем настроят клиента на нужный лад. Найдите оригинальный ход. Правило второе: всегда используйте морок. Даже если вы – вылитый Мефистофель. Проблемы ведь начинаются с мелочей: выпавшие ключи от машины, случайно извлеченный из кармана счет за квартиру, грязный носовой платок... Вся эта ерунда способна разрушить бизнес-проект, поэтому – морок, благодаря которому клиент увидит только то, что должен. И, нако-

нец, правило третье: заранее спланируйте диалог, скрупулезно проработайте ключевые фразы и обороты, не перепутайте термины (у вас ведь не один клиент, правда?), не торопитесь переходить к делу, но и не затягивайте. Одним словом, ни в коем случае не позволяйте клиенту считать происходящее «привычным» мероприятием. И тогда даже такое приземленное дело, как сведение квартального баланса, покажется вашему партнеру таинственным, наполненным глубинными смыслами действием.

Собственно, в настоящий момент Косар Кумар как раз и занимался подведением финансовых итогов сотрудничества с одним из контрагентов. Не окончательных, разумеется, итогов, промежуточных. Клиент четыре месяца пользовался «дарованной потусторонним миром силой», и теперь пришло время платить по счетам.

– Господин президент, вы здесь? – робко осведомился Кевин, вглядываясь во тьму зала. – Мистер Вашингтон...

Молодому Кевину Хьюго Смиту Третьему Косар являлся под личиной первого американского президента – в буклях, камзоле, чулках и при шпаге. Артефакт морока, конечно, приходилось настраивать весьма тщательно, но что делать – так уж получилось. Третий Смит грезил политической карьерой, мечтал когда-нибудь обосноваться в Овальном кабинете, а потому, начитавшись какой-то ерунды, занялся попытками связи с духом кого-нибудь из отцов-основателей, надеясь получить подробную инструкцию по про-

никновению в Белый Дом. Способности к магии у Кевина присутствовали, а потому Кумар, случайно оказавшийся в Гарварде по личным делам, уловил жалкие потуги доморощенного медиума и взял Смита в оборот.

– Господин президент...

– Иду, иду. – Косар где-то читал, что Вашингтон был сварлив. Может, конечно, речь шла и не об этом президенте, однако Кумар не видел ничего дурного в том, чтобы привнести в общение с клиентом немного подлинного шасского духа. – Я здесь.

– Здравствуйте, господин президент! – со всем возможным почтением произнес Смит Третий, таращась на возникшую из ниоткуда фигуру, испускающую приятное глазу голубоватое сияние.

– Ага. – Косар демонстративно огляделся. – Приветствую тебя, юноша.

Местом встреч Кумар назначил читальный зал библиотеки Гарварда. Шасу нравилось, как зажженные наивным Кевином свечи пытаются осветить высоченное помещение, как теряются отблески огня, не дойдя до сводчатого потолка, как порождают они причудливые тени – результат сражения света и тьмы.

– Я вижу, с момента нашей последней встречи ты сильно продвинулся на пути посвящения.

– Я старался, господин президент, – благоговейно ответил Кевин.

– Старание может поднять тебя очень высоко, – невнятно пообещал Косар.

– Спасибо, господин президент.

– Не за что, юноша, не за что.

Способностей Смита Третьего хватало лишь на мизерный морок. Максимум, что он мог, – стать невидимым на десять-пятнадцать минут, после чего терял концентрацию и возвращался к нормальному облику. Дар свой Кевин использовал без особых затей – сделался завсегдаем женских раздевалок, устроил пару каверз нелюбимым сокурсникам, вот и все. Кумара это вполне устраивало: что может быть лучше, чем иметь в клиентах безобидного и платежеспособного паренька? К тому же психологический портрет Смита Третьего гарантировал, что юноша никогда и никому не расскажет о своем даре, предпочитая упиваться тайной властью и «держаться за ниточки», оставаясь в тени.

– Ты вызвал меня сегодня... – Кумар поднял голову и посмотрел на ущербную луну, заглянувшую в стеклянный купол библиотеки. – Ты не дождался обычного времени...

– Я теряю силу, господин президент, – торопливо сообщил Кевин.

Естественно, теряет. Магическая энергия, которую Косар вливал в Смита Третьего при встречах, имела свойство заканчиваться. Но для получения новой дозы пареньку требовалось предоставить нечто более весомое, чем почтительность, дюжина свечей и блюдо с водой. Четыре месяца –

долгий срок.

– Э-э... – протянул Кумар.

Сообразительный Смит понял сомнения «духа» и достал из рюкзака нечто, завернутое в черную замшу.

– Я принес то, что вам нужно, господин президент.

– Разверни, – спокойно, несмотря на то что его так и подмывало вцепиться в добычу, приказал Косар.

И с трудом сдержал радостное восклицание, когда увидел золотой, украшенный драгоценными камнями маршальский жезл. Улучшенная копия тех, что вручал своим военным какой-то из французских Людовиков. Совсем неплохая цена за четыре «батарейки» с магической энергией Колодца Дождей.

«Шестьсот процентов чистой прибыли! Тархан, я тебя сделал!»

Кумар давно хотел стать лучшим контрабандистом Тайного Города, однако до сих пор не мог подцепить на крючок действительно жирного клиента. Теперь же, благодаря богатенькому Смигу Третьему, мечта на глазах превращалась в реальность.

– Да, юноша, это то, что нужно. – Дух Джорджа Вашингтона с достоинством принял дар и велел: – Протяни вперед левую руку и закрой глаза!

Кевин с готовностью послушался. И едва вздрогнул, когда его коснулись холодные пальцы «духа».

– Узрите сего достойного юношу, – высокопарно произ-

нес Косар, не отрывая взгляд от жезла. – Узрите сего отрока, честно идущего по пути посвящения. Узрите! И дайте ему силу...

«Батарейка», что пряталась в правой руке Кумара, стала разряжаться, отдавая магическую энергию Смиту Третьему. Процесс сопровождался болезненным покалыванием в пальцах – Косар намеренно добавил этот штрих для усиления эффекта, – однако Кевин стоически терпел боль.

– Ты чувствуешь силу?

– Да...

– Какая забавная церемония!

Косар вздрогнул и резко обернулся, не забыв накинуть на Смита Третьего дополнительный морок, чтобы парень не увидел внезапно возникшего гостя.

Нава. А если быть точным – типичного нава: длинного, худощавого и темноволосого. Облаченный в черный костюм, черную же сорочку, черный галстук и черные туфли, то есть почти сливающийся с библиотечной тьмой, пришелец стоял в четырех ярдах от Кумара и весело разглядывал тщательно выверенную мизансцену: свечи, блюдце, голубоватый дух Вашингтона и застывшего в радостном упоении Кевина.

– Вы заблудились? – кисло осведомился Косар.

– Нет.

– В таком случае не мешайте работать.

– А во сколько вы заканчиваете? – иронично осведомился нав.

– Не ваше дело! Вы совсем совесть потеряли в своей Цитадели!

Косар изо всех сил старался показать, что воспринимает неожиданный визит лишь как досадное недоразумение. Однако в действительности шас понял, что за птица явилась в библиотеку. Понял и обругал себя за то, что не послушался Сантьягу...

– Нужно поговорить, – жестко бросил нав. – Сворачивай аттракцион!

– Конечно, поговорим, – недовольно ответил Косар. – Как только закончу. А этот аттракцион, между прочим, принесет Темному Двору приличную сумму в виде налогов.

– И не делай лишних движений.

– Даже не думал.

– А о чем ты думал?

– Вот об этом, – вздохнул Кумар, демонстрируя наву жезл. – Дорогая вещь.

– И красивая, – презрительно поддакнул гость, намекая, что именно из-за нее шас и вляпался.

– Хотите посмотреть?

Косар бросил жезл сразу, не дожидаясь отрицательного ответа. Бросил мягко, как другу, и тем выиграл целую секунду.

Жест шаса, в котором напрочь отсутствовала агрессия, заставил нава поймать игрушку. И Косар успел активизировать портал. Спасительная «дырка жизни» явилась в полу-

шаге почти мгновенно.

– Стой!

– Что происходит? – Ничего не понимающий Кевин распахнул глаза и увидел, как «Вашингтон» рыбкой ныряет в черную воронку. – Стойте!

– Идиот!

Секунда – это много, очень много. Окажись Кумар воином, он, вполне возможно, сумел бы ударить нава, пусть не убить, но выиграть еще немного времени, успеть уйти, но... Но драться шас не умел. И секундой распорядился бездарно – бросился в портал. А нав, не желающий упускать добычу и уверенный, что успеет отрезать неповоротливому торговцу путь к бегству, скомкал едва сформированный переход мощным заклинанием.

– А-а! – заорал Третий Смит.

Двенадцать свечей давали достаточно света для того, чтобы разглядеть все кошмарные детали происходящего.

Верхняя часть шаса исчезла в смятом портале, а нижняя осталась в Гарварде. Рухнула, обильно поливая библиотечный пол кровью.

Вопль Кевина превратился в истошный визг.

Нав же разочарованно отшвырнул в сторону жезл, посмотрел на останки, вздохнул и задумчиво пробормотал:

– И что я буду делать с половиной шаса?

– Вы наш разговор записываете или запоминаете?

– Нет никакой разницы.

– А вот не скажите! – оживился Схинки. Настолько оживился, что даже подпрыгнул на мягкой подушке кресла, едва не расплескав виски из зажатого в правой руке стакана. – Я рекомендую записать нашу беседу на видео, а после тщательно проанализировать мою богатую мимику. Данный подход поможет вам получить скрытые послания, которые я передаю невербальными способами. То есть бессловесно.

Сантьяга деликатно улыбнулся, однако этот невербальный способ отчего-то вызвал у собеседника приступ яростного неудовольствия.

– Вы напрасно смеетесь! Вот поверьте: совершенно напрасно. И меня, скажу откровенно, смущает, что вы относитесь к происходящему без должной серьезности! Это... это оскорбительно, в конце концов. Я чувствую себя ненужным, понимаете?! Я ощущаю себя... винтиком! Игрушкой ощущаю. Мягкой, теплой, пушистой игрушкой. А я...

– Поверьте, Схинки, все совсем не так, – перебил разошедшегося собеседника Сантьяга. – Наша встреча мне безумно интересна.

– Слова, комиссар, слова, слова, слова! Сколько видеока-

мер сейчас работает? Сколько операторов? Сколько аналитиков изучают мой профиль?! – Схинки на мгновение замер, давая возможность невидимым камерам взять крупный план. – Сколько?

– Я постараюсь лично уловить ваши невербальные знаки, – пообещал Сантьяга.

Схинки отхлебнул виски, причмокнул и уточнил:

– Постараетесь?

– Да.

Ответ прозвучал весьма и весьма твердо, однако Схинки не удовлетворил. Он с сомнением оглядел светлый костюм нава, выразительно поморщился, после чего поинтересовался:

– Не слишком ли вы самонадеянны?

– У вас будет возможность проверить это предположение, – невозмутимо произнес Сантьяга.

– Я предупредил.

– Я благодарен.

Схинки вновь расслабился. Развалился в кресле, забросив ногу на ногу, и, непринужденно поводя в воздухе стаканом с виски, объяснил причину проявленной настойчивости:

– Я хочу, чтобы между нами установились не просто рабочие, но в некоторой степени доверительные отношения. Нам ведь придется говорить о различных вещах... в том числе – о секретных. Согласитесь: открывать тайны симпатичному собеседнику гораздо приятнее, нежели грубому са-

дисту.

– Я умею быть разным собеседником, – заметил Сантьяга.

– Я знаю, – махнул рукой Схинки. Сделал глоток виски, не торопливый, но быстрый, и продолжил: – Мне понравилось, что вы не начали с пыток. Знаете, некоторые считают, что любой разговор следует начинать с пыток. Чтобы, так сказать, сразу определить положение собеседников. А вот мне пытки не нравятся, есть в них нечто... – Он пошевелил пальцами. – Есть в них нечто безвкусное. Вы не находите?

– Доводилось испытывать? – с искренним любопытством спросил Сантьяга.

Для себя нав выбрал коньяк, потягивал его все это время и теперь добавил в бокал янтарной жидкости.

– Вы не ответили на мой вопрос, – заметил Схинки, наблюдая за манипуляциями собеседника.

– Я забыл.

– Надо же, беседа едва началась, а у вас уже проблемы с памятью. Это совершенно неделовой подход. Как, интересно, вы среагируете, если я забуду что-нибудь важное?

– Я сумею вам помочь.

– Разумеется, с помощью пыток, – разочарованно протянул Схинки.

– Я знаком с весьма утонченными способами ведения диалогов, – скромно сообщил Сантьяга. – Они не оставят вас равнодушным.

– То есть вы считаете, что пытаться можно стильно?

– Это требует соответствующих навыков. – Комиссар чуть приподнял бокал: – Ваше здоровье.

– Да... пока не жалеюсь... – задумчиво протянул Схинки.

– А еще я обладаю ангельским терпением.

– Намекаете, что оно вот-вот закончится?

Ответа не последовало.

Схинки поерзал в кресле, затем налил себе еще виски и, без игры и надрыва, попросил:

– Угостите сигаретой?

– Эта фраза открывает вашу историю?

– Что? Нет. – Пауза. – История началась давно. Впрочем, вы и сами знаете, насколько давно... А та ее часть, которую я собираюсь вам поведать... – Схинки на несколько мгновений задумался. – Наверное, будет лучше начать с Нью-Мексико. Да, пожалуй – именно с Нью-Мексико. – Он поскреб грудь. – Бывали там?

– Доводилось, – кивнул Сантьяга. – Я люблю путешествовать.

– Дикая земля, конечно, хотя чем-то и очаровывает... Там есть дороги, которые, пес их знает, куда ведут и зачем нужны. Федералам на них плевать, местные власти о них позабыли, чтобы не тратиться на ремонт, и даже контрабандисты с полицейскими проезжают по ним крайне редко.

– Зброшенныe дороги?

В голосе Сантьяги послышалось удивление. Судя по все-

му, комиссар Темного Двора ожидал любого начала, кроме этого. Какие еще дороги? Однако Схинки не дал сбить себя с мысли.

– Одни из них упираются в какие-то поселения или остатки поселений, или в какие-нибудь шахты. Другие выводят на федеральное шоссе, а третьи просто вялятся на солнце, смущая гремучек и койотов. И как раз на одной из таких дорог стоит бензоколонка Самуэля Вербы. – Глоток виски, прищуренные глаза... – Такое, знаете, до печенок прожаренное сооружение, хозяин которого больше торгует самогоном, нежели бензином, и охотно сдает грязные комнаты случайным путникам. За наличные, разумеется, сдает, потому что платить налоги старый Самуэль не умеет и учиться не собирается...

** * **

Стратегически бензоколонка Вербы располагалась весьма удачно. Она стояла посреди ровного, прямого, как галстук менеджера, участка дороги, виднелась издалека, и у водителей было время подумать: останавливаться или нет? А учитывая, что следующая заправка воняла бензином часах в двух езды на север, ответ чаще всего оказывался положительным. Правда, водителей в раскаленной глуши Нью-Мексико случалось не много, и похвастаться сверхдоходами старый Самуэль не мог.

Дощатый дом, к которому примыкали гараж и сарай, выглядел так, словно его воздвигли лет за пятьдесят до того, как полковник Дрейк выдавил из земли первый баррель нефти: потемневшие от времени стены, грязные окна и выцветшая вывеска «Verba Gas» казались идеальной декорацией к блокбастеру «Безнадежность», сцена первая – «Тупик». Однако сегодня депрессивный пейзаж «от Вербы» оказался дополнен ярким штрихом: золотистым «Порше Кайен» с затемненными до черноты стеклами и пижонскими дисками. Грязные номера «Порше» едва читались, и вооруженному биноклем полицейскому пришлось помучиться, прежде чем он разобрал, что дорогая игрушка прикатила из Нью-Йорка. Записав с трудом добытую последовательность букв и цифр в блокнот, страж порядка вернулся в прохладный салон патрульной машины, ввел номер в компьютер и, узнав, что «Порше» в угоне не числится, задумался, рассеянно барабанив пальцами по рулевому колесу. О чем задумался? А это его дело. Появилась мысль, вот и задумался.

Сомнения терзали стража порядка минуты две. Затем он тихо выругался, завел двигатель и резко развернул машину, почему-то отказавшись от мысли проверить владельцев «Порше». Почему? А это его дело. Может, заторопился куда. Нью-Мексико штат непростой, здесь каждому найдется дело.

– Уехал? – негромко спросил Тео.

– Да, – кивнул Бруно.

Младший из братьев Луминар стоял у самого края окна и следил за полицейским, совсем чуть-чуть отодвинув грязную занавеску и уставившись в получившуюся щелочку спрятанным за солнцезащитным стеклом глазом, а потому страж порядка его не заметил. И лучи, что били в немытое окно, не причинили Бруно вреда. Закончив наблюдение, младший Луминар аккуратно задернул занавеску и вернулся за стол.

– Вот и хорошо. – Тео вновь наполнил кружку самогоном, – пошло пахло виски, однако вкусом не удалось, только градусами, – жадно хлебнул и повторил: – Вот и хорошо.

Не с облегчением повторил, а удовлетворенно: полиции Тео не боялся, просто связываться не хотел.

– *Пицца* ускользнула, а ты и рад! – коротко хохотнул Эрик Робене, третий гость древней бензоколонки.

– У тебя *жажда*?

– Нет.

– Тогда о чем разговор?

Одежда мужчин, пьющих самогон в самой большой комнате дома, соответствовала дорогой тачке: куртки из кожи тонкой выделки, джинсы от известных портных, дорогие ботинки, однако долгое путешествие наложило на шмотки отпечаток. Левая штанина Эрика заляпана чем-то бурым, куртка Бруно порвана и кое-как заштопана, стекло золотых швейцарских часов, украшавших запястье Тео, пошло трещинами. Гости Самуэля явно знавали лучшие времена, и в

пустынном захолустье они оказались отнюдь не из любви к «Земле Очарования».

Кому-то могло показаться, что машина и одежда украдены, однако более внимательный наблюдатель без труда заметил бы, что мужчины носили свои дорогие, но потрепанные вещи с привычной небрежностью и не видели себя в другой одежде.

– Не хотите связываться с полицией?

Проскрипевший этот вопрос Верба сидел в углу, в пыльном кресле, левый подлокотник которого слегка отошел в сторону; у ног старика дремал средних размеров койот. Гости вели себя по-хозяйски, однако Самуэль не выказывал по этому поводу никакого беспокойства. То ли знал, что ему ничего не грозит, то ли плевать хотел на возможные неприятности – старый он был, очень старый.

– Никто не любит связываться с полицией, – буркнул Бруно.

Эрик почесал затылок, подумал и решил дополнить двусмысленный ответ приятеля:

– Не дергайся, старик, мы наркоту не возим.

– Знаю.

– Знаешь?

– Я таких, как вы, уже видел... – с улыбкой протянул Самуэль. – Останавливались тут лет эдак... – Старик замялся. Койот поднял голову и зевнул. – Да, Франклин, правильно, лет эдак тридцать назад. Да... Тоже пили весь день...

Масаны переглянулись.

– Что значит «таких, как мы»? – поинтересовался Тео.

Нехорошо так поинтересовался, словно предупреждая, что развивать тему не следует, что сказано уже достаточно, а остальное лучше оставить за скобками. Однако Самуэль рекомендацию Луминара не расслышал или же оставил без внимания. Усмехнулся, провел ногой по спине вновь улегшегося койота и объяснил:

– Приехали перед рассветом, уехали после заката.

– Мы же сказали: хотим переждать жару, – угрюмо бросил Бруно. – Машина у нас не новая, боимся, что заглохнет в пустыне.

– Так я и не спорю. – Старик прищурился, отчего его выдубленное солнцем лицо стало похоже на скомканный бумажный пакет. – Может, пойдем в двигателе покопаемся? Подправим чего, чтобы ваша игрушка бегала шустрее, а?

– Может, и пойдем, – кивнул Робене. – Позже.

– Когда солнце зайдет?

– Надеешься увидеть закат? – осведомился Бруно.

– Почему нет?

– Язык у тебя длинный.

– Так я его распускаю только с теми, с кем можно, и только тогда, когда можно, – хмыкнул Самуэль. – Тридцать лет помалкивал, а теперь вот охота снова потрепаться.

– О чем?

– О вас.

– Зачем?

– Мне интересно.

Старик взял со стола бутылку, налил себе и протянул Тео. Тот не отказался, долил в кружку и передал самогон дальше.

– Я тогда руку порезал, – негромко продолжил Самуэль. – В машине их копался, ободрал – и в дом, перевяжите, кричу. Старший бинт достал, мазь какую-то, а тот, что с ним был, как только кровь увидел, аж затрясся. Ну, я и понял, что к чему...

Верба оборвал фразу на полуслове, и в комнате на несколько секунд повисла тишина. Ничего открыто не сказано, однако всем все понятно.

Бруно криво ухмыльнулся. Эрик передернул плечами, мол, я не хотел, но придется. А Тео поинтересовался:

– В сказки, значит, веришь?

– Сказки на пустом месте не рождаются, – неспешно отозвался старик. – Всему причина быть должна.

– А ты, старик, причины этой самой не боишься?

– Тогда испугался, а сейчас-то зачем? – Самуэль улыбнулся. – Не впервой.

Да уж, вот тебе и захолустье, населенное простыми, не видящими дальше собственного носа челами. Масаны переглянулись. Никого из них не дергала проклятая *жажда*, никто не собирался пускать кровь древнему Самуэлю, однако привычка хранить свое существование в тайне требовала хотя бы обсудить ситуацию.

– Зажжем факел после заката, – негромко предложил Робене. – Никто о старике и не вспомнит.

– Полицейский машину в бинокль разглядывал, – качнул головой Бруно. – Наверняка номер записал. К чему лишний хвост? И так следим.

Однако окончательное решение должен был принять старший из Луминаров.

– То есть ты знаешь, кто мы? – тяжело уточнил Тео.

– Я же говорю: встречал.

– Почему тебя не *высушили*?

– Те масаны тоже сытые были, а на кровь паренек повелся, потому что молодой, – размеренно ответил Верба, после чего сделал большой глоток самогона, крякнул и вытер губы тыльной стороной ладони. В глазах старика появилась грусть. – Я, как все понял, просить стал: сделайте, мол, таким же! А они смеются. Выпили со мной да объяснили, где сказка, а где правда.

– Масаном нужно родиться, – негромко произнес Тео. – Мы не бывшие челы, мы – другие.

– Вот-вот, – кивнул Самуэль. – Так мне и сказали.

– Они себя назвали? – поинтересовался Бруно.

– Какая теперь разница? – опередил старика Эрик. – Ты ведь не собираешься догонять тех, кто проехал через эту дыру тридцать лет назад?

– Тихо!

Голос Бруно прозвучал с подъемом. Младший из масанов

был самым «остроухим», за милю чуял магию, а потому среагировал на опасность первым. В следующий миг формирующийся аркан уловили Эрик и Тео, а спустя еще мгновение по комнате заплясал черный вихрь портала.

– Засада!

На ноги и в бой? А что еще остается?

«Остроухий» Бруно атаковал первым, у него ведь было на мгновение больше. Бросился вперед, закрывая друга и брата от появившегося противника, без замаха нанес удар появившимся в руке клинком, но промахнулся – пришелец оказался на удивление быстр. Бруно не растерялся, собрался прилипнуть к противнику, ухватить за руку или ногу, задержать, втянуть в вязкую борьбу, лишить маневра... однако вывалившийся из портала мужчина был бойцом опытным и весьма крепким. Уйдя от Бруно, он изловчился нанести не успешному развернуться масану удар в голову, и тот повалился без чувств. Вырубить вампира кулаком способны немногие, однако Эрик и Тео об этом не подумали – не до того было. Поняли, что Бруно падает, озверели и атаковали одновременно. Тео с ножом, а Эрик открыл пальбу. Вернее, попытался открыть, но пистолет лишь защелкал, не желая выбивать пули.

«Магия!»

Сблизившийся с врагом Тео пропустил два подряд удара и, повторив незавидную участь брата, стал оседать на пол. Эрик, наконец, понял, что дело принимает не плохой, а очень плохой оборот. Вариантов два: прыгать в окно, под

солнечные лучи, на верную смерть, или... Робене использовал Превращение, растворился в туманную дымку, оставив после себя брякнувший о деревянный пол пистолет да ворох одежды. Собрался взмыть к потолку, надеясь отыскать щель и подняться под крышу, подальше от страшного врага, но не успел. Прозвучало короткое заклинание, и Эрик с ужасом понял, что его затягивает в бутылку из-под самогона...

– Очнулся?

Короткая фраза прозвучала вопросительно, однако уверенный тон не оставлял сомнений в том, что спрашивающий уверен в положительном ответе. Тео понял, что обманывать бессмысленно, открыл глаза, поморщился и сипло подтвердил:

– Да.

И кашлянул, прочищая горло.

– Поднимайся и присоединяйся, – велел незнакомец. – Мы как раз бутылку открыли.

Теперь, когда голову не туманила боевая горячка, масан понял, что на бензоколонку нагрянул нав. Темные волосы, характерные скулы, запавшие глаза, уши... На вид их форма не отличалась от обычной, человеческой, однако острый взгляд масана разглядел едва уловимые линии на кончиках, малюсенькие хрящики: стоило наву по-настоящему разозлиться или впасть в бешенство, они приходили в движение, и уши принимали необычную, заостренную форму. Но самое глав-

ное заключалось в том, что Тео не чувствовал в собеседнике *пищу*. Не было у ночного охотника подсознательного ощущения, что в эту плоть неплохо бы запустить *иглы*, а значит, в жилах незнакомца течет тягучая, черная, как битум, и ядовитая для масанов навская кровь.

– Мы пьем?

– Пьем, – подтвердил нав. И, улыбнувшись, добавил: – За знакомство.

Справа раздался смешок. Тео повернул голову и увидел брата – Бруно сидел на диване, расслабленный, спокойный, безмятежно посасывающий самогон из железной кружки. Выглядел он так, словно никакой потасовки не было. Эрика и Самуэля не наблюдалось.

«Что происходит?»

Но ведь не спросишь, не задашь дурацкий вопрос, остается только догадываться, и первая пришедшая в голову мысль не радовала: победитель решил поиграть в кошки-мышки. Он ведь, мать его, темный! Заведет разговор о том, о сем, хлебнет вонючего пойла, наслаждаясь властью над поверженными вампирами, одним словом, подарит надежду на спасение, а потом, с шутками и прибаутками, перебьет всех.

«Напасть?»

Нет, уже пробовали.

Тео послушно уселся в кресло.

– Где Эрик?

– Ах да, Эрик! – Улыбка победителя перешла в веселый

смех. – Полагаю, теперь он может к нам присоединиться.

Незнакомец поднял с пола бутылку, прошептал заклинание и вытащил пробку. Через несколько секунд посреди комнаты появился голый и смущенный Робене.

– Одевайся, – велел нав. Затем, не поморщившись, хлебнул вонючего самогона и прищурился: – Насколько я понимаю, вы двое Луминары, а ты – Робене. Так?

Смотрел незнакомец на Тео, ему и пришлось отвечать:

– Так.

– Остатки Борисова войска?

– Ага.

– Чем теперь занимаетесь?

– Догадайся, – мрачно предложил Луминар. Увидел чуть приподнявшиеся брови, понял, что нужно ответить подробнее и нехотя продолжил: – С тех пор, как эта сука Клаудия возглавила Бруджа, жизни вообще не стало. Слышал небось о ней?

– Римская Шлюха, – пробормотал застегивающий рубашку Эрик.

– Тварь, – добавил Бруно.

– Насколько мне известно, Клаудия взяла курс на консолидацию кланов, – припомнил нав. – Что похвально.

– И стала прижимать свободных охотников, типа, чтобы челов не напрягать, – уточнил Бруно. – Что полное дерьмо.

Незнакомец на него не посмотрел, четко давая понять, что собирается слушать только старшего из Луминаров.

– Сначала Клаудия взяла в договор самые мощные семьи, состряпала с ними коалицию, установила правила, потом подгрести кланы поменьше, а теперь выискивает одинок, вроде нас, – с горечью поведал Тео. – Убедила кардиналов, что прежнее поведение ведет в никуда, а челы настолько изменили мир, что любая выходка может привести к раскрытию тайны и массовой резне...

– Если нас найдут ублюдки Римской Шлюхи, придется подписываться под правилами, – добавил одевшийся Эрик. – Или уходить к неприсоединившимся – в Южной Америке и Африке пока свобода. Но надолго ли?

– А нам припомнят, что мы служили Борису, – вновь подал голос Бруно. – Так что...

– Так что нам остается лишь гонять по континенту, *высушивать* зазевавшихся челов и смотреть в мотелях сериалы про вампиров, – подытожил Тео.

– И ждать, когда вас достанут ребята Клаудии.

– Верно, – спокойно подтвердил масан. – Все верно.

Они кривили душой, когда говорили, что им не простят службу у Бориса. Простят. Не вспомнят. Знаменитый кардинал Луминар контролировал большую часть Северной Америки, и чтобы наказать всех, кто ему служил, пришлось бы вырезать огромное количество масанов. Клаудия демонстративно перечеркнула прошлое, объявила, что будет строить отношения с чистого листа, и тем удержала континент от кровавой междоусобицы. Эрик, Бруно и Тео могли остать-

ся в Нью-Йорке, но не захотели. Не смогли. Они не просто служили Борису, они насквозь пропитались духом последнего истинного кардинала Луминар, его философией, его идеями, и не смогли заставить себя принять жесткие правила Клаудии.

– Мы охотники, – тихо сказал Тео. – Мы свободны.

– Это наша судьба, – криво ухмыльнулся Бруно.

– У нас есть гордость, – закончил Эрик.

Страх, вызванный скоротечным и неудачным боем, ушел, теперь масаны смотрели на незнакомца спокойно. Ждали его решения, но четко давали понять, что со своего пути не свернут. Смерть, значит, смерть. Они к ней давно готовы.

– Мне нравится ваш выбор, – негромко произнес нав. – Вы готовы умереть, но остаться собой. – Он выдержал паузу. – Мне не помешали бы такие помощники.

«Помощники?!»

Масаны быстро переглянулись.

«Какого черта?» – Этот вопрос читался во взгляде Бруно.

«Что он задумал?» – Недоумевал Эрик.

– Кто ты? – осторожно поинтересовался Тео.

Незнакомец улыбнулся, но промолчал, давая возможность вампирам выдвинуть собственные версии. Каковых набралась одна.

– Ты – свободный нав?

– Что значит свободный? – не понял незнакомец.

– Не служишь князю.

– Ходили слухи, что в Москве объявился свободный нав, бросивший вызов Темному Двору, – объяснил Эрик. – Что знаменитая сплоченность дала трещину. Я не верил. Даже после того, как выяснилось, что навы объявили охоту на одного из своих.

– Никто не верил, – подчеркнул Тео.

Незнакомец оглядел застывших в ожидании объяснений масанов, после чего медленно и веско произнес:

– Сплоченность никуда не делась. Просто их теперь две. Одна старая, но скоро станет прошлой. Вторая еще более старая, и она станет будущей.

И масанам вдруг показалось, что не на бензоколонке сидят они, не в грязной комнате, а на дне холодного, наполненного тягучей Тьмой колодца. На самом дне. И беседуют они не с навом, нет, а с ней: с тягучей и холодной Тьмой.

– Кто ты? – хрипло повторил вопрос Тео.

– Ярга, – ответил нав так, словно это имя все объясняло.

* * *

– Ярга нанял трех бездомных вампиров? Вот уж действительно интересная, а самое главное – необычайно важная информация, – с иронией произнес Сантьяга. И поднял бокал: – Ваше здоровье, Схинки.

– Намекаете, что у меня, возможно, возникнут с ним проблемы? – Несмотря на смысл слов, в тоне Схинки не бы-

ло беспокойства. То ли собеседник комиссара не опасался пыток, то ли понимал, что Сантьяга не прибегнет к ним в самом начале разговора.

– Я намекаю на то, что нужно промочить горло, – улыбнулся нав. – Только и всего.

– Вы разочарованы завязкой?

– Еще не знаю.

– Вот именно! – обрадовался Схинки. – Ведь часто бывает так, что занимательная и непредсказуемая история с головокружительным сюжетом начинается, как сонная сказка на ночь. В историю нужно войти, а не ворваться. Хорошая история не терпит суеты.

Схинки выдержал паузу и, поняв, что комментариев к его пламенной речи не последует, обиженно поинтересовался:

– Не хотите сказать, что во мне умер великий писатель?

– Зачем? – осведомился комиссар. – К тому же вы еще живы.

– Хотя бы из вежливости. Я слышал, вы необычайно хорошо воспитаны.

– Хорошие манеры несовместимы с лестью.

– То есть вы никогда и никому не лжете?

Сантьяга усмехнулся, диалог его откровенно забавлял.

– Ставите знак равенства между лестью и ложью?

– Разве его нет?

– Не всегда.

– Я понял! Вы не верите в мой талант литератора! –

Огорченный Схинки расплескал виски, однако не обратил никакого внимания на испачканный ковер. – Так давайте я изложу свою историю письменно? Могу в эпистолярном жанре...

– Мне достаточно устного общения. – В черных, глубоко запавших глазах комиссара Темного Двора сверкнул огонек. – Мы и так отвлеклись.

Схинки выдержал короткую паузу, после чего пожал плечами:

– Ясно. – Помолчал еще пару секунд. – Извините за ковер.

– Я пришлю счет из химчистки. – Сантьяга сделал маленький глоток коньяка. – Продолжайте.

– Конечно, конечно... – Схинки почесал затылок. – Как вы понимаете, Луминары и Робене были не первыми и не последними масанами, вставшими под знамена моего господина.

– Разумеется.

– И господин сразу же отправил их на задание.

– Проверка преданности?

– Вы поступили бы так же, – махнул свободной рукой Схинки. – Кровь связывает лучшие других оков.

– В чем заключалось задание?

– Нужно было кое-кого доставить на нашу базу.

– Уточните, пожалуйста.

Схинки прекрасно понимал, что комиссар обязательно потребует рассказать о задании подробно, а потому ответил практически сразу:

– Путешествуя по миру, мой господин не забывает выявлять магов. И тех, что работают по лицензии Тайного Города, и необученных самородков, которым продают магическую энергию ваши контрабандисты.

– Их мало, – заметил Сантьяга.

– Но они есть, – улыбнулся Схинки. – Вы не подпускали их к Тайному Городу, кормили сказками, тянули деньги и... готовили к тому, что однажды их отыщет мой господин. Ему, знаете ли, нужны помощники.

– Большинство из так называемых самородков слова доброго не стоит. Их уровень смехотворен.

– Зато они сделают все, что прикажет мой господин, – убежденно произнес Схинки. – Вас это не пугает?

– Меня ничего не пугает.

– Даже Ярга?

– Уже нет, – медленно ответил Сантьяга. – Теперь он должен меня бояться.

И прищурился, словно уже видел перед собой врага.

– У вас будет возможность обсудить эту тему, – тихо сказал Схинки. После чего продолжил в прежнем, развязном ключе: – С некоторыми самородками мой господин знакомился сразу, других просто отмечал, оставляя, так сказать, на будущее. Иногда устанавливал за ними слежку и, если приходил к выводу, что цель интересна, приглашал на разговор. Масаны получили задание доставить на базу одного из таких колдунов. Точнее – колдунью.

* * *

Тр-р-р... Тр-р-р... Тр-р-р-р-р...

Колесо трещало едва слышно, совсем чуть-чуть, однако в тишине кабинета звук казался оглушительно громким. И оглушающе зловещим.

Тр-р-р... Тр-р-р... Тр-р-р-р-р...

Колесо стояло в небольшом стеклянном ящике, ящик — на письменном столе, справа от Ярги, и не обратить на него внимания не было никакой возможности. Даже без оглушающего в напряженной тишине едва уловимого треска.

Тр-р-р... Тр-р-р... Тр-р-р-р-р...

Вместо белки колесо разгонял соответствующим образом отмасштабированный орангутан. Мокрый, задыхающийся и бесконечно жалкий в своем упорстве. Он едва держался, но продолжал торопливо перебирать лапами, изредка оглядываясь на Яргу, и страх, читавшийся во взгляде обезьяны, делал бессмысленными разговоры о причинах удивительной стойкости рыжего страдальца. Орангутан получил приказ и не смел послушаться.

Тр-р-р... Тр-р-р... Тр-р-р-р-р...

Когда масаны вошли в кабинет, орангутан уже путешествовал по замкнутому кругу, и судя по всему, путешествовал давно. Ярга поприветствовал вампиров сухо, пробурчал: «Вот стулья» и устался в монитор, заставив гостей насла-

ждать зрелищем настольной игры. Сначала масаны ухмылялись, потом задумались, а по истечении пяти минут Тео не выдержал:

– Ему нравится?

В этот момент смерть тяжело дышащего орангутана казалась неизбежной.

– Проняло? – ровно поинтересовался Ярга, не отрывая взгляд от монитора.

– Нет, – смутился Луминар.

Действительно! Какого черта беспокоиться о запертой в колесе животине? Есть дела важнее.

– В жалости нет ничего постыдного. Любому воину приходилось убивать из жалости. Или спасать своего, из жалости и сострадания, – с прежней невозмутимостью продолжил нав и тяжело посмотрел на Тео. – Главное, не позволить жалости высушить себя.

Высушить... оказывается, у этого слова есть иное значение. Или то же самое?

– Он наказан, – закончил Ярга.

– Почему-то я так и подумал, – пробормотал Тео.

– А я сразу сообразил, – захихикал Бруно. – Как только увидел, каким он теперь стал, так и сообразил.

Надрывающийся в колесе орангутан считался любимцем Ярги и свободно разгуливал по территории базы, смущая новичков и подворовывая по мелочи из комнат. Зверьком он был не маленьким, раза в полтора крупнее сородичей, и то,

как обошелся с ним Ярга, указывало на тяжесть проступка.

– Он меня разочаровал, – равнодушно констатировал Ярга и без предупреждения перешел к делам: – Ваше первое задание будет необыкновенно простым. Необходимо доставить ко мне молодую женщину по имени Катарина Штейн. Вы не будете знать, в какой стране она живет, хотя, скорее всего, догадаетесь. Или спросите у местных, если вдруг заинтересуетесь...

Тр-р-р... Тр-р-р... Тр-р-р-р-р...

Масаны машинально скосили глаза на колесо. Интересно, краткий курс туземной географии способен вызвать у Ярги разочарование?

– В точке вы окажетесь порталом. Затем придется пробежать около пяти миль, я не хочу, чтобы Катарина почувствовала аркан. Затем захват и звонок по номеру, который указан в памяти телефона. – Ярга выложил на столешницу мобильный. – Затем я наведу портал на этот телефон, и вы вернетесь.

Неизвестно – откуда, неизвестно – куда. Свободный Ярга нав или нет, толк в безопасности он знал не хуже других обитателей Цитадели.

– Женщина – колдунья?

– Да, но не сильная. Она не обучалась в Тайном Городе, самородок... Я вычислил ее через контакты одного из контрабандистов магической энергии. Бедняжка пахала на жадного шаса, как проклятая.

Масаны переглянулись.

– Если о Катарине знает контрабандист, возможно, о ней знают и Великие Дома, – протянул Тео. – Нас может ждать засада.

– Может, – спокойно подтвердил Ярга.

– И?

– В этом случае вы умрете. – Тонкие губы нава разошлись в ухмылке. – Неужели вы думаете, что я брошусь на помощь ради похищения дохлой человеческой ведьмы?

Тр-р-р... Тр-р-р... Тр-р-р-р-р...

Кто хочет отказаться?

Тр-р-р... Тр-р-р... Тр-р-р-р-р...

– То есть ведьма слаба? – переспросил Эрик.

– Не сильна.

– В таком случае почему вы хотите привлечь ее в команду? – недоуменно спросил Робене.

– По той же причине, по которой привлек вас, – высокомерно ответил Ярга. – Еще вопросы?

Тео заткнул приятеля, сильно сжав его плечо, и жестко поинтересовался:

– Вы сказали, что бросите нас в случае опасности.

Человская ведьма интересовала старшего Луминара в последнюю очередь.

– Я сказал, что не стану рисковать ради дохлой колдуньи, – уточнил Ярга. – У меня нет привычки вытаскивать из неприятностей тех, кто проваливает первое, к тому же – пу-

стяжное, задание.

– То есть в дальнейшем наши взаимоотношения изменятся? – осторожно продолжил Тео. – Мы сможем рассчитывать на поддержку в случае неприятностей?

– Хорошие помощники мне нужны живыми.

Тр-р-р... Тр-р-р... Тр-р-р-р-р...

– Хотя бы для того, чтобы колесо не пустовало.

– Я согласен с таким подходом, – пробурчал Эрик. – Тетка точно будет дома?

– Точно.

– Мы ее добудем.

Тео взял со стола телефон.

Бывает так, что люди, покупающие уютные домики в тихой, сонной деревушке, не вписываются в новое окружение, начинают вызывать неприязнь и даже более сильные чувства. Маленькие деревушки – они ведь только размером маленькие, а система взаимоотношений в них усложнена до предела, потому что – маленькие. Потому что все на виду. Потому что общаются друг с другом чаще, чем жители больших городов.

Стать «своим», ну, или «почти своим» в маленькой деревушке сродни подвигу, однако Катарине Штейн он удался. Помог мягкий, открытый характер. Доброжелательная девушка в течение двух дней перезнакомилась со всеми соседями и даже растопила сердце фрау Мюллер, старой вдо-

вы, считавшейся главным деревенским проклятьем. Милые сувениры, что раздарила она соседям – «Я много путешествую по делам, и всегда везу что-нибудь на память» – заняли места в сервантах и на каминных полках. Ненавязчивая лесть – «Я наконец-то поселилась в месте, о котором мечтала с детства» – грела душу. Трагическая история – «Увы, мои родители погибли несколько лет назад» – вызывала жалость. Катарину приняли. Некоторые даже мечтали увидеть ее в невестках. И никого не смущали частые отлучки молодой женщины. Ведь она такая милая! У нее важная работа! Какая именно? Об этом никто не задумывался. И хотя все спрашивали Катарину, чем она занимается, обстоятельные ответы не задерживались в памяти. «Чем-то важным». «Кажется, она топ-менеджер». «По-моему, работает в министерстве иностранных дел». У всех жителей деревушки было ощущение, что Катарина занимается чем-то законопослушным и весьма престижным, но никто не знал, чем именно. И не считал нужным обсуждать этот вопрос с соседями.

Велика, чрезвычайно велика сила правильно произнесенного доброго слова. Никакие «кольты» не нужны.

...Как и обещал Ярга, пробежать пришлось всего пять миль, даже чуть меньше – пустык для славящихся выносливостью и скоростью масанов. Не запыхавшись, они вышли к дому Катарины на полторы минуты раньше запланированного времени. Остановились и одновременно – и одинаково

– усмехнулись, разглядывая небольшое аккуратное здание с единственным освещенным окном, – почуяли запах *пищи*.

– Сидит в кабинете, – хмыкнул Бруно.

– Занимается страшными колдовскими делами, – поддержал шутку Эрик. – Готовит ужасы мирным соседям. Будет коров травить и покосы портить.

– Получается, мы убережем окрестных челов от смертельной опасности?

– Добрый хозяин должен заботиться о *пище*.

Тихие смешки растворились в пришедшем с Альп сумраке.

Тео зубоскальства перед операцией не одобрял, но замечания парням делать не стал, пусть расслабятся. В конце концов, все действительно идет так, как нужно. Портал построен далеко, засечь его ведьма не могла. Ошейники, что выдал Ярга, скрывали масанов от магического сканирования, нав гарантировал, что Катарина не узнает о появлении вампиров до самой атаки. Что же касается возможной засады...

«Им нужен Ярга, а не мы. И какой вообще смысл сторожить мелкую ведьму?»

Этими резонами Тео успокаивал себя все последние минуты.

– Идем?

Бруно улыбнулся. Эрик подмигнул. Тео кивнул.

– Бруно, к задней двери.

– Понял. – Младший растворился в темноте.

– Эрик, окрестности.

– Я помню.

Робене проследит, чтобы соседи ничего не услышали.

Сам Тео вложил полученный от Ярги дубликат ключа в замочную скважину, мягко повернул его, надавил на ручку и на мгновение замер.

«Засада?»

В следующую секунду отринул сомнения и шагнул в коридор. Тихо, никаких посторонних звуков. На вешалке легкий плащ и ветровка, у двери кроссовки и туфли. В зеркале отражается хмурый плечистый мужчина в кожаной куртке и широких джинсах. Откуда-то сверху доносится музыка.

«Все правильно, кабинет на втором этаже».

Боя Луминар не боялся, ему приходилось выходить победителем из драк с магами, но если Катарина успеет уйти через портал, неприятностей не избежать. Тео не хотелось крутить беличье колесо на потеху следующим новичкам базы.

В определенные моменты даже пустяшное задание становится сложным.

Из кухни вышел Бруно. Старший Луминар приложил к губам палец, а другой рукой указал наверх. Бруно понятно кивнул.

Вампиры не спеша поднялись по лестнице, постояли, глядя на бьющую из-под двери полоску света, а затем, одновременно сорвав защищающие от сканирования ошейники, включили полную скорость.

Бруно выбил дверь. Не распахнул, а именно выбил: резкий удар и хруст ломающейся коробки ошеломит ведьму, подарит вампирам лишнюю секунду, а то и две, поэтому – выбил. А Тео в комнате, уже у письменного стола, над которым склонилась светловолосая девушка, уже наносит удар. Катарина завизжала. Бруно плотоядно ощерился. Тео ударил, но ведьма сумела уклониться. Продолжая визжать, повалилась на пол, закрывая голову руками, но ответить не попыталась.

«Соплячка!»

Бить девчонку Тео не стал. Схватил за волосы, повернул лицом к себе и дунул «пыльцой Морфея», отправив белобрысую в глубокий сон. Затем подхватил обмякшее тело на плечо и шагнул к выходу, на ходу вынимая полученный от Ярги телефон.

– Дверь запри.

– Пусть Эрик закрывает, – отозвался довольный брат.

* * *

– *Ярга формирует команду? Ничего странного.*

– *Я вижу, комиссар, вас ничем не удивил.*

– *Постарайтесь, – предложил Сантьяга. – Вдруг получится?*

– *А покурить дадите?*

– *Никотин необычайно вреден для здоровья.*

– *Увы, я пристрастился, – с грустью поведал Схинки.*

– Хотите, мы вас вылечим? – оживился комиссар. – Я слышал, эрлийцы собираются испытать новый препарат. Он вводится непосредственно в...

– Ценю вашу заботу, но я, пожалуй, откажусь, – перебил нава Схинки.

– Не доверяете врачам?

– Не беспокою их без особой нужды.

– Вы травите себя, Схинки.

– Не так давно вы намекали, что здоровье может мне не понадобиться.

– Неужели вы не хотите провести последние часы жизни, ощущая себя бодрым и полным сил?

– Учитывая обстоятельства, я бы, пожалуй, выбрал сигарету.

– Возможно, если вы и впредь будете искренни, мы сможем вернуться к этой теме, – пообещал Сантьяга.

– Вы даете слово?

– Я строю предположения.

– Понятно... – Схинки взял со столика бутылку виски и принялся придирчиво изучать этикетку. – Все понятно... Между прочим, некоторые сорта виски немислимы без хорошей сигары.

– Не этот.

– Согласен, не этот. – Недовольный Схинки вернул бутылку на столик, секунду помолчал, а затем затараторил: – Вот вы говорите: будьте искренним, будьте искрен-

ним... А как я могу быть искренним, если не способен точно рассказать о следующих событиях? Я там не присутствовал и могу лишь догадываться, как все развивалось.

– Вы говорите...

– Я говорю о появлении персонажей, которых никто не ожидал увидеть.

– Они не могли не появиться, – улыбнулся Сантьяга. – Они всегда замешаны.

– Всегда мешают.

– Путаются под ногами, – уточнил комиссар. – Но, как правило, их вмешательство оказывается чем-то полезным. Впрочем, вам ли не знать?

Едва уловимая издевка в голосе нава заставила Схинки поморщиться.

– Поэтому вы их не уничтожили? Они полезны?

– Мы никого не уничтожаем, – неожиданно серьезно ответил Сантьяга. – Этим и отличаемся от вашего дрессировщика.

– Не в этом ли ваша слабость? Вы сквозь пальцы смотрите на шалости шасов-контрабандистов, благодаря которым в мире плодятся человеческие маги. Вы тащите за собой тупых осов, вы не трогаете красноголовых...

– Уничтожить легко, а вот ужиться сложно, – негромко произнес нав. – Ярга слишком долго отсутствовал, он не знает, через что нам пришлось пройти и что понять.

– Ладно, ладно... – махнул рукой Схинки. – Я просто хо-

тел сказать, что в повествование вклинились варвары. Как и положено: дикие и необузданные.

* * *

– Что у нас на фворе, прифурки? – громко осведомился Кувалда.

Тишина.

– В молчанку играть взфумали?

Осторожные всхлипывания.

– Языки поприкутали? – начал заводиться Кувалда. – Фюрера не уважаете?! Сопли его превосхофительству в лицо пускаете!

Всхлипы прекратились: Иголка и Контейнер поняли, что слезами вождя не разжалобить. Всхлипы прекратились, но и отвечать бойцы не спешили.

Встреча, если, конечно, текущему мероприятию можно было дать столь нейтральное определение, проходила в кабинете великого фюрера Красных Шапок, на самой вершине главной и единственной башни Южного Форта. Иголка и Контейнер стояли в центре комнаты, руки связаны за спиной, на лицах – следы вчерашнего дебоша и рвения бойцов уйбуя Трактора, которому Кувалда приказал доставить гуляк «на ауфиенцию». Одноглазый вождь вел разговор из кресла, многозначительно поигрывая кривым, как извилины Эйнштейна, кинжалом. Пахло переработанным виски и хорошо

намыленной веревкой.

– Я в последний раз спрашиваю: что у нас на фворе? – грозно повторил Кувалда и недружелюбно рыгнул в сторону подчиненных чем-то вчерашним.

– Куча мусора, – пискнул Иголка.

И тут же пожалел о содеянном.

– Ты умный? – Единственный глаз Кувалды принялся так буравить подавшего голос бойца, словно великий фюрер пытался выдавить из позвоночника Иголки нефть. Или газ. – Типа, ты эта... образованный?

– Никак нет, – поспешил развеять подозрения Кувалды Иголка.

– А какой ты?

– Дурной, – брякнул перепуганный боец, хорошо знающий, что этот ответ фюреру наверняка понравится.

– Оно и вифно. – Кувалда подумал и, проверяя заточку, нацарапал на столешнице короткое, но весьма неприличное слово. Кинжал оказался острым. – На фворе, тупые вы козлы и прочие животные, могучий кризис, устроенный жафными человеческими банкирами. – Великий фюрер замолчал, изучая реакцию подданных на краткую лекцию по мировой экономике, увидел то, что ожидал: Иголка с Контейнером не прониклись трагизмом момента, и осведомился: – Перевести?

– Всем нужны деньги, – вздохнул прагматичный Контейнер. – А тебе, великофюрерское превосходительство, боль-

ше всех.

– Молодец, – расплылся в ухмылке Кувалда. – Вижу, вешаться не хочешь?

– Нет.

– Я тоже вешаться не хочу, – тут же обозначил свою позицию шустрый Иголка. – Лучше я тебе служить буду, великофюрерское высочество, чем вешаться.

– Правильно, – одобрил великий фюрер. – Но служить мне нафо... эта... как ево...

– Честно, – уныло подсказал Контейнер.

– Можно и так, – согласился Кувалда. – Смекаете, о чем я?

– Смекаем, – не менее уныло, чем приятель, отозвался Иголка. – Давно смекаем, великофюрерское величество.

Причина, по которой Иголка и Контейнер оказались на ковре гостеприимного Кувалды, была проста, как плохой коньяк: бойцы неприлично разбогатели. Причем настолько неприлично, что в настоящий момент их совокупное состояние раза в два превосходило богатство всей семьи, включая долговые расписки шасам и деривативы «Средства от перхоти». Разумеется, отнестись к такой ситуации спокойно великий фюрер не имел никакого права – подданные бы не поняли.

– Липкие пальцы человеческих банкиров сомкнулись на горле нашей свободолюбивой семьи и уфушают ее ими кризисом, – высокопарно, но несколько путано продолжил одноглазый. – Концы грозят профавать виски только по префо-

плате...

– И шасы тоже суки, – добавил Иголка, который понял, что политически верно винить во всех свалившихся на семью бедах липкопальцев чужаков.

– Шасы тоже суки, но не такие, – благосклонно кивнул Кувалда. – Наф шасами Темный Фвор стоит, типа, как я наф вами. Навы знают, что им в Тайном Горофе еще жить фа жить, а потому если шасы начнут свопами наглеть, или, там, сабпраймами какими, навы их прифавят, как асуров, и буфут потом фруг у фруга спрашивать: вы шасов не вифели? А кто это? Вот так... – Великий фюрер отыскал на столе кусок газеты и принялся проверять остроту клинка с его помощью. – А человские банкиры политиками вертят, как эти... в цирке которые...

– Жонглеры? – подсказал Контейнер.

– Фурак ты, боец, а потому буфешь вешаться, – строго ответил Кувалда. – Фрессировщики, мля, это же всем ясно. Вертят, как фрессировщики.

Иголка верноподданно выкатил глаза, всем своим видом демонстрируя, что полностью разделяет недоумение великого фюрера: ну, где, скажите на милость, видано, чтобы жонглеры чем-нибудь вертели? Ясень пень, речь идет о дрессировщиках. Дурак Контейнер, редкостный дурак!

Однако на душе бойца скребли кошки.

Колоссальную добычу, которую Иголке, Контейнеру и Копыто подфартило извлечь из таинственного подземелья, ди-

кари поделили поровну, на четыре части. Копыто сказал, что оставлять великого фюрера без доли тупо, небезопасно и пахнет виселицей. Сообразительный Контейнер согласился с уйбуем сразу, а вот скандальный Иголка попытался оспорить предложение, за что был бит до принятия согласия и едва не лишен доли. В конце концов, все образовалось. Бойцы спрятались на заброшенном складе и почти сутки увлеченно делили богатство, после чего продали оставшийся от разделки добра крупный изумруд человеческому барыге и закатали трехдневную пирушку в «Дворянском гнезде», плавно завершившуюся дебошем в «Средстве от перхоти». Вот тогда-то слух о внезапно разбогатевших Шибзичах докатился наконец и до великого фюрера – каждый из бойцов успел «по секрету» поведать о свалившемся счастье как минимум десятку соплеменников, и Кувалда затребовал везунчиков к себе. Однако посланный Трактор обнаружил в «Средстве от перхоти» лишь Иголку и Контейнера.

– Мы будем противостоять кризису всеми доступными средствами, – твердо заключил великий фюрер. И в подтверждение своих слов воткнул кинжал в столешницу. – Понятно?

Связанные бойцы дружно сглотнули и дружно кивнули.

– Вот и хорошо. – Кувалда извлек кинжал из стола и повторил процедуру. – Тогда поговорим о средствах. Где они?

– Попрятаны, – вздохнув, признался Контейнер.

– Мы ведь не дураки такое богатство в Форт тащить, – поддакнул Иголка.

– Фа уж, не фураки... – протянул Кувалда. – Гфе попрятаны?

– Трактора пошлешь? – поинтересовался Иголка.

– Сам поеффу, – качнул головой одноглазый. – Такие фела контролировать нафо, и контролировать сурово.

– Это правильно, – торопливо согласился Иголка. – Подем вместе, и мы честно покажем, где сокровища попрятаны. Правда?

И ткнул Контейнера локтем.

Тот не очень хорошо понял замысел Иголки, но на всякий случай кивнул. Кувалда улыбнулся и согласился:

– Поефем...

Иголка расцвел. Он уже представлял, как вцепляется великофюрерскому превосходительству в глотку, желательно сзади, после чего хватает спасенное богатство и бежит с ним подальше от Тайного Города... К примеру, в Крыжополь.

– Только я три фесятка бойцов с собой возьму, – добавил Кувалда.

– Зачем? – растерялся Иголка. – Они ведь тебя...

– Офну фесятку Фуричей, офну фесятку Гниличей и офну фесятку Шибзичей, – невозмутимо перечислил великий фюрер. – Межфу собой они точно не фоговорятся, и мы спокойно привезем наше богатство в Форт. Смекаешь?

Со стратегией у одноглазого вождя все было в порядке.

Иголка тоскливо вздохнул. Контейнер, который понял только то, что ничего не получилось, засопел.

Кувалда же нацарапал на столе еще одно неприличное слово, парное к первому, несколько секунд медитировал над получившимся сочетанием, а затем, словно вспомнив нечто крайне важное, громко поинтересовался:

– Кстати, а гфе Копыто?

– В природе, Трактор наш дурак такой, что даже Спящему небось тошно, что он его выдумал, – продолжил Копыто, утирая губы после свежепринятого стакана виски. – Трактор, едва услышал, что меня доставить надо, дык сразу решил, что я уже товой – вешанный болтаюсь. Помчался в «Средство» радостный, как депутат, и давай тама топать. Ну, я и проснулся. Не сразу, но потом проснулся. Слышу, они в потемках шарят, и один другого спрашивает: ты Копыто узнаешь? А тот отвечает: конечно, мля, узнаю, он же великий герой, всей семье известный...

– Так прямо и ответил? – недоверчиво прищурился слушатель.

Уйбуй немедленно набычился:

– Я что, врать стану?

– Нет, я так не сказал.

– Тогда молчи ваще в природе, а то рассказывать перестану. – Копыто плеснул себе еще виски и веско подтвердил: – Так и сказал.

В действительности посланные Кувалдой бойцы назвали искомого уйбуя не «великим героем», а обидным и неприличным словом, даже несколькими словами, однако цитировать их случайному собутыльнику беглый Копыто не соби­рался. Как и все великие воины, он хорошо знал, что такое гордость.

– Короче, повезло мне, в натуре, что я у дверей у самых лежал, – вернулся к повествованию уйбуй. – Ну, не совсем у дверей, а еще сбоку, потому что мы вчера... – Он осторожно потрогал ссадину на левой скуле. – Мы вчера с корешем одним шутили сильно, и я там остался потом. Эти дураки туда пошли, к бару, потому что у нас, когда деньги есть, все к бару рвутся, чтобы ничего не пропустить, а там только Иголка с Контейнером валялись. А я тихонько за дверь прополз и того... – Копыто повертел в руке стакан с виски и неожиданно грустно закончил: – Эта... уехал, короче.

Залпом выпил и поправил съехавшую на затылок бандану.

Собеседники, притулившиеся за самым дальним столиком «Трех Педалей», были, мягко говоря, не похожи друг на друга.

Уйбуй Копыто из клана Шибзичей до вчерашнего дня считался правой рукой великого фюрера Красных Шапок, самым его доверенным помощником и главным вешателем. Сегодняшнее утро славный уйбуй встретил в роли диссидента и беглого каторжника, однако на его внешности перемена пока не отразилась. Невысокий, жилистый, похожий на

агрессивного шимпанзе, Копыто был одет в черный кожаный жилет, кожаные штаны и грубые башмаки. Руки, шею и грудь дикаря покрывали многочисленные разноцветные татуировки, отчего казалось, что под жилет уйбуй напялил футболку с длинными рукавами. На лысой голове – традиционная красная бандана, а вот оружейный пояс с ятаганом и пистолетом пришлось оставить на входе: концы не пускали в заведения вооруженных посетителей.

Собеседником дикаря выступал молодой, лет двадцати пяти—тридцати, чел. Среднего роста, но очень худой, отчего смотрелся щуплым и, соответственно, не опасным. Длинные, почти до плеч, темно-русые волосы представляли собой настоящую гриву, благодаря чему голова чела выглядела слишком большой для тощего тела. Лицо у парня было маленьким, узким, зато с богатой мимикой. Казалось, к примеру, что собеседник уйбуя не способен улыбаться только губами или только глазами – в движение приходили едва ли не все лицевые мышцы, собирались бесчисленные морщинки, и даже во время мимолетной улыбки на лице отражалась подлинная радость.

– Вот так, Сиракуза, я все потерял: славу, почет и положение в семье, – подвел драматический итог Копыто и распечатал очередную бутылку. – Пусть мой урок послужит тебе, в натуре, примером. Когда найдешь богатство...

– Я вот не понял, – мягко перебил дикаря чел. Парня звали Иваном, однако обитателям Тайного Города он предпо-

читал представляться псевдонимом. Ваня Сиракуза, начинающий наемник, мало кому известный и мало кого интересующий. – Ты какого хрена с фюрером не поделился? Понятно же было, что он тебя загнобит.

– Я хотел, – кивнул Копыто. – Даже долю припас.

– И?

– Забыл, – вздохнул уйбуй. – У нас ведь праздник получился по поводу, ну я и закрутился, в натуре. То, се, пятое, десятое, кругом голова навывлет пошла, вот и заблудился. – Порция виски отправилась по назначению, Копыто рыгнул и поправился: – Забыл, мля. Как Сусанин дорогу.

– Так позвони Кувалде, – предложил Сиракуза. – Объяснись.

– Теперя поздно, – качнул головой уйбуй. – Теперя он злой и все у меня отнимет, чтобы другим неповадно, в натуре. Чисто клин всюду, мля.

И пожевал соленых орешков, единственной закуски, украшавшей стол.

– А ты все отдавать не хочешь... – протянул Ваня.

– Жалко, мля, я ведь ради этого богатства шесть боевых големов! Вот этими руками... – Копыто недоуменно поглядел на сжавшиеся кулаки, после чего героически закончил: – Вот этими руками порвал семь боевых големов, мля. Такой подвиг псу под хвост, в натуре.

– Обидно, – согласился Сиракуза, сделал маленький глоток виски – он до сих пор тянул стакан, наполненный час на-

зад, в самом начале разговора, – и поинтересовался: – Какие планы на жизнь?

– Нажрись, – односложно отозвался Копыто.

– Это не планы, – поправил дикаря Ваня. – Это список дел «на сегодня». Дальше что?

– Дальше меня кто-нибудь убьет.

– То есть все плохо?

– Скоро вам же никак не будет, ни плохо, ни хорошо.

Сиракуза выдал подходящую печальную гримасу, даже пробормотал что-то вроде: «Ну, ну... крепись», однако внимательный собеседник, то есть не Красная Шапка, обязательно бы понял, что парень крепко задумался.

Копыто же, в свою очередь, отвлекся на ближайший монитор, на котором демонстрировался очередной этап ралли.

– Так и знал, мля, что этот, с цифрами на боку, выиграет! Надо было поставить пару тысяч...

Упоминание о деньгах выдернуло Сиракузу из задумчивости так же быстро, как мышка – репку. Он подлил уйбуй виски и негромко спросил:

– Получается, Копыто, у тебя сейчас половина того, что вы с приятелями добыли, так?

О количестве добра уйбуй не распространялся, однако Ваня понял, что речь идет о весьма и весьма приличной сумме.

– А тебе что? – грубовато ответил дикарь и машинально потрогал себя за пузо, где в обычное время болтался ятаган. Рукоять не обнаружилась, и уйбуй насторожился еще боль-

ше.

– Я спрашиваю...

– Иди в телевизор и там спрашивай.

– То есть помощь тебе не нужна?

– Я сам свои бабки потрачу, – пообещал Копыто. – Если успею.

– Бабок у тебя нет, – уточнил Сиракуза. – Только золото.

– И камни.

– А чтобы выжить, нужны деньги.

– Почему? – осведомился недогадливый дикарь.

– Потому что с деньгами ты – вжик! – и смотался, куда хочешь. А вот с золотом – вряд ли. Золото товар надежный, но чересчур недвижимый.

– Куда я хочу? – поинтересовался сбитый с толку уйбуй.

– Туда, где не повесят.

Мысль показалась дикарю любопытной, тем более что некоторое время назад он уже думал в этом направлении. Однако бегство в Крыжополь не казалось перспективным выходом, другие же маршруты уйбуй изучить не успел.

– А это где?

– Существуют такие места, – многообещающе ответил Сиракуза. – Но ехать туда нужно с деньгами...

– У меня есть золото и камни, – с готовностью поведал дикарь. И с уважением посмотрел на мощный коммуникатор, лежавший на столе перед челом. – Рисуй дорогу!

Ваня вздохнул, на мгновение на его лице отразились со-

мнения в задуманном. Однако уже в следующий миг он твердо продолжил:

– Копыто, я могу тебе помочь...

– Чисто по дружбе?

– Чисто за деньги.

Уйбуй насупился:

– Скока хочешь?

– Зарплата плюс проценты.

– За что?

– За работу.

– А что ты будешь делать?

– Давать дельные советы.

– А как я узнаю, мля, дельные они или поддельные?

– По результату.

– По чему?

Очередной глубокий вздох Сиракуза сумел подавить в зародыше. Общение с дикарем требовало куда больше усилий, чем представлялось, однако терпением Спящий Ваню не обделил.

– Слушай, Копыто, у тебя сейчас золото и камни, так?

– Так, – подтвердил уйбуй. – А еще Кувалда, сука, который меня повесить хочет...

– Не важно, – оборвал дикаря Сиракуза. – Если я помогу тебе продать золото и камни за правильные деньги, ты поверишь, что я – хороший советник?

– Я тебе золото не отдам, – отрезал уйбуй. – Я не дурак.

– Не нужно, – махнул рукой Сиракуза. – Я расскажу, как его продать, а заниматься этим будешь ты.

– А ты?

– А я, если у тебя все получится, стану твоим советником.

– За деньги? – уточнил Копыто.

– Верно.

Уйбуй поразмыслил, после чего кивнул:

– Говори.

– Ты не забудешь об обещании?

– О каком?

– Назначить меня своим советником.

– А-а... – Копыто потер уши, но поняв, что массаж память не укрепит, спросил: – Ручка есть?

– Э-э... – Сиракуза порылся в барсетке и протянул дикарю авторучку: – Есть.

Уйбуй важно снял бандану, расправил ее на столе и старательно изобразил на внутренней стороне надпись: «Сиакуса».

– Теперь не забуду. – После чего вернул бандану на голову, а ручку положил в карман жилетки. – Говори.

– Гм... – Ваня почесал подбородок, но требовать собственность обратно не стал. – Ну, слушай...

* * *

– *Теперь покурить дадите? – с надеждой осведомился*

Схинки.

– Считайте отсутствие сигарет формой пытки, – несколько рассеянно отозвался Сантьяга.

– В таком случае, считайте мой рассказ формой сплетни, – пробурчал Схинки. – Чего только не наплетешь по пьяни...

– В конце беседы мы обязательно проверим вашу искренность, – пообещал комиссар.

– Я должен бояться?

– Вы должны быть правдивы.

– Вы уже просили об этом.

– Я не просил, я рекомендовал.

Схинки задумчиво почесал левое бедро, потом правое, покосился на стакан с виски, однако братъ его не стал. Кивнул на картины, украшавшие стены кабинета:

– Ваши художества?

– Нет.

– Я так и думал. – И язвительно добавил: – Они слишком хороши.

– Ну, если даже вы их оценили, то спорить бессмысленно, – не менее язвительно ответил Сантьяга. – Холсты на самом деле великолепны. Их писал гений.

– Чел?

– Как вы узнали? – с искренним интересом спросил комиссар. – Многие считают, что это работы Алира Кумара.

– В картинах гениальных шасов есть мудрость поколе-

ний, за них играет опыт тысяч и тысяч лет, – ответил Схинки. – А в работах челов чувствуется молодость расы. Их эмоции подобны волнам – завораживают, но не проникают слишком глубоко... – Схинки ткнул пальцем в одну из картин: – Что вы думаете, глядя на нее? Что вы думаете сейчас?

Цунами, сметающее с лица земли маленький прибрежный городок. Энергетика разрушения била с холста силой колоссальной волны, впивалась в самую душу, холодила.

– Пытаетесь провести параллели с реальностью? – со спокойной улыбкой спросил нав.

– Пытаюсь сказать, что работы челов не глубоки, мы ведь говорим об искусстве, так? – Схинки вновь почесал бедра. – Им кажется, будто смерть – самое страшное, что может ожидать живое существо, а вы, якобы мудрые обитатели Тайного Города, идете на поводу у молокососов. Разделяете их незрелые эмоции.

– Вы сами сказали, что шасы пишат глубже, – заметил Сантьяга.

– Но в их основе та же ошибка! – Схинки схватил стакан с виски. – Вы хотели услышать правду? Вы хотели услышать даже самые незначительные детали? Пусть так. Услышите. Вы когда-нибудь смотрели порнографические кинокартины? Нет? А еще рассказываете мне о правдивости. Так вот, я недавно посмотрел одну занятную ленту... Возможно, мне попался не лучший образец жанра, но я от-

мечу, что фантазия сценаристов меркнет на фоне того, что Лая Турчи считала обыденным приключением. А еще ее заводила безнаказанность, которую могла дать только магия...

* * *

– Ты представляешь, что будет, если нас поймают? – Грим, широкоплечий, светловолосый, схватил Лаю за руку и притянул к себе. – Скандал!

Тон был веселым, а вот движение – излишне резким, выдающим беспокойство. Однако девушка не обиделась. Игриво прильнула к другу, словно сама хотела, чтобы он ее дернул, положила руку на крепкое плечо, хитро заглянула в глаза:

– Я думала, это заводит.

– Я...

Через тонкую ткань платья пышет жаром разгоряченное тело. Губы чуть приоткрыты и чуть дрожат, в глазах – знакомые искорки. Когда женщина в таком состоянии, ей нельзя отказать. Невозможно.

– Да, – коротко ответил Грим.

– Будет здорово!

Невысокая, смуглая, с короткими черными волосами и черными глазами, она была очень гибкой, подвижной, как белка. Широкоплечий Грим выглядел рядом с нею увальнем.

– Ты еще более испорченна, чем я ожидал.

– Тебя это заводит?

– Думаешь только об этом?

Вместо ответа Лая встала на цыпочки и жестко впиалась в губы друга. Поцелуй получился горячим.

– Я думаю об удовольствии. Об остром, очень остром удовольствии. – Она нежно укусила Грима в шею. – Об удовольствии сейчас.

– А последствия?

– Не будь занудой! Мы собираемся развлечься.

– Но...

– Они выходят!

Ее рука забралась под рубашку, пальцы пробежали по спине, и предвкушение накрыло Грима с головой. Он завелся и прошептал:

– Сделаем!

Скрипнула дверь, и на площадку вышла женщина лет сорока, за ней – мужчина. Обычная семейная пара, собрались за покупками или прогуляться. Увидев Грима и Лаю, не удивились, видимо, в подъезде частенько тискались влюбленные. Женщина демонстративно отвела взгляд, однако почти сразу вновь уставилась на Лаю. Заметила соскользнувшую бретельку: платье девушки опустилось, приоткрыв тугую смуглую грудь. В глазах женщины вспыхнула злость.

– Совсем обнаглели!

«Сейчас!»

Лая выхватила из-за пояса Грима пистолет:

– Ни с места!!

И нажала на спусковой крючок.

Заранее наведенный морок скрыл от соседей и грохот холостого выстрела, и визг перепуганной женщины. Грим распахнул едва успевшую закрыться дверь и затолкал мужчину обратно в квартиру. Лая – не менее жестко – женщину.

– Хотите жить – не вякайте!

Грим и его пленник уже в гостиной.

– Что есть?

– Стулья!

– Пожалуйста, не надо...

– Сойдет!

Грим грубо усадил мужчину на стул и принялся ловко вязать его скотчем.

– Я отдам деньги...

– Не трепыхайся и останешься жив. Мы не грабители.

– Я отдам...

– Готово!

– Иди туда, сука!

Оглушенная выстрелом, еще не пришедшая в себя женщина подчинилась резкому приказу Лаи.

– Садись!

Грим так же быстро связал хозяйку квартиры.

– Готово!

– У меня тоже!

Он повернулся. И задрожал.

От предвкушения. От желания.

Лая расположилась на скрипучем столе, небрежно скинув на пол скатерть и дешевую, «под бронзу», вазочку. Платье бесстыдно задрано, бедра разведены, манят откровенностью, доступностью. В правой руке – пистолет, а в глазах – пожар. Лая ждет, но не покорно – страстно. Яростная пантера. Запах ее нетерпения дурманит голову.

Зрители, которым предусмотрительно вставили кляпы, дружно выкатили глаза и замычали.

– Скорее...

Опьяненный желанием Грим подошел к столу, без слов – он знал, что сейчас Лая не хочет слышать слов, – расстегнул брюки и грубовато вошел в девушку. Он знал, что сейчас, именно сейчас, она хочет вот так – резко. По ее телу пробежала дрожь.

– Скорее!

Мычание зрителей совсем не походило на ритм, но им он и не требовался.

– Скорее!

Но Грим не торопился. Расстегнул на девушке платье, обнажив тугие смуглые груди с розовыми сосками, сдавил их, наклонился и поцеловал Лаю в губы.

– Скорее...

– Тебе понравилось?

– Это было... остро.

– Это значит – да?

– Да, – поколебавшись, ответил Грим. – Это значит – да.

– Хорошо! А то я подумала, что ты не расслабился... –

Лая беззаботно потянулась, перекатилась к краю кровати и взяла с тумбочки бокал с вином. – Какие у них были рожи!

Сумасшедшая дура. Любимая. Отмороженная. Похожая на наркотик... Ее безумные выходки распалили, погружали в какую-то новую, чарующую и пугающую реальность. Жестокие, яркие, сладкие, подлые... Грим никогда не думал, что способен на подобные безрассудства, а вот попробовал и втянулся. И как-то признался себе, что теперь не сможет без Лай, что мир без нее окажется тусклым. В нем не будет огня, дарующего не тепло, но жар.

– А эта крашенная сука тарашилась так, будто никогда не видела настоящего секса! Ну, ничего, ей полезно!

Хозяева квартиры освободились через час после ухода парочки. Что они будут делать, ни Грима, ни Лаю не волновало. Возможно, постараются забыть случившееся, как страшный сон. Возможно, обратятся в полицию, но описание хулиганов не будет иметь ничего общего с настоящим обликом Грима и Лай. И отпечатков пальцев в квартире не найдут. И других следов тоже.

Магия, черт бы ее побрал! Магия!

А довольные любовники продолжили свидание в спальне Грима.

- Что будем делать вечером?
- Потусуемся в «Ящеррице»?
- А что там сегодня?
- Танцы.
- Просто танцы? – удивился Грим.

Ответить Лая не успела – зазвонил телефон. Девушка вздохнула, явно не собираясь отвечать, однако, посмотрев на экран, поморщилась и, произнеся: «Тихо!», нажала кнопку:

– Да?

– Ты опять с ним? – ворчливо поинтересовался мужчина на том конце линии.

– Не твое дело, Манан, – ровно произнесла девушка.

– Он тебе еще не надоел?

– Почему ты все время лезешь не в свое дело?

– Ты – моя дочь.

– Но не твой голем!

Манан помолчал, затем примирительно произнес:

– Я не хотел ругаться.

– У тебя опять не получилось. Зачем звонишь?

– Скажи своему приятелю, что он мне нужен.

Странная фраза. Странная и совершенно невозможная.

– Неужели? – удивилась Лая. – Зачем?

– Он ведь наемник, так? Так. Я хочу его нанять.

– По-родственному? Со скидкой?

Пауза продлилась несколько секунд.

– Лая, прошу, не доставляй мне больше боли, чем уже до-

ставила, – тихо попросил девушку отец. – Мне нужен наемник. Твой... приятель согласится подработать?

На этот раз помолчала девушка.

– Я спрошу.

– Спасибо.

Лая отключила телефон и с улыбкой посмотрела на Грима.

– Манан хочет тебя нанять.

– Шутишь?! – Наемник приподнялся на локте. – Я думал, он меня ненавидит.

– Именно поэтому мне интересно, захочешь ли ты работать?

Грим неуверенно пожал плечами.

– Зависит от того, что он предложит.

Лая прищурилась.

– Ты был прав: он тебя ненавидит. Его бесит, что я сплю с челом.

– Возможно, если я исполню контракт, Манан переменит свое отношение.

– Для тебя это важно?

Грим внимательно посмотрел на девушку.

– Для меня важна ты.

Долгий взгляд, долгое прикосновение. Лая давно призналась себе, что Грим тоже стал для нее наркотиком. Не говорила вслух, но призналась.

– Мне плевать на мнение Манана. – Черные глаза шасы не

лгали – ей было плевать на мнение отца.

– Но ты расстроилась, когда он позвонил.

И это тоже было правдой.

– Я делаю то, что хочу, а он не должен вмешиваться в мою жизнь.

Голос прозвучал твердо, очень твердо, однако Грима столь категорическое высказывание не устроило. Он знал, что в глубине души Лая относится к отцу теплее, чем показывает.

– Мне кажется, тебе будет легче, если наши с Мананом отношения улучшатся, – мягко произнес наемник.

Лая поджала губы, провела пальцем по плечу Грима, прищурилась и, глядя любовнику в глаза, согласилась:

– Мне будет легче.

– В таком случае, я подпишу контракт.

– У тебя есть его номер. – Девушка поднялась с кровати. – Если что, я буду в ванной.

Потянувшийся за телефоном Грим замер. Посмотрел на ягодицы медленно идущей к дверям девушки и улыбнулся.

– Может, сначала я потру тебе спину?

– А у тебя получится? – не оборачиваясь, поинтересовалась Лая.

– Вот и проверим!

* * *

– Вы приводите весьма занятные подробности, Схинки, –

чуть удивленно протянул Сантьяга. – Не ожидал.

– Они вас возбуждают?

– Мне любопытно, откуда вам известны столь пикантные детали взаимоотношений Грима и Лаи? – Комиссар поправил манжету. – От кого-то из них?

– Разумеется.

– Вы расспрашивали их настолько подробно?

– Мой господин предельно внимательно подходит к отбору помощников.

– Да, я заметил.

Однако выбранный комиссаром тон не понравился собеседнику.

– Не думаю, что в данном случае уместна ирония, – насупился Схинки. – Мы в самом начале беседы, вы еще многого не понимаете. А когда поймете, возможно, пожалеете.

– О том, что был ироничен?

– О том, что поняли.

Несколько секунд Сантьяга и Схинки смотрели друг другу в глаза. Жестко. Внимательно. Затем комиссар улыбнулся.

– В таком случае, прошу, продолжайте. Поразите меня.

– Для этого придется перепрыгнуть через пару эпизодов, и вполне возможно, вы потеряете нить повествования.

– Оно становится настолько сумбурным?

– Сложным.

– Меня не смущают путаные истории. – Сантьяга вновь взялся за коньяк. – Видите ли, далеко не все оказывающие-

ся в моем кабинете... собеседники способны сохранять ясное мышление. Я привык восстанавливать истину по обрывистым фразам, перемежаемым...

– Всклипами? Стонами? Криками боли?

– Нет, – покачал головой комиссар. – Четко выстроенными предложениями. – Глотнул коньяка и скромно уточнил: – Мы ведь в моем кабинете. Здесь я разговариваю.

– Но я помню, как вы мне угрожали!

– Ни в коем случае, Схинки, ни в коем случае. – Глаза нава напомнили его собеседнику черные дыры: все притягивали, но ничего не отдавали. – Вы судите чересчур примитивно, оперируете лишь двумя понятиями, двумя цветами: черным и белым. А ведь богатство мира прячется в полутонах. В оттенках...

– Конечно, конечно, я всего лишь несчастный, плохо воспитанный Схинки, которому никогда не откроется подлинная красота. Я знаю.

– Вы в силах это изменить. Поступите в среднюю школу. Выучитесь на кого-нибудь. Прочтите пару книг, в конце концов.

– Возможно, потом. – Схинки забросил ноги на подлокотник кресла. – А пока давайте вернемся на базу...

* * *

– Ты такой холодный...

Это шепот. Едва различимый, прячущийся в губах, легкий, как дыхание, но страстный, обжигающе страстный. Горячий шепот о холоде.

– Ты выходил на улицу в одной рубашке?

Поздняя осень в Нью-Йорке – не лучшее время для прогулок без пальто. Даже для очень коротких прогулок. Она беспокоилась о нем.

– Покупал сигареты...

Он брякнул первое, что пришло в голову, что пару раз слышал от нее. А она и забыла, что он не курит. Вылетело из головы, поскольку все мысли вились вокруг желания.

– Плевать, что ты там делал...

Руки скользят по плечам, губы целуют холодную щеку, холодную шею, пальцы зарываются в короткие, густые волосы. Его дыхание становится прерывистым. Он тоже заводится. К тому же сегодня он впервые дал ей почувствовать истинную температуру своего тела. Потому что сегодня они занимаются любовью в последний раз. И эта мысль возбуждает больше, чем откровенность ее желания.

– Я хочу тебя согреть.

– Я тоже этого хочу.

Шепот, полный страсти и предвкушения. Шепот, живущий лишь в сумраке спальни. Шепот... и слова не важны. Они могут быть любыми. Это шепот самой любви...

– Ты специально пришел в мою постель таким холодным?

– Тебя это заводит?

– Обжигает...

Девушка закрывает глаза. Улыбается, прижимаясь к навалившемуся любовнику, проводит кончиком языка по пухленьким, нарисованным темно-красной помадой губам, левой, свободной, рукой сдавливает свою грудь... и вздрагивает.

– Ты...

– Нравится?

Девушка широко распахивает зеленые глаза – в них боль. Тело не лжет, тело кричит: боль! Смерть! Боль! Инстинкты пляшут кадрили, но разум... Разум зачарован жарким холодом объятий. Разум заставляет шептать:

– Мне нравится...

Разум приказывает глазам закрыться. И приказывает рукам обнимать холодное, как ярость викинга, тело любовника. Убийцы.

Наслаждение...

– Ты самый лучший... Бруно, ты слышишь? Ты самый лучший! А-а... – Боль или удовольствие? Что вызвало стон? – Я не знала, что кто-то умеет так любить...

Мужчина не отвечает. Он занят. Он слишком глубоко вошел, иглы погрузились до самых десен и уверенно тянут ее жизнь в его тело. Ему становится теплее. А она... она ничего не замечает. Сигналы тела становятся слабее. Тело сдаётся. Тело понимает, что погруженный в наслаждение разум забыл обо всем на свете. Даже о том, что тело умирает.

Тело умирает, а губы шепчут:

– Мне хорошо с тобой...

Она тихонько и счастливо вздыхает.

Он молчит.

Он не может ответить.

Ее глаза больше не откроются.

А ее лицо медленно тает, обращаясь в зыбкую дымку. Облако образов расплывается, открывая вид на дальнюю стену лаборатории...

Ярга усмехнулся и повел рукой, окончательно развеивая в ничто вызванное из глубин памяти младшего Луминара событие. Еще один штрих к портрету вампира.

– Любишь убивать романтично? Не ожидал, Бруно, не ожидал. Ты казался... – Подыскивая подходящее определение, Ярга перевел взгляд на молодого Луминара. – Ты казался менее извращенным.

Обнаженный Бруно был запечатан в пульсирующий розовый куб, который висел в воздухе рядом с Яргой. Тело масана отчетливо просматривалось через прозрачный материал, а голову окутывало плотное темно-синее облако, из которого призрачной дымкой поднимались заинтересовавшие нава воспоминания.

– Нравится вести себя красиво, но фантазии маловато. Эту черту характера можно использовать...

– Для чего?

– Для дела, разумеется.

Схинки вошел в лабораторию без приглашения, даже не постучался. Своим ключом открыл электронный замок, спокойно преодолел магическую защиту – контур «кольца саламандры» распознал своего – и уселся на металлический стул, насмешливо разглядывая масана.

– Муха в янтаре.

– Зачем притащился?

Однако подлинного раздражения в голосе Ярга не слышалось. Наоборот, казалось, что неожиданный визит обрадовал нава: пришел друг настолько близкий, что его появление всегда в радость.

– Три масана и девка, – сообщил Схинки. – Кто-то из них шпион Сантьяги. – Ткнул пальцем в Бруно: – Не он.

– Среди новичков всегда есть шпионы, – пожал плечами Ярга, медленно и очень тщательно разминая пальцы.

– Получается, Тео или Катарина?

– Получается, – подтвердил нав.

Несколько секунд они молча смотрели друг на друга. Ярга едва заметно улыбался, Схинки напряженно всматривался в его лицо. Потом сообразил.

– Ты не хочешь их оперировать!

– Не хочу, – подтвердил нав.

– Почему?

– Настало время изменить тактику, – объяснил Ярга. – До сих пор мы разоблачали шпионов и убивали их. Теперь же пришла пора для небольшой демонстрации.

– Не рановато?

– Собрался со мной спорить? – резко бросил нав.

Однако эта искренняя резкость не произвела на Схинки впечатления. В ответ он лишь удивленно поднял брови.

– А для чего ты меня держишь?

Ярга поморщился, отвернулся к Бруно, но через пару мгновений ответил:

– Не рано. В самый раз.

– Хорошо...

– Проваливай! Ты мешаешь.

Схинки послушно поднялся на ноги и направился к дверям.

– К тому же я не могу оперировать всех, – добавил нав.

Для этого нет ни возможностей, ни желания.

Процедура, которой Ярга подвергал некоторых своих помощников, требовала огромного расхода магической энергии и невероятных усилий. Длилась она недолго, от сорока минут до часа, однако выжимала досуха, на полное восстановление сил нав тратил до полусуток.

Тем не менее результат того стоил.

Ярга посмотрел на Бруно, усмехнулся, на этот раз жестко, после чего аккуратно погрузил руки в куб. Прохождение через розовое потребовало некоторых усилий, а вот темное облако приняло длинные кисти нава легко.

– Посмотрим, посмотрим... – Вниз Ярга не смотрел, наоборот, поднял взгляд вверх, к потолку, работал с головой

Бруно на ощупь, но, судя по выражению лица нава, все шло так, как он хотел. – Ага, добрался...

Розовое чуть потемнело: пребывающий без сознания масан попытался изогнуться, и субстанции, из которой был сделан куб, пришлось уплотниться.

– Спокойно, спокойно, – пробормотал нав, продолжаяковыряться в облаке. – Тебе ведь пока не больно, просто неприятно. Самое интересное начнется потом.

Ярга вытащил руки из головы Бруно, тяжело вздохнул, отступил от куба, и рядом с ним тут же появился кусок мыла, затем наклоненный кувшин – вода потекла в подлетевший тазик. Ярга вымыл руки, вытер их полотенцем и задумчиво подошел к грозди стеклянных шаров, прикрепленных в одном из углов лаборатории.

– Кажется, была подходящая заготовка...

Выбрал один из шаров, внимательно взгляделся в плавающий внутри туман, удовлетворенно кивнул, вернулся к Бруно и осторожно поместил шар в облако. Примерно через минуту темно-синее, а потом и розовое выдавили из себя опустевшую стеклянную оболочку.

– Очень хорошо.

Оставалось самое главное, самое интересное и самое трудное. Ярга глубоко вздохнул, закрыл глаза, досчитал до пяти и вновь погрузил руки в голову масана.

– Эрик! Здесь только что лежал мой бумажник.

– Я не брал, – равнодушно ответил дремлющий в кресле Робене.

Однако такой ответ Луминара не устроил, и он грубовато продолжил:

– Я не шучу.

– Я тоже.

– Какого черта...

Щелчок зажигалки заставил масанов одновременно поднять головы к потолку, а облако дыма, которое выдохнул в их сторону раскуривший сигарету орангутан, – поморщиться. До курильщика было далеко, футов двадцать пять по прямой, однако нелюбимый табачный дух преодолел это расстояние шутя.

– Кажется, я знаю, где твой бумажник, – с прежним безразличием произнес Робене.

Ярга простил обезьяну, выпустил из колеса, вернул первоначальный облик, и орангутан продолжил вести себя в привычном ключе – крал все, что плохо лежит.

– Скотина! – С чувством выругался Тео. И, разглядев за поясом орангутана свое имущество, потребовал: – Отдай!

Однако челообразный лишь скорчил гримасу и выдал очередную порцию дыма.

Главная гостиная была обставлена куда уютнее личных комнат и безликих кабинетов базы. Огромная зала – не менее трехсот квадратных ярдов – поднималась вверх на тридцать футов. По периметру, на высоте примерно пятнадцати

футов, она была опоясана металлической галереей, на которую выходили коридоры базы. Бетонный пол покрывали толстые ковры. Кожаные кресла и диваны, журнальные столики, здоровенный плазменный экран, несколько полок с дисками, бар, бильярдный стол, камин... Гостиная была излюбленным местом проведения досуга, однако сейчас, в разгар дня, в ней болтались только два масана. И обезьяна.

– Тварь!

Еще одна гримаса.

– Отдай бумажник!

Орангутан, пристроившийся на здоровенной бронзовой люстре, запрокинул голову, по всей видимости, изображая сатанинский хохот.

У Луминара от бешенства свело пальцы.

– А он хорошо двигается, – заметил Эрик. – Даже мы его не заметили.

И невозмутимо стряхнул с плеча сигаретный пепел.

Равнодушие Эрика было понятным: его бумажник покоился в кармане. А вот разъяренному Луминару было не до наблюдений.

– Отдай кошелек, сволочь!

Ощерившийся масан присел и резко выпрыгнул вверх, но недотянул до люстры футов пять.

– Убью!

Робене тонко улыбнулся, но промолчал.

Обезьяна же для начала метнула в разъяренного Тео оку-

рок, а затем принялась с деловым видом потрошить бумажник.

– Черт! Эрик!

– Что я могу?

– Дай нож!

Робене никогда не расставался с кривым, как скрюченный радикулитом кинжал, керамбитом – сказывались комплексы, приобретенные во время босяцкого детства в Гонконге.

– Ты собираешься его метать?

– Да!

Глупо. Метнуть керамбит невозможно, разве что запустить им. Однако Луминару было все равно.

– Дай!

– Это же любимец Ярги, – проворчал Эрик, не делая ни малейшей попытки потянуться за оружием. – В колесо захотел?

– Проклятье!!

На пол посыпались банкноты.

И магией крови не воспользуешься – Ярга категорически запрещал колдовать на территории базы.

– Черт! – Тео запустил в обезьяну чашкой, но ловкий зверь без труда увернулся от снаряда. – Я до тебя доберусь!

Следующая гримаса продемонстрировала всю глубину недоверия орангутана к обещанию масана.

– Сволочь!

Зверь вновь изобразил смех, затем раскачал люстру, пе-

репрыгнул на галерею и смылся в коридор.

– Ты посмотри! – Тео с отвращением оглядел обслонявленный, старательно искусанный бумажник, швырнул его в угол, сложил собранные с пола банкноты и сунул их в задний карман брюк. – Клянусь кишками Спящего, когда-нибудь я доберусь до скотины!

– Вряд ли успеешь первым.

Масанам уже рассказали, что почти все обитатели базы мечтали размозжить рыжей скотине череп.

– Постараюсь! – Тео плюхнулся в кресло. – На кой черт Ярге нужна эта тварь?

– Он говорит, что после Нави разумные шли по нисходящей, и этот зверек – прототип следующей доминирующей расы.

– Сам так сказал? – недоверчиво прищурился Тео.

– Да, – подтвердил Робене.

– Когда?

– Когда мы разговаривали.

– А-а... – Тео почесал в затылке. – Ты, кстати, так и не рассказал, о чем вы трепались?

– О жизни, – ровно ответил Эрик.

– О прошлом расспрашивал?

– Да.

– Понятно.

Старший Луминар замолчал.

Побоялся, что не сможет спрятать охватившие его сомне-

ния, точнее – нехорошие предчувствия, что появились вчера, после возвращения Эрика с той беседы.

На первый взгляд Робене не изменился, вел себя по-прежнему, однако пару раз умолкал на полуслове, неподвижно уставившись на какой-нибудь предмет. На вопрос: «Какого черта?» усмехался и коротко отвечал: «Задумался, бывает». До сих пор не бывало. А сейчас... Тео знал, что выходка обезьяны не оставила бы Робене равнодушным: или заржал бы, как сумасшедший, или бросился бы на помощь. Сегодняшний Эрик предпочел остаться в стороне.

– Ярга обо мне и Бруно спрашивал?

– Ерунду всякую. Сказал, что важные подробности сам от вас узнает.

– Понятно.

«Не слишком ли часто я повторяю: «понятно»?»

Тео бросил быстрый взгляд на приятеля, однако тот переключил все внимание на вошедшего в гостиную голема, смотрел на куклу так, словно от ее действий зависело нечто важное.

«Да что, черт побери, происходит?!»

Тео тоже посмотрел на голема. Кукла как кукла. Широкая фигура, невыразительное лицо, на котором навеки застыло выражение тупого послушания, серая униформа – уборщик, мать его! Впрочем, у големов-стюардов физиономии не менее дебильные, все отличие – комбинезоны белые.

Уборщик уныло доковылял до разбитой Луминаром чаш-

ки и принялся аккуратно собирать с пола осколки.

– Ты слышал, как он вошел? – спросил Эрик.

Тео нахмурился:

– Нет.

– А еще мы не слышали орангутана. Даже не заметили, как он утащил твой бумажник.

– Хочешь сказать, что обезьяна тоже голем?

– Хочу сказать, что слуги Ярги необычайно сильны. Он великий колдун, и служить ему большая честь.

– А-а...

Больше всего на свете Тео хотелось выругаться, однако Луминар понимал, что вести себя следует осторожно – во-круг полно видеокamer, а потому поддержал приятеля:

– Когда-то я думал, что лучший в мире босс – Борис, теперь вижу, что нашему кардиналу далеко до Ярги.

Получилось вполне верноподданно.

Голем закончил уборку и направился к дверям. Эрик проводил его взглядом, и было в глазах Робене нечто такое, что роднило его с тупой куклой. Нечто неуловимо общее. Нечто, данное Яргой. И от этого «нечто», от тех предчувствий, что оно навевало, Тео хотелось выть.

«Бруно! Черт бы тебя побрал! Где же ты?!»

Выть хотелось и кое-кому еще.

От страха, горя, непонимания и тоски.

Но выть не по-волчьи, как матерому масану, а тонко, жа-

лобно. Даже не выть – подвывать. Скулить хотелось, забиться в уголок, закрыть глаза и скулить.

– Вам нужны деньги? Вы не ошиблись: у меня есть деньги... – Молодая женщина всхлипнула, закусив губу, сглотнула, подавив рыдания, и дрожащим голосом продолжила: – Вам нужны деньги? Я дам столько, сколько скажете. Я отдам все! Если вам нужны деньги, я их дам. Пожалуйста...

Она сидела в кресле, ссутулившись и комкая руками край футболки. Голова опущена, короткие светлые волосы падают на лицо, скрывая его почти полностью, виден лишь подбородок, а на нем – дорожки слез. Соленые ручейки отчаяния.

– Я заплачу столько, сколько вы скажете, и буду молчать. Пожалуйста... я хочу жить.

Она выглядела жалко и говорила жалкие слова жалким голосом. Она излучала страх и безнадежность. Она сдалась, даже не обозначив сопротивление.

Она хотела жить.

– И много у вас денег, Катарина? – поинтересовался стоящий у книжного шкафа Ярга. – Сколько вы готовы заплатить?

Они разговаривали в личном кабинете нава. В комнате с черными стенами и черной мебелью. В комнате, мрачную атмосферу которой слегка оживляли лишь коричневые с золотым тиснением корешки книг.

– У меня есть деньги, – не поднимая головы, ответила девушка. – А еще у меня есть богатые друзья, которые могут...

– Обойдемся без друзей.

– Я много заработала на бирже, несколько миллионов. – Тонкие пальцы сильно-сильно сдавили край футболки. – Вы ведь отпустите меня? Когда я заплачу, вы меня отпустите?

Только теперь она обратила к Ярге заплаканное лицо. Большие ярко-зеленые глаза полны слез, маленький носик покраснел, тонкие губы дрожат... Без сомнения, девушка была красива, однако сейчас она являла тень самой себя. Перепуганную тень.

– Катарина, – неожиданно мягко произнес Ярга, рассеянно поглаживая левой рукой корешки книг. – Вы умная молодая женщина, сумевшая сполна использовать данные вам способности. Я полагаю, вы уже просчитали причину, по которой я пригласил вас на разговор, и знаете, что дело не в деньгах. Я вас не похищал, Катарина. Я счел, что пришло время нам познакомиться.

Слезы не высохли, губы не перестали дрожать, однако в ярко-зеленых глазах красавицы проскользнула весьма далекая от страха эмоция. Холодный расчет?

Ярга широко улыбнулся и продолжил:

– Очнувшись в предоставленной вам комнате, вы поняли, что из вас вытянули всю магическую энергию. Я надеюсь, этого факта оказалось достаточно, чтобы вы отбросили версию о похищении ради выкупа.

– Да, достаточно, – кивнула Катарина. И мгновенно, словно скинув морок, стерла с лица жалкое выражение. Сейчас

перед Яргой сидела молодая, уверенная в себе женщина, попавшая в затруднительную ситуацию. Которой, например, сообщили, что ее девяностосемилетний муж умер, не успев подписать завещание. Плохо, конечно, но не смертельно. – Кто вы?

Внезапное преобразование произвело на Яргу должное впечатление – он в очередной раз убедился, что не ошибся в выборе. Однако демонстрировать свои чувства не стал. Задумчиво погладил подбородок, сделал пару шагов, приблизившись к девушке, и медленно произнес:

– Катарина Штейн, урожденная Катарина Розенберг... Сменили фамилию после того, как узнали о своих магических способностях, и перебрались из Австрии в Германию. Скажите, вы экспериментировали с боевой магией?

– Кто вы такой? – четко разделяя слова, повторила девушка.

– Попытаюсь угадать некоторые события из вашего прошлого, – продолжил Ярга. Каждый из них умел искусно «не слышать» собеседника. – Вы с детства чувствовали свою исключительность, вам казалось, что вы способны совершить невозможное, совершить нечто великое: подвиг или предательство – не важно, однако... Однако время шло, но ничего не происходило. Крепло убеждение, что жизнь, настоящая жизнь, та, для которой вы рождены, проходит мимо. И это убеждение сводило с ума...

– Раздражало, – уточнила Катарина. – Я стояла у края

платформы, я была готова прыгнуть на проходящий мимо поезд, но руки не слушались. Решимости полно, а руки не слушались. Это бесило.

– Но в какой-то момент вы полностью овладели собой.

– Открыла дверь.

– Пожалуй, ваше сравнение более уместно, – кивнул Ярга. – Как это случилось?

Он достал из черного бара бутылку белого вина и два бокала.

– Я жила в Зальцбурге, работала менеджером в отеле и однажды стала видеть вещие сны. Не изредка, как раньше, а каждую ночь. Не собрание образов, а четкие картины. – Катарина улыбнулась, припоминая подробности давней истории. – Я проговорила, предупредила одного из постояльцев, что ему не следует кататься – в тот день он должен был сломать позвоночник. Манан услышал и все понял.

– Кто такой Манан? – Ярга поднес девушке бокал.

– Вы сделали мне комплимент, назвали умной, почему я должна думать, что вы – идиот? – Катарина пригубила белое. – Отличное вино.

Ярга рассмеялся.

– Отличный выпад.

– Спасибо.

Холодное полусладкое приятно освежало.

– Так что послужило толчком? Что заставило прелестный бутон раскрыться?

– Компания шасов-горнолыжников, которая прихватила в поездку целую кучу артефактов. Магический фон в гостинице поднялся, и я стала видеть четкие вещие сны. – Катарина помолчала. – Наверное, мне повезло, что среди них оказался Манан Турчи.

– Контрабандист?

– Да. Окажись на его месте обычный шас, он бы не обратил на меня внимания. Или сдал бы в Службу утилизации. А Манан увидел выгоду. – Еще один глоток вина. – Мы познакомились.

Теперь, когда Катарина окончательно успокоилась, ее красота стала очевидной. Девушка обладала природным очарованием, не нуждалась ни в косметике, ни в оправе из дорогих тряпок – даже в джинсах и футболке она выглядела прелестьнее сказочной принцессы.

– Он повесил вам лапшу на уши?

– Попытался.

Принцесса отнюдь не была наивной красоткой.

– Но у него не получилось.

– Вы знаете Манана?

– Лично пока не знакомы.

– Он неудачник. И он глуповат. – Катарина прищурилась. – Начал рассказывать, что я – избранная, что я могу чувствовать дыхание древней силы, но нужны обряды для умножения способностей. Я спросила: какие? Он ответил, что необходимо проводить ритуалы со специальными кри-

сталлами. Я попросила показать их, мы договорились встретиться ночью... – Еще одна улыбка. – А днем я обыскала его комнату. Этот идиот выбрал в качестве пароля на ноутбук дату своего рождения, и я без проблем попала на «Тиградком».

– Ты говоришь по-русски? – Ярга очень плавно отказался от обеспечивающего расстояние «вы».

– Тогда не говорила. Но картинок, что висят на сайте, вполне достаточно для понимания происходящего.

– Сразу поверила в сказки?

– Я слишком долго стояла на платформе, наблюдая за проходящим мимо поездом. Я была готова поверить даже намек на доказательство.

Либо она была искренна, либо лгала настолько искусно, что даже нав не чувствовал подвоха. Поверить во второе Ярга не мог при всем желании.

– Ты потребовала объяснений? – Он добавил в бокал Катаринины вина.

– Я прижала шаса к стенке. Спрятала ноутбук и сказала, что раскрою его тайну прессе. Или правительству. Видели бы вы, как Манан позеленел... Он сдался почти сразу. Как я уже говорила, Манан не самый стойкий и хитрый шас в мире.

– Слабак.

– И неудачник.

– Какое соглашение вы заключили?

– Определили цену на энергию, договорились, что он под-

кинет мне кое-какую информацию по магии. Я хотела учиться.

– Ты молодец.

– Я знаю. – Девушка прозрачно улыбнулась.

Белая рука на черной коже кресла. Белая футболка, плотно облегающая молодое тело. Светло-голубые, почти белые джинсы... Белое облако в черном, как ночь, кабинете. Оно привлекало внимание, однако Ярга не собирался отвлекаться.

– Почему ты не попросилась в Тайный Город?

Вопрос прозвучал неожиданно резко.

– Я обдумывала этот вариант.

– И?

– Отказалась от него.

Ярга подался вперед:

– Я хочу услышать причину. – Выдержал паузу. – Это очень важно.

Катарина спокойно посмотрела на нава.

– В Тайном Городе слишком много ограничений, его рамки тесны для меня. Гораздо интереснее и веселее пользоваться преимуществами магии, но жить подальше от Москвы. Я не хотела, чтобы меня контролировали.

– А поскольку у тебя образовался карманный контрабандист, ты сделала правильный выбор.

– Не совсем правильный, учитывая, где я в итоге оказалась.

– Всего не предусмотритишь.

– Вот именно.

Несколько долгих мгновений они смотрели друг другу в глаза, затем Ярга вновь откинулся на спинку кресла, поправил лацкан пиджака и дружески произнес:

– Уверен, цену на энергию ты снизила до самого последнего предела.

– Нет, – покачала головой Катарина. – Я понимала, что сильно давить не следует, ведь если бы Манан понял, что не сможет заработать, он сдал бы меня Службе утилизации. Поэтому я обеспечила ему приемлемую норму прибыли.

Девчонка нравилась Ярге все больше и больше. Без подсказок, без советов, опираясь лишь на чутье и неукротимость, она провела переговоры на высочайшем уровне. И сейчас, находясь фактически в положении пленницы, держалась практически на равных.

– Ты сказала, что работала менеджером в отеле... Руководила горничными?

– Я была главным помощником управляющего и подменяла его во время отлучек.

– В двадцать лет?

– Увы, в двадцать два года.

– А теперь тебе...

– Это не важно. – Традиционную женскую фразу Катарина произнесла без всякого кокетства. Просто отрезала, как самая настоящая принцесса.

– Я хотел сказать, что выглядишь ты очень молодо.

– Косметические линии Тайного Города на диво хороши.

– Допустим... Что было дальше?

– Я покинула Австрию, переселилась в Баварию и вплотную занялась капитализмом. Делала деньги. Параллельно осваивала новые возможности.

– Ты экспериментировала с боевой магией?

– Почему этот вопрос столь важен для тебя?

Катарина перешла на «ты» не менее мягко, чем Ярга. Выбрала удачный момент и убрала ненужную дистанцию. Теоретически ее следовало наказать за дерзость, однако Ярга чувствовал, что наконец-то ему достался не просто подходящий кусок мрамора, но уже наполовину высеченная статуя. Помощники с таким потенциалом на дороге не валяются.

– Почему?

– Я должен знать, на что ты способна.

– Экспериментировала, – кивнула девушка.

– Чему научилась?

– Практически всему.

– Тем не менее масаны застали тебя врасплох, – заметил

Ярга.

– Я экспериментировала, а не тренировалась.

– Хорошая отговорка.

Он наконец-то заставил девушку нервничать.

– Боевых магов много, а вот тех, кто способен грамотно ими управлять, вечно не хватает.

Она поверила, что Ярге нужны воины. И рассеивать ее сомнения нав не спешил, пусть помучается.

– Выбираешь должность?

– А что, рано? Я думала, наш разговор лишь прелюдия к подписанию контракта.

– Почему?

– Потому что иначе в нем нет смысла.

«Прагматична, расчетлива, в меру умна...»

– Я еще ничего не решил, – честно ответил Ярга.

– Хорошо, я подожду. – Катарине удалось справиться с волнением. – Пусть меня проводят в комнату.

– Ты всегда такая стерва?

– Я должна показать товар лицом.

– Тебе это удалось.

– Спасибо. – Девчонка расслабилась. – Так что насчет должности?

Похоже, в прошлой жизни она была бульдогом – раз вцепилась, не отпустит.

– Меня воспитывали по старинке, учили, что нельзя доверять первому встречному, – неспешно ответил Ярга. – Тот, кто претендует на высокий пост, должен быть проверен со всех сторон.

– Намекаешь, что мне предстоит испытание?

Нав резко поднялся на ноги и холодно отчеканил:

– Ты будешь работать с масанами, с теми самыми, которые тебя поймали. У них слаженная, давно сформированная

команда с ярко выраженным лидером. Если в результате он признает твое превосходство или... Или хотя бы начнет тебя уважать, мы вернемся к разговору о должности.

– Ты сказал «работать»...

– А не перебивать меня! – повысил голос Ярга.

«Душевный» разговор закончился. Нравится ему девчонка или нет, сейчас не имело значения. Сейчас она должна понять, что даже потом, когда ей будет позволено многое, определенные границы никуда не денутся.

– Извини. – Катарина опустила голову.

– В заданиях недостатка не будет, – закончил Ярга. – Иди и повторяй теорию боевой магии, она тебе пригодится.

* * *

– Он меняется, – задумчиво протянул Сантьяга. – Ярга, которого я знаю, убил бы Катарину в тот самый миг, когда она сказала ему «ты».

– Обстоятельства, комиссар, обстоятельства, – усмехнулся Схинки. – Мой господин внимательно изучил мир и понял, что должен внести в свое поведение определенные коррективы.

Ярге нужны помощники, нужна организация, он понял, что не сможет противостоять Великим Домам в одиночку.

– Девушка ему понравилась?

– Произвела впечатление.

– Из вашего рассказа выходит, что Ярга очарован Катариной.

– Они прекрасно дополняли друг друга. Мой господин и несмышленная, но честолюбивая человеческая ведьма. Высшее существо и нечто вроде обезьянки, но с большим потенциалом.

– С потенциалом дорости до низшего существа?

– К примеру, – согласился Схинки. – Этот подвиг позволил бы моему господину относиться к Катарине снисходительно. В хорошем смысле этого слова.

– Неужели у него так плохо с толковыми помощниками?

– У моего господина все в порядке, но жемчугом он не разбрасывается.

Сантьяга покачал головой, давая понять, что скорее согласен с замечанием собеседника, и негромко, «для себя», продолжил:

– Поэтому он не стал оперировать ни Катарину, ни Тео. Решил посмотреть, кто из них способен на большее.

– Совершенно верно, – подтвердил Схинки. – Я вижу, вы не оставили без внимания разговор, что состоялся у моего господина с Бруно.

– Бруно? – Комиссар блестяще изобразил рассеянность. – Ярга оперирует слуг? Делает их более послушными... – Легкое пожатие плечами, легкое пренебрежение в голосе: – В его духе, пожалуй. Ярга – апологет абсолютной власти. Он всегда стремился к тотальному подчинению.

Удар достиг цели: Схинки разозлился.

– Поэтому вы пытались его убить?

– Не только.

– Но в том числе и поэтому, – с нажимом повторил Схинки.

– В том числе...

– Но разве его желание доминировать не характерно для Тьмы? В этом желании вся Тьма! Вся! – Схинки говорил торопливо, глотая слова и брызгая слюной. – Ведь вы, расправившись с первым князем, построили империю его мечты. И до сих пор Темный Двор живет по его канонам: никто не смеет противоречить князю.

– У подданных князя есть и всегда был выбор.

– Подчиниться или умереть?

– Подчиниться или не подчиниться. – Сантьяга помолчал. – Князь правит до тех пор, пока Навь согласна.

– Что делают те, кто не согласен?

– Они уходят.

– Блестящая альтернатива! – издевательски воскликнул Схинки. – Просто чудесная: или подчиняйся, или становись изгоем.

– Нав может уйти, но он останется самим собой, – парировал комиссар. – Предложение Ярги подразумевало, что все останутся, однако перестанут быть теми, кто они есть.

– Демагогия!

– К тому же если уйдут все навьи, или большинство, кем

будет править князь?

– И часто у вас бывали марши несогласных?

– Ни разу.

– Вот и ответ на ваш вопрос!

– Нет, уважаемый Схинки, это ответ на ваш вопрос. – В антрацитовых глазах Сантьяги блеснули веселые огоньки. – Право на воев уйти не позволяет князю расслабиться, уснуть на лаврах, забыть об обязанностях. Право на воев уйти заставляет князя быть искусным правителем, мешает ему превратиться в тирана.

Схинки поджал губы, недовольно изучил опустевшую бутылку, вопросительно посмотрел на хозяина кабинета, дождавшись разрешительного кивка, сходил к бару и принес себе еще одну. Только после этого проворчал:

– Похоже, вы сами в это верите.

– Разумеется, – подтвердил Сантьяга.

– Ну, да... по службе положено.

– Моя служба – мой выбор. Осмысленный. Я служу Великому Дому Навь, потому что сам так решил. Не ради награды, не ради карьеры, а потому что мне нравится. Потому что я – часть Великого Дома Навь. Это – мой путь. И так может ответить каждый нав. – Сантьяга сделал глоток коньяка. – Теперь вы понимаете, что у Ярги нет будущего? Его эксперименты – любопытная тактика, однако стратегически они ведут в никуда. Общество не способно опираться на исполнительных, но безынициативных слуг.

– Вам ли об этом говорить?

– Что вы имеете в виду?

– Вы рассуждаете о порочной тактике моего господина, восхваляете принципы, которые заставили вас развязать гражданскую войну, но куда они вас привели? В Тайный Город? Вы прячетесь от полоумных челов! Вы забыли, что когда-то правили Землей.

– Таков ход вещей.

– Таковы ваши принципы! В отличие от вас, мой господин знает, что такое величие!

Схинки резко замолчал и с опаской посмотрел на комиссара. Последние фразы были далеки от иронических подначек, которыми Схинки щедро разбавлял разговор до того, в последних фразах звучала искренняя вера в свою правоту, в победу Ярги, и Схинки ждал реакции.

Сантьяга зевнул, деликатно прикрыв рот пальцами левой руки, обронил:

– Посмотрим. – И предложил: – Давайте вернемся к нашей истории. По-моему, настало время свести вместе Грима и Манана Турчи?

– Сведем, – пообещал успокоившийся Схинки. – Куда мы денемся?

* * *

Нет на свете зрелища более нелепого и печального, чем

неудачливый маг. Чем колдун, неспособный умело, а главное, с выгодой для себя или окружающих, распорядиться данной ему силой. Чем волшебник, допускающий досадные промахи в творимых заклинаниях. Не превращающий «грозу в козу», разумеется, но не умеющий добиться поставленной цели. И получивший за это обидное прозвище «Дерево».

Правда, Пафнутий Акимович Коряга жарко доказывал, что кличка его имеет прямое отношение к фамилии, но ему не верили. Улыбались и кивали головами: «Понимаем, мол, чего только не выдумаешь, дабы позора меньше...», но не верили. И вот ведь странность: Пафнутия в Тайном Городе любили. Челы – за участливость громадную, за то, что всегда бросался Коряга на помощь, забывая о себе и делах своих. Нелюди – за жизнерадостность, стойкость к неурядицам и безобидность. Все вместе – за безгрешность общеизвестную. Любили Пафнутия, однако заказами не баловали, предпочитали деньги в долг дать без возврата, чем на работу нанять. Потому как – Дерево. А в делах магических такое прозвище все равно что крест. И Пафнутий, конечно же, от того страдал.

Но виду не показывал.

Большую часть жизни бессемейный и бездетный Коряга проводил в кабаке «Скатертью дорога!». Выпивал, конечно, однако норму свою знал и за нее не выходил. К посетителям без нужды не лез, на подначки реагировал доброй улыбкой, никто и никогда не слышал, чтобы Пафнутий по-черно-

му ругался. И в тот день Коряга вел себя по обыкновению тихо. Пристроился к компании развеселой, что в кабаке удачу гуляла, сидел на лавочке, выпивал, закусывал да прислушивался с интересом к хвастливым рассказам отчаянных магов-наемников. Одним словом, все текло своим чередом до тех пор, пока не вошел в «Скатертью дорога!» сам Сантьяга. В шубе из белых соболей, в кафтане белом, заморском, и с такой тоской в глазах черных, что враз притихли гости кабацкие, насторожились, а кое-кто даже обмочился от страха. Никогда еще в Тайном Городе не видели комиссара таким... непонятным. Никогда еще не чуяли столь явно Тьму, что под белыми одеждами таилась. Никогда.

Оглядел Сантьяга зал, увидел Пафнутия, подошел, да тихо, но так пронзительно, что сердца у всех похолодели, приказал:

– Колдуй!

– Что колдовать-то? – растерянно спросил Коряга.

И выступивший пот со лба утер рукавом грязным.

– Что хочешь колдуй, – отрывисто бросил Сантьяга. – Любое... Что хочешь, что пожелаешь – любое.

И Тьма, что до того в тенях пряталась свечных, вдруг изначальное черное обретать принялась. Оживать на глазах. Туманом зловещим по кабаку расползаться.

– Колдуй, Пафнутий, – тяжело повторил комиссар. – Колдуй.

Закрыл Коряга глаза – не в силах был он взгляд Сантьяги

держат, – да прошептал что-то неразборчиво. И потянулась к Пафнутию Тьмы паутина черная, так потянулась, будто Коряга – самый что ни на есть нав. И сила, Тьмой разбуженная, каждого в том кабаке к земле придавила медведем невидимым, каждому в нутро залезла, слезы на глаза наворачнула да дыхание сбила. Каждому. Сила в тот момент была такая, что даже Сантьяга, черного этого самого порождение в соболях белых, даже он покачнулся. И лишь Пафнутий улыбался счастливо, ибо творил он колдовство необычное. Великое колдовство. До этого ему недоступное. А когда решился Коряга веки поднять, увидел он в своей руке правой кружку медную, аккурат такую, с которой монахи человеческие милостыню собирают. Увидел, обомлел и сил нашел прошептать только:

– Вот.

Счастливо прошептать, потому как сотворить настоящую кружку Коряга и мечтать не мог, а тут – получилось.

Подошел комиссар к Пафнутию, заглянул в кружку, скривил губы презрительно да сказал:

– Это всё?

Ушла тоска из черных глаз нава, лишь разочарование осталось, глубокое, как сама Вечность. И Тьма тоже спряталась, в серую тень обратилась, привычной стала, незаметной. Увела свою силу Тьма, плеснула на заклинание Корягино да увела.

– Это всё... – повторил Сантьяга.

Потом развернулся да из кабака вон вышел, в стужу зимнюю.

Челы же, в себя пришедшие, Пафнутия обступили, в кружку заглядывают и видят, что на дне медном кругляш золотой поблескивает.

– Ай да мастак, Дерево! Не подкачал! Не только медь сотворил, но и покрепче еще!

Вытащили гости червонец, глядь – а в кружке еще один появился! Новенький, только со Двора Монетного, лежит себе да подмигивает. Бери меня, бери! Еще есть!

Заволновались челы, переглядываться начали: чудо! Чудо Пафнутий сотворил! Вот тебе и Дерево! Вот тебе и неудачник!

За вторым червонцем третий появился. За третьим – четвертый. Два из них кабатчик себе взял и пир такой закатил, что только дым коромыслом. Корягу на лучшее место усадили, иначе как Пафнутием Акимовичем не звали, подносили да подливали, на кружку медную зыркали и не понимали, отчего Дерево неудачливое, враз величайшим сделавшееся, плачет, чуть не рыдает. Отчего печаль?

Не понимали, но не спрашивали – веселились.

А оттого не услышали догадку, Пафнутием прошептанную. Догадку верную, но страшную. Догадку такую, что Сантьяга ему любое желание предлагал, любое – на выбор. А он, человечиска несмышленный, только и сподобился, что на кружку медную с золотым секретом. Только на это.

И на рассвете умер Коряга от горя невыносимого. Умер, а кружка его медная в тот же миг растаяла...

... Именно так звучала официальная легенда «Кружки для неудачников», главного человеческого бара Тайного Города, однако Грим считал ее абсолютно фальшивой. Грим искренне верил, что уничижительное название концы придумали специально для того, чтобы лишний раз подчеркнуть отношение подданных Великих Домов к челам. Подчеркнуть превосходство представителей древних рас перед «ошибкой Спящего»... Впрочем, это мнение не мешало наемнику постоянно наведываться в бар, потому что именно через «Кружку» проходили и сплетались в затейливые узлы нити его повседневной жизни. Сюда приходили заказчики и посредники в поисках готовых на все сорвиголов, здесь обсуждались детали контрактов и заключались сделки, в «Кружке» праздновали успех и поминали погибших. Главный человеческий бар Тайного Города видел многое.

Войдя внутрь, наемник привычно огляделся – народу пока мало, занята всего половина столиков, и все посетители вроде тихие. Затем кивнул бармену, паре приятелей, что уныло тянули пиво за стойкой, и подошел к сидящему в уголке Виталику Громову по прозвищу Шизгара, основателю и владельцу сайта «ГоловоРезка», ресурса, как можно было догадаться из названия, наемников всех мастей.

– Привет.

– Привет.

Грим опустил на стул и подпер подбородок кулаком.

– Порадуешь?

Перед Шизгарой по обыкновению стоял включенный ноутбук, без которого Виталик, как шутили, даже в туалет не ходил, и Шизгара, по обыкновению, вел разговор, не отрывая взгляд от экрана.

– Ничего интересного.

В настоящий момент Виталик изучал репертуар «Ящерицы» на ближайшую неделю, и поэтому Грим решил уточнить:

– Я о бизнесе.

– Я тоже, – отозвался Виталик.

– Совсем ничего?

– Ничего такого, что бы тебя заинтересовало.

– Я не такой разборчивый, как Кортес, – вздохнул Грим.

Шизгара оторвал взгляд от монитора и с легким удивлением посмотрел на наемника.

– Деньги нужны?

Грим считался челом с положением, надежным партнером в щекотливых делах, клиенты за ним, как за Кортесом, не бегали, но и недостатка в контрактах наемник не испытывал. А потому продемонстрированная Гримом печаль показалась Виталику странной.

– Проигрался?

– Нужна срочная работа.

Несмотря на высказанную Лае уверенность, Грим начал сомневаться в том, что сотрудничество с ее отцом такая уж хорошая идея. Не предчувствия его одолевали – сомнения. С чего Манану подкидывать ему контракт? Просто потому, что нужен толковый наемник, а Грим, учитывая обстоятельства, согласится работать за гроши? Похоже. Очень похоже, но... Но уж больно такой шаг не вязался с теми чувствами, которые – Грим знал о них наверняка – Манан к нему испытывает. Шас подчеркнуто не общался с любовником дочери, клал трубку, услышав в телефоне голос Грима, отворачивался при случайных встречах, постоянно ругался с Лаей...

«Или жадность творит чудеса?»

Возможно, и творит, но Грим больше верил в то, что Манан хочет его подставить. Связь Лаи с челом позорит старого Турчи в глазах сородичей, незаживающей раной уродует душу, и даже жадность не позволит Манану забыть о бесчестье. А потому контракт – наверняка ловушка. Или же настолько опасен, что Манан уверен в гибели наемника. Следует отказаться, но... Но не позволяла гордость. Грим пообещал Лае помочь ее отцу и отказаться сможет только в том случае, если подвернется очень срочный и очень выгодный контракт. Однако Шизгара подвел.

– Ничего нет.

– Виталик, что угодно. Мне нужен любой контракт, о котором можно сказать, что он важный. Хотя бы с бо-ольшим преувеличением.

– Единственный подходящий – в Лабиринте, – проворчал Шизгара, тщательно исследуя выложенные на «ГоловоРезке» предложения. – Но ты туда не пойдешь.

– Да, – после паузы ответил Грим. – В Лабиринт я не пойду.

Хитросплетения московских подземелий, где военные бункеры плавно переходили в канализацию, та – в метро, а оно – в подземные ходы, выкопанные то ли при поляках, то ли при Иване Грозном, то ли вообще при неандертальцах, не смущали наемника. Грим не страдал клаустрофобией и охотно лазал по Лабиринту до тех пор, пока один многообещающий контракт не рассорил его с осами, существами простоватыми, зато обладающими хорошей памятью. Не зря же каждый из них мог без труда исполнить все шестьсот девяносто восемь куплетов «Саги о величии Ось» и сборник сопутствующих баллад в придачу. Хозяева Лабиринта пообещали убить Грима, если он еще раз окажется под Москвой, и наемник не хотел проверять, насколько хорошо крысоловы держат слово.

– Больше ничего?

– Больше ничего.

– Хреново. – Грим провел рукой по волосам и подытожил: – Получается, выбора у меня нет.

Манан заявился в «Кружку для неудачников» на сорок минут позже, чем договаривались. Впрочем, ничего другого

Грим и не ждал.

Войдя в бар, шас остановился в центре зала, демонстративно засунул в нос антеникотининовые фильтры, хотя обычно не терпящие табачного дыма нелюди проделывали эту операцию на улице, высокомерно огляделся, заметил Грима, подошел и уселся за столик.

– Дерьмовое местечко.

Ну да, здороваться с «каким-то там челом» Манан посчитал излишним.

– Ты сам предложил встретиться здесь.

– Думал, среди сородичей тебе будет спокойнее.

Манан расстегнул куртку и почесал едва прикрытое рубашкой пузо. Когда-то Турчи был всего лишь склонен к полноте, однако время и невнимание к себе сделали свое дело – Манан растолстел по-настоящему. Ноги – столбы, руки – окорока, три лишних подбородка, отдышка, а главное – пузо. Объемистое пузо, которое сделало бы честь самому Гаргантюа.

– Что ты мне заказал?

– Еще ничего.

– Я и не сомневался. – Шас кивнул официанту. – Соточку коньячку, дружище. И лимончик.

– «Хенесси»?

– Разумеется.

Поскольку платить предстояло Гриму, Манан не стал стесняться в выборе марки.

Отправив официанта в путешествие, Турчи перешел к делам насущным:

– Если ты думаешь, Грим, что, согласившись на контракт, сможешь меня задобрить, ты ошибся. – Манан покашлял. – Я обратился к тебе только потому, что мне нужен опытный, умелый и не любящий болтать наемник. Дело деликатное, но не сложное, ты наверняка справишься.

– О чем речь?

– Придется сгонять за пределы Тайного Города.

– Я знаю, чем ты занимаешься.

– Лая рассказала? – недовольно скривился Манан. – Я ведь предупреждал, что в моем бизнесе главное – конспирация.

– Не болтай ерунду, – вздохнул наемник. – Вас в бизнесе пятеро, и весь Тайный Город, включая магов Великих Домов, знает, как вы зарабатываете на хлеб.

– Какие мы осведомительные.

– Осведомленные.

– И умные.

На это замечание Грим отвечать не стал. Официант принес коньяк, и Манан отвлекся отведать.

Толстый Турчи был одним из пяти «официальных», если можно так выразиться, контрабандистов, работающих с не знающими о Тайном Городе человскими колдунами. Ушлые шасы находили обладающих магическими способностями челов, рассказывали им байки разной степени достовер-

ности и наглости, иногда обучали паре-тройке несложных заклинаний или подсказывали, как выгоднее применить уже обретенные умения, после чего принимались снабжать попавших на крючок челов энергией Колодца Дождей по, мягко говоря, завышенным расценкам.

– Ну что, прекращаем играть в конспирацию?

– Прекращаем играть, потому что конспирация еще никому не вредила. – Манан важно выдержал паузу. – Поскольку ты знаешь, чем я занимаюсь, ты легко поймешь суть проблемы. Некоторым из моих... контрагентов в какой-то момент начинает казаться, что они безумно, невероятно круты. Что они достигли вершин мастерства и потому могут позволить себе пересмотреть... гм...

– Отношения с поставщиком, – подсказал Грим, который понял, к чему клонит шас.

– Совершенно верно. Подобные случаи крайне редки и без труда предсказываются, я все-таки неплохо разбираюсь в челах. Но иногда... гм...

– Твое чутье дает сбой, – вновь вставил наемник.

– Именно.

В действительности Манан далеко не так хорошо разбирался в своих «контрагентах», как пытался показать. Да и в бизнесе, говоря откровенно, тоже, а потому среди братьев-контрабандистов считался отнюдь не самым выдающимся. К чести Турчи, следует отметить, что на значимые высоты в незаконном бизнесе сумел подняться только один

шас – Тархан Хамзи. Остальные, выражаясь политкорректно, были менее значимы, а выражаясь обидно – ползали на уровне коленок главного махинатора Тайного Города.

– Так вот, обычно я вовремя определяю, что чел стал ненадежен, и прекращаю сотрудничество. Однако на этот раз я... гм... я...

– Немного пожадничал?

Манан ответил Гриму неприязненным взглядом и прямо отвечать на вопрос не стал.

– Я договорился, закупил товар, но... но... гм...

– Но ехать и продавать его самостоятельно побаиваешься.

– Да.

– И хочешь, чтобы я составил тебе компанию.

– Нет, я хочу, чтобы ты отправился один.

Грим задумался.

Простая работа, честное, с виду, предупреждение. Степень опасности Манан не назовет, хоть режь, но если все так, как он говорит, то максимум, что может ждать наемника, – это встреча с плохо подготовленным колдуном и его прихвостнями. Прецеденты были. Грим слышал, что некоторые «контрагенты» контрабандистов сколачивали преступные группировки или религиозные секты и пытались шантажировать благодетелей. Заканчивались подобные эскапады одинаково: появлением карательного отряда из нанятых контрабандистами головорезов. Ему, судя по всему, предстояло выступить в роли разведчика, проверить, действительно ли

клиент Манана слетел с катушек, или из него еще можно потянуть деньги?

«Кстати, о деньгах!»

– Сколько?

– Мы ведь друг другу не чужие – посчитаемся.

– Хотелось бы посчитаться сразу. Чтобы потом не возникло неприятных недоразумений между нами, такими не чужими друг другу.

Манан посопел и назвал цену. Не большую, но и не мизерную. Чувствовалось, что толстяк подошел к делу творчески и долго высчитывал стоимость передачи риска, возможно, даже расспрашивал кого-то знающего, а потому выдал вполне справедливую сумму. За такие деньги можно отправляться на встречу с ненадежным контрагентом, в конце концов, если начнутся разборки, всегда можно смыться в «дырку жизни».

– Все в порядке? – поинтересовался шас, принимая от официанта уже третий бокал с дорогущим коньяком.

С виду – да, все в порядке. И если бы их с Мананом взаимоотношения ограничивались исключительно бизнесом, Грим предложил бы перейти к несложной, но важной процедуре собственно заключения сделки. Однако следовало прояснить еще кое-что...

– Почему ты обратился ко мне?

– Мне казалось, что я изложил суть проблемы предельно ясно, – прохрюкал толстяк между глотками коньяка.

– Ты понял вопрос, Манан. Почему я?

Турчи отставил бокал и честно ответил:

– Потому что ты гарантированно согласишься.

– Чтобы тебе понравиться?

– Ага.

Толстяк не был гением бизнеса, но кое-что в жизни понимал.

– Полегче, Манан, я могу отказаться.

– И что скажешь Лае?

– Учитывая ваши взаимоотношения, я могу сказать все, что угодно.

– У нас с ней дурные отношения, – признал Турчи. – Но я все равно остаюсь ее отцом.

– Это понятно. – Грим вытащил из кармана пачку сигарет, достал одну и чиркнул зажигалкой. – Я был удивлен тем, что ты предложил встретиться. Думал, тебе противно находиться рядом со мной.

– Не все так плохо, сынок, не все так плохо, – с грустной иронией усмехнулся Манан и вновь вытер мокрую шею. – Да, я отношусь к тебе плохо, но без злобы и ненависти.

– Бизнес есть бизнес, да?

– Нет. Не только... – Турчи на несколько мгновений задумался, глядя Гриму в глаза, и в его взгляде наемник не видел ни злобы, ни ненависти. – В последние дни я много думал о Лае, о тебе, о вас... Больше, конечно, о Лае. Я думал, думал и, наконец, понял, что не должен тебя ненавидеть. Ты – про-

сто очередная игрушка. Лая не останется с тобой навсегда.

Слова хлестнули плетью, но на лице Грима не дрогнул ни один мускул.

– Тебе бы этого хотелось?

– Я знаю, что так будет.

Зажатая в пальцах сигарета чуть дрогнула – единственное проявление чувств, которое не смог проконтролировать наемник.

– Потому что она наплевала на тебя? Понимаю, Манан, тебе горько, но Лая поступила так только потому, что ты чересчур резко выступил против нашей...

– Ты еще скажи: любви.

– Да, против нашей любви, – уверенно подтвердил Грим.

Толстый шас посмотрел на наемника с искренним сочувствием.

– Не льсти себе, сынок, а главное – не тешь себя иллюзиями. Лая наплевала на меня, на своего отца, а значит, рано или поздно наплюет и на тебя. Прости, такой уж она уродилась. – И деловито закончил: – Контракт подписывать будем?

– Будем, – кивнул Грим. – Не зря же мы встретились.

* * *

– Прокомментировать не хотите? – ехидно осведомился Схинки. – Ваши замечания приятно разнообразят мое нудное повествование.

– Злорадствуете?

– Люблю подмечать чужие ошибки. Сначала вы упустили свободных магов, потом – контрабандистов...

– Я не сторонник тотального контроля, – улыбнулся Сантьяга.

– Но ведь вы прямо запретили контрабандистам вести дела за пределами Тайного Города!

– Не запретил, а рекомендовал принимать повышенные меры предосторожности.

– Вы... – И тут до Схинки дошло: – Вы знали, что мой господин заинтересуется контрабандистами!

– Предполагал, – после короткой паузы подтвердил Сантьяга. – Это очевидный ход.

– А Косар?

– Его мы упустили.

– Вы использовали контрабандистов в качестве наживки!

– Я выдал соответствующее предупреждение.

– Предупреждение! Ха! Много вы знаете шасов, способных отказаться от прибыли? – Схинки яростно посмотрел на виски, мотнул головой, словно отказываясь, и продолжил: – Вы их подставили! – Наткнулся на непроницаемо-черный взгляд, поджал губы, но тут же повторил: – Вы их подставили!

Сантьяга вновь улыбнулся, грея в руках бокал с коньяком, а затем легко предложил:

– Давайте я расскажу о том, чего вы не знаете... Об одном, необычайно забавном представлении, свидетелем которого я стал.

*** * ***

Если вам неизвестно, где находится магазин Юрбека Томбы, ваше состояние не превышает пары зачуханных миллионов. Утверждение жестокое, но, увы, предельно честное, точно и беззастенчиво демонстрирующее, что один из директоров Торговой Гильдии, а по совместительству – главный антиквар и ведущий ювелир Тайного Города на мелочи не разменивается.

Семейный бизнес, зародившийся столько тысяч лет назад, сколько даже навь с трудом живут, Юрбек продолжил именно так, как завещали предки. Ориентировался на клиентов состоятельных, на тех, кого не смущает обилие цифр в итоговом счете, кто ищет не сиюминутные безделушки, а ценности, способные стать фамильными реликвиями. Золото высочайшей пробы, серебро, платина, исключительно чистые камни, а главное – потрясающее мастерство изготовления и неисчерпаемая фантазия делали драгоценности «от Юрбека» настоящими произведениями искусства. Кроме того, Томба привлекал к работе выдающихся современников, не модных деятелей, а настоящих, признанных гениев, одно имя которых заставляло сердца клиентов биться чаще,

а руки – тянуться к чековым книжкам. К примеру, эскизы для последней коллекции ушедшего Юрбека создал Алир Кумар, художник с мировым именем, и возникший вокруг нее ажиотаж можно было сравнить разве что с древней истерией вокруг билетов на «Титаник», правда, с гораздо более жизнеутверждающим финалом. Презентация сокровищ должна была состояться сегодня, состоятельная публика готовилась штурмовать магазин, и счастливый Юрбек всю ночь размышлял над тем, что следовало закладывать не триста процентов прибыли, а триста пятьдесят...

Одним словом, ровно в одиннадцать утра магазин должен был превратиться в гламурный аналог Одесского привоза, а потому Сантьяга, естественно, заинтересовавшийся коллекцией, договорился о встрече на девять утра, за два часа до открытия.

– Прекрасная коллекция, Юрбек, поздравляю. – Сантьяга поднял ожерелье чуть выше, любуясь игрой темно-синих сапфиров. – Чувствуется, что Алир работал над вашим заказом с душой.

– Наши желания удачно совпали, – улыбнулся Томба. – У Алира родился третий ребенок, сын, и он размышлял, чем порадовать любимую жену. Мое предложение показалось ему интересным.

– То есть наиболее удачные работы остались у нашего дорогого художника?

– Увы, комиссар, именно так, – подтвердил Томба. – Весь-

ма дорогого, надо сказать, художника. Знали бы вы условия, на которых он согласился...

– Ничего страшного, мастер придумал достаточно оригинальных вещей. – Комиссар вновь посмотрел на украшение. – Это ожерелье Алиру определенно удалось. Линии неброские, но изысканные.

– Не всякая женщина оценит грацию простоты, комиссар.

– Значит, это ожерелье можно использовать в качестве теста.

– Не слишком ли дорого?

– Когда речь идет о женщинах, глупо думать о деньгах. – Комиссар вернул ожерелье в футляр. Огляделся. – Изумруды оставим зеленым, рубины – рыжим... – Сантьяга лишь мельком взглянул на соответствующие витрины. – Сапфиры мы видели... Давайте перейдем к бриллиантам.

– К черным?

– Для начала – к обычным.

Три футляра с отобранными комиссаром украшениями остались лежать на столике, и у Юрбека мелькнула мысль: «Интересно, на шее какой красавицы окажутся столь роскошные драгоценности?» Однако Томба отменил непрофессиональные вопросы и вернулся к бизнесу:

– Рекомендую обратить внимание на мужские перстни, комиссар. Алир придумал удивительно элегантные линии.

– Давайте посмотрим...

Однако перейти к разделу «Перстни мужские, уникаль-

ные, дорогостоящие» господам не удалось. В стеклянную дверь магазина – металлическую штору по случаю визита Сантьяги подняли – принялся рваться плечистый коротышка в черных кожаных шмотках и красной бандане.

– Мля! Пустите, а! Мне нужно! Пустите скорее! Пожалуйста! – ста!

Господа переглянулись.

– Служащий? – ехидно поинтересовался нав.

– Сейчас его выбросят, – пообещал недовольный Юрбек, делая знак охранникам. Два люда, размерами и силой напоминающие молодых носорогов, решительно двинулись к дверям. Ближайшие перспективы обладателя красной банданы стали вырисовываться в печальном свете, однако Сантьяга неожиданно решил помочь будущей жертве службы безопасности.

– Пусть спросят, что ему надо.

У Юрбека отвисла челюсть:

– Вы серьезно?

– Это Копыто Шибзич, – негромко произнес комиссар. – Он знает, что ему по карману только одно приобретение в вашем магазине – разрешение помыть полы. И он видел, что здесь я. Ему что-то нужно, и мне интересно – что?

– Ну, раз вы настаиваете... – Замершие было люды получили от Томбы кивок и продолжили движение к дверям. – Надеюсь, я успею проветрить помещение до появления посетителей.

– У вас отличная система кондиционирования.

– Устанавливала фирма моего двоюродного брата, – тут же сообщил Юрбек. – Кстати, а как с этим вопросом обстоят дела в Цитадели?

– Отлично, – не стал скрывать Сантьяга.

– Ремонт давно делали?

– Сразу после войны.

– Какой из них?

– Победоносной.

– Значит, недавно...

Тем временем люди ввели Копыто. Один подтолкнул уйбуя к господам, а второй приволок и поставил рядом с дикарем деревянный ящик.

– Я проверил, внутри все чисто.

– Нету тама динамита, я тебе сразу сказал, – окрысился на охранника уйбуу. После чего обернулся к господам, умильно улыбнулся, на всякий случай стянул с черепа бандану и протараторил: – Здравствуйте, а я к вам за помощью и поддержкой, потому что все меня обманывают и тиранят.

Маленькие глазки Копыто с надеждой уставились на Сантьягу. Нав остался невозмутим. Юрбек же, решивший, что понял причину появления уйбуя, поморщился и вытащил из кармана бумажник:

– Дам десятку, только проваливай!

– Мне десятка не нужна, – гордо отрезал Копыто.

– На большее не рассчитывай, пропойца.

– Мне правды нужно.

– Какой? – не понял Томба.

– Правды? – приподнял брови Сантьяга.

Неожиданная просьба заинтриговала.

– Можно я из ящика достану? – с интонацией заправского престижитатора осведомился дикарь.

– Надеюсь, там ничего отрезанного нет? – забеспокоился Юрбек. И тоскливо посмотрел на Сантьягу: – Комиссар, у меня приличный магазин.

– Только отпиленное, – попытался успокоить шаса Копыто.

Получилось не очень.

– Спящий свидетель...

Томба побледнел. Охранники напряглись.

– Доставайте. – В глазах комиссара блеснули озорные огоньки.

Копыто открыл крышку, вновь ослабил, после чего извлек на свет статуэтку толстого мужчины. Проникающие через витрину солнечные лучи радостно заиграли на разноцветных камушках, украшающих скудную одежду золотого толстяка.

– Любопытно, – прищурился Юрбек. – Ну-ка, дай посмотреть!

Почуввав прибыль, Томба понял, что может вполне обойтись и без свидетельства Спящего.

Сантьяга же задумчиво потер подбородок.

– А вот отпиленное! – Уйбуй торжественно представил господам толстую золотую руку.

– Где взял? – строго спросил шас, внимательно изучая захваченную статуэтку через непонятно откуда взявшуюся лупу. – Только честно!

– У меня все честно, – заверил Томбу повеселевший Копыто.

– Разумеется, разумеется... – Юрбек ласково провел пальцами по камням и посмотрел на Сантьягу: – Работе не менее трех тысяч лет. Судя по некоторым деталям, делали чуды. Точно скажу после экспертизы.

– Это изображение Галла, – обронил комиссар.

– Галла... – Томба прищурился, вспоминая, о чем ему говорит это имя, а затем широко распахнул глаза: – Вы шутите?!

Сантьяга подошел к ящику, заглянул в него, рассмотрел остальную добычу дикаря, после чего осведомился:

– Копыто, где вы взяли эти вещи?

– Все по чесноку, комиссар, – осторожно ответил уйбуй. – Мы с пацанами в натуре под землю лазали, с големами рубились отчаянно, потом...

– Достаточно. – Сантьяга перевел взгляд на шаса. – Это подлинники, Юрбек. Если нужно, Темный Двор даст официальное подтверждение.

– Значит, чела не продашь...

– Зато коллекционеры из Тайного Города эти раритеты с

руками оторвут.

– Пожалуй.

Устроить новую шумиху после того, как спадет ажиотаж вокруг коллекции от Алира, или объявить о появлении необычных сокровищ прямо сейчас, пока клиенты взбудоражены? Ни о чем другом Юрбек думать не мог.

– Тока ты эта... Правильную цену давай, давай. – Копыто понял, что шас заинтересовался, и немедленно, правда, несколько развязно, обозначил свои приоритеты. – А то я человеческому скупщику товар снесу, в натуре? Для правды, мля.

В следующий миг опомнился, испуганно поглядел на комиссара, но тот, к огромному облегчению и некоторому удивлению уйбуя, смотрел не на него, а на Юрбека. С улыбкой смотрел.

– Может, его все-таки выбросить? – поинтересовался Томба, ласково поглаживая статуэтку. – В зале сразу станет чище. И выгоднее.

Люды обозначили движение. Копыто съежился, но тем не менее продолжил гнуть свою линию:

– Точно говорю: снесу отсюда, и всё!

– Это вопиющее нарушение режима секретности, – скучно заметил Томба, все еще надеясь на понимание со стороны комиссара. Напрасно надеясь.

– Юрбек, предложите нашему гостю цену, – негромко произнес Сантьяга. – Вполне возможно, что до вопиющего нарушения режима секретности дело и не дойдет.

Спорить с навом шас поостерегся. Молча присел перед ящиком на корточки и принялся по очереди извлекать из него статуэтки. Фантазией их авторы не страдали, все изваяния изображали одного и того же толстяка, а отличались работы лишь размерами да количеством драгоценных камней. Провозившись с «товаром» несколько минут, Юрбек поднялся на ноги и назвал цену. Судя по которой Томба решил ограничиться всего лишь двумя сотнями процентов чистой прибыли.

После чего недовольно осведомился:

– Сойдет?

Сойдет? Не то слово! Озвученная сумма оглушила Копыто. Уйбуй рухнул на кстати оказавшийся в нужном месте стул, несколько мгновений жадно хватал ртом воздух, после чего валидольным голосом поинтересовался:

– Это в чем?

– Учитывая обстоятельства, не в золоте, – язвительно отозвался шас. – У тебя есть счет?

– Кто?

Шас вспомнил, с кем разговаривает, и зашел с другой стороны:

– Карточка «Тиградком» у тебя есть, дубина?

– Есть.

– Давай сюда.

– Зачем?

– Деньги тебе положу.

– А-а... – Пребывающий в прострации Копыто протянул Юрбеку замызганную карточку и принялся повязывать бандану на левое бедро.

Пальцы слушались плохо.

– Тяжело быть богатым? – участливо осведомился комиссар.

– Полный триндец, мля, – выразил переполняющие его чувства уйбуй. После чего старательно ощупал голову и подозрительно покосился на охранников: – Бандану мою никто не брал?

– Нет, – заверил дикаря Сантьяга.

– А-а... Ну и фиг с ней, новую куплю. Атласную, мля, чтобы череп не потел. – Копыто вытащил из кармана фляжку, отвинтил пробку и сделал большой глоток. Затем уставился на комиссара и хрипло спросил: – А вы как с богатством справляетесь?

Ему срочно требовался новый житейский опыт.

– Привык, – скупно ответил нав.

– Я тоже постараюсь, – пообещал уйбуй.

– Это будет любопытно. – А в следующий миг Сантьяга сделал жест, которого дикарь никак не ожидал, – комиссар протянул ему черную визитную карточку: – Позвоните мне, Копыто, если у вас вдруг возникнут проблемы. Возможно, я сумею вам помочь.

– Ну, ты, братан, прямо Македонский, в натуре, мля! При-

шел, увидел и бабла срубил! Чиста депутат!

В голосе Копыто звучало неподдельное уважение, смешанное с чем-то, напоминающим обожание. Разработанная Сиракузой схема, а главное – достигнутый с ее помощью результат произвели на уйбуя неизгладимое впечатление.

– Это ты бабла срубил, – скромно уточнил Ваня. – Я всего лишь дал совет.

Они встретились в маленьком укромном тупичке одного из восточных промышленных районов Москвы. Сиракуза добрался до места на метро, разбогатевший уйбуй – на такси.

– Так ты придумал, братан, ты придумал! – Копыто потряс перед челом карточкой «Тиградком». – Ты знаешь, скока тама бабла сейчас тута?

– Нет.

– Тама бабла стока, что я... – Уйбуй обрезал фразу на полуслове. Улыбнулся широко и попрятал карточку куда-то за пояс. Поближе к расстегнутой кобуре. – Короче, есть у меня теперя бабло, мля. Стока, что мне про него даже думать бо-язно – а вдруг исчезнет, мля?

Глазки Копыто сияли, однако в спектре счастливого излучения нет-нет да проскальзывала сумасшедшинка – уйбуй не до конца вышел из прострации, в которую его поверг визит к Юрбеку.

– В таком случае почему ты трезвый?

– Я не трезвый, – обиделся Копыто. – Я слегка выпимши.

– Почему слегка?

Однако дикарь повторный вопрос проигнорировал, ему не терпелось поведать о приключениях благодарному слушателю.

– Короче, я тама три часа сидел в натуре в засаде ждал. А в голову мысли ползут, мля, как тараканы или эти, муравьи, мля. И мысли такие, мля, совсем плохие, в натуре. А что, если кто за ящик спросит? Или отнять захочет? У меня, конечно, пистолет, мля, и ятаган на изготовку, но ведь обо всем не подумаешь, опять же – руки потеют, когда оружие держать долго...

– Я ведь сказал купить артефакт и навести на ящик морок.

– Дык я и навел, а толку? – Копыто фыркнул. – В Тайном Городе тоже отморозков полно, ты же знаешь, в натуре.

– Пожалуй, – кивнул Сиракуза.

– А потом, ищут меня опять, в натуре.

– Угу...

– Вот и я три часа угу. Пока комиссара дождался, потом еще терпел, чтобы не сразу бежать, как ты велел... – Копыто почесал прикрытую атласной банданой голову. – Слушай, братан, а откуда ты знал, что Сантьяга тама появится?

– Во всех новостях...

– Да ладно! – ухмыльнулся уйбуй. – Никогда не поверю, чтобы по «Тиградкому» сказали, куда комиссар поедет. А если скажут, то он им за это бошки поотвинчивает или поповешает.

Сиракуза тяжело вздохнул и показал дикарю коммуника-

тор.

– «Тиградком» уже неделю трещит о новой коллекции Томбы.

– Хитро... – одобрил Копыто. – И что?

– Я понял, что Сантьяга обязательно появится в магазине, и велел тебе ждать. Потому что без его присутствия Томба тебя бы и слушать не стал. Или бы развел, как кролика.

– Во-во, – подтвердил Копыто. – Он на меня смотрел, как будто удав. Я аж позеленел в душе, когда его увидел... По-годи, ты говоришь, что, если бы Сантьяги не было, Юрбек бы меня развел?

– Да.

– А при чем Сантьяга? Ему какая радость за меня впрягаться?

– Судя по всему, ты его забавляешь, – задумчиво ответил Ваня.

На этот раз Копыто загрузился капитально. Почесал нос. Потом подбородок. Потом уши, сначала левое, затем правое. Параллельно поразмыслил, не таится ли в сообщении Сиракузы какой-нибудь обиды? Решил, что нет. Однако в целом заявление чела смущало. С одной стороны, когда комиссар за тебя впрягается, это клево и даже кавайно. С другой стороны, что он, морская свинка, что ли, нава забавлять? Размышления ни к чему не привели, и уйбуй решил конкретизировать ситуацию:

– С чего ты взял?

– Помнишь, ты запустил слух, что Кувалда сын князя?

– Это не я, – торопливо открестился от старой истории Копыто. – Я ваще ничего такого не говорил никогда и никому ваще. Ты, мля, не сочиняй, Македонский, в натуре, а то...

– Ты запустил слух и остался жив, – спокойно продолжил Сиракуза. – При этом ты не мог не встретиться и не обсудить свою сплетню с Сантьягой. Вы явно беседовали, и ты остался жив. Вот я и подумал, что ты его забавляешь.

– Ничего не было, – твердо повторил Копыто, четко знающий, какой линии следует придерживаться, чтобы остаться в живых.

– Оставалось придумать, как вас свести, и тут нам повезло с Юрбеком. Как я уже сказал, Сантьяга не мог не посетить магазин. – Ваня тонко улыбнулся: – Все прошло именно так, как я рассчитал.

Длинные выкладки традиционно приводили уйбуя в уныние. Сиракузу он слушал невнимательно, целиком и полностью поглощенный ковырянием в поясе, и лишь поняв, что речь окончена, Копыто поднял голову и осведомился:

– То есть ты теперя денег хочешь?

– Ага, – подтвердил Ваня.

– Стока, скока тогда сказал, в натуре?

– Ага.

– Ну... вот. – Копыто вытащил из-за пояса свернутые в трубочку банкноты. – Тута скока сказал, в натуре. По чесноку.

Сиракуза внимательно пересчитал деньги, спрятал их в карман и заметил:

– Раз ты заплатил, значит, хочешь, чтобы я и дальше на тебя работал?

– У всех миллионеров есть советники, мля, ты будешь моим, – уверенно произнес Копыто.

– Договорились.

– Тогда слушай, – повеселел уйбуй. – Я хочу...

– Единственный вопрос... – Сиракуза не перебил новоявленного миллионера, он просто развил свою мысль: – Чего ты хочешь?

– Так я и говорю...

Однако Ваня лучше знал, чего не хватает уйбую для полного счастья.

– Если все твои идеи вертятся вокруг вопроса, как можно красиво и быстро потратить обрушившееся на тебя богатство, то я в этом деле не помощник и не советник. С этим ты и без меня справишься.

– Ну... да. Я кабаков много знаю.

Уйбуй подумал, что этот путь избавления от миллионов – самый интригующий.

– Только не забывай о Кувалде, – закончил Сиракуза.

Копыто посерел.

– Как же, мля, о нем забудешь! – Достал телефон и продемонстрировал Ване экран: – Читай, мля! Даже на «Тиградком» написали.

Открывшаяся SMS звучала коротко и без затей: «Потерялся урод Копыто! Кто поможет найти, дадим много денег! Звоните!» Красные Шапки никогда особенно не парились над текстом, а сотрудники «Тиградом» никогда особенно не утруждались редактированием дикарских объявлений.

– Прикинь, братан, меня уродом обозвали, – поделился горем Копыто. – Меня! Мля, да я, в натуре, за фюрера великого вешать устал...

– Вот для таких случаев и нужны советники, – с энтузиазмом произнес Ваня и ободряюще закончил: – Все будет отлично!

– Это как?

– Для начала нужно смыться.

– И все? – разочаровался в помощнике уйбуй. – Это я и сам мог бы придумать.

– Ну, придумай, – предложил Сиракуза.

– Что придумай? – не понял богатый беглец.

– Куда ты хочешь смыться?

– Ну-у... подальше!

– Это понятно. Куда?

Богатство потенциальных маршрутов сыграло с Копыто злую шутку: уйбуй впал в ступор.

– Ну-у...

Генетическая память голосовала за легендарные Западные Леса, места дикие и укромные. Но где их теперь искать-то? Небось, повырубили все! «Слегка выпимший» ра-

зум осторожно намекал, что с такими деньжищами можно хорошо устроиться и поближе, например, в Электроуглях, где его никто не догадается искать. Душа рвалась под пальмы...

– Ну-у... – Копыто с надеждой посмотрел на советника: – А ты бы куда побежал?

– Нужно лечь на дно подальше от Москвы, осмотреться и придумать, как использовать твои деньги с умом.

– Я ни с кем делиться не собираюсь! – заволновался уйбуй.

– Не потребуется, – успокоил работодателя Сиракуза. – Я имел в виду, что с помощью денег и моих дельных советов ты запросто сможешь вернуться в Москву героем семьи.

– И Кувалда меня не повесит?

– Он тебе памятник поставит.

– После того, как повесит?

Сиракуза посмотрел на миллионера и ответил:

– Прижизненный.

* * *

– Почему вы это сделали? – потребовал объяснений Схинки. – Почему помогли дикарю?

Сантьяга улыбнулся:

– Копыто – занятный персонаж, но он – типичная Красная Шапка. Он должен был отнести добычу Урбеку или лю-

бому другому скупщику краденого. Юрбек – не его лига, визит к нему выше понимания Копыто, тем более визит в моем присутствии. Я понял, что за Копыто кто-то стоит, и решил подыграть.

– Полагаю, вы очень горды собой, – язвительно протянул Схинки. – Такую предусмотрительность даже Дегунинский Оракул не всегда демонстрировал.

– Я довольно давно живу в Тайном Городе и кое-что понял, – любезно ответил Сантьяга.

– Наблюдениями поделитесь?

– Охотно.

– Я весь обратился в слух.

– Я понял, – Сантьяга помолчал, – что в Тайном Городе ничего не происходит просто так. Любая мелочь способна положить начало самым невероятным событиям. Главное – заметить ее, обратить внимание, позволить состояться. И чем больше мелочей вы поддерживаετε, чем сильнее запутываете вероятности, тем легче вам реализовать свои планы – возникает больше степеней свободы, больше возможностей для маневра.

– То есть вы способны обратить любую мелочь к своей выгоде?

– Благодарю за комплимент.

– Так говорит мой господин, – махнул рукой Схинки. – Лично я не считаю вас настолько сметливым, вам просто везет.

– Везет лошадь повозку, – уточнил Сантьяга, – а я работаю.

– Вы допускаете ошибки.

– Благодаря им я избавляюсь от самонадеянности.

– Мой господин вас сотрет.

– Ему потребуется очень большой ластик.

– Смешно. – Схинки поерзал в кресле. – Выпьем?

– Мы занимаемся этим несколько последних часов.

– Я предлагаю тост.

– Какой же?

– За мелочи! За те мелочи, что ложатся в основу грандиозных событий. И за те, что разрушают самые продуманные планы. – Схинки в упор посмотрел на Сантьягу. – Ведь бывают и те, и другие, не так ли?

– Согласен, – кивнул нав, – некоторые мелочи изрядно раздражают.

– Наконец-то вы искренни со мной, комиссар.

– Вы с самого начала знали, что мне от вас нужно, Схинки. Я этого не скрывал.

– Правду?

– Правду.

– Поэтому я и предложил выпить за мелочи, – медленно произнес Схинки. – Кому как не вам, комиссар, знать, что правда кроется в мелочах. На публику вытаскиваются объяснения, описания, хорошо подготовленные истории, а правда... правда остается в мелочах. Мелочи способны вызвать

невероятной силы лавину, поставить крест на хитроумных замыслах, но лгать они не умеют.

* * *

– Опять сасвинс! – недовольно пробурчал Манан.

– Ты же его любишь, – улыбнулась Тратасара, выставляя перед мужем тарелку.

– Я много чего люблю, женщина, но это не повод всю неделю есть это... – Турчи шумно втянул ноздрями запах блюда. – Это...

– Ты сам говорил, что хочешь похудеть.

– Но я не знал, что избавление от лишних килограммов будет столь неприятным. – Манан взялся за ложку. – Набирать вес – занятие куда интереснее.

Турчи любил горячее, густое, острое и жирное, а жидкий молочный сасвинс удовлетворял лишь первому условию. В принципе, Манан ничего не имел против старинного шасского блюда, тем более Тратасара готовила его консервативно, на верблюжьем молоке, однако, вынужденный есть не в охотку, а потому что «надо», испытывал понятное раздражение.

Впрочем, плохое настроение Турчи было вызвано не только молочной причиной.

– Вкусно. – Он проглотил первую ложку. – Ты замечательная хозяйка, женщина!

Тратасара кивнула, с достоинством принимая комплимент, едва слышно вздохнула и, потеревив полотенце, которым вытирала руки, спросила:

– Ты встречался с ним?

– Да, – односложно ответил Манан. – Дай мне соль, женщина.

– Что он сказал?

Тратасару воспитывали в истинно шасском духе, она была настоящей женой: покладистой, послушной, работающей, но когда упиралась, как сейчас, например, то переупрямить ее не смог бы даже Сантьяга.

– Что он сказал?

Манан съел еще две ложки сасвинса, посопел и проворчал:

– Это все магия, черт бы ее побрал!

– А может, твое воспитание?

– Нет, магия, точно тебе говорю. Было бы у Лаи поменьше способностей, она бы стала хорошей хозяйкой, осчастливила бы какого-нибудь славного мальчика, родила бы... – Манан запнулся.

Не родила бы. Не смогла. Поганое сочетание генов, с которым не смогли совладать даже эрлийцы, сделало старшую дочь Манана бесплодной. И в этом – все указывало на то, что именно в этом – таился корень всех бед. Однако у Турчи было собственное мнение на этот счет.

– Это все магия! В семье Фарины у всех большие способ-

ности к магии. Они этим гордятся, а на самом деле... на самом...

Манан с трудом проглотил еще одну ложку сасвинса.

Родная мать Лаи, любимая жена Фарина, умерла при родах. Турчи горевал искренне, с трудом выбрался из депрессии, однако уже через год посватался к молодой вдове Тратасаре, взял ее с ребенком и оставшейся от мужа лавкой, ввел в дом, родил с ней еще двух детей. Но от старшей дочери правду не скрывал, рассказал, как было.

– Может, Лая мстит ему за ту торопливость?

– Нет! Это магия! Она изменила дочь! Она!

– О чем ты говорил с Гримом?

– Не волнуйся, я не стал приглашать его в гости.

– Может, зря?

– Женщина! Не делай мою жизнь хуже, чем она есть! –

Манан доел сасвинс и попросил: – Дай буженины!

– Сегодня нельзя.

– Черт!

– Ты просил меня следить за тобой, я так и делаю.

– Женщина... – Полуголодный, а от того еще более раздраженный Турчи тяжело откинулся на спинку стула. Посмотрел жене в глаза, понял, что не отстанет, и неохотно ответил: – Нанял его для одного дела.

– Ты?!

– Я, я, – подтвердил Манан. – И что с того?

Тратасара удивленно посмотрела на мужа.

– Я ничего не понимаю.

– А должна?

– Должна, поскольку речь идет о моей дочери.

Она имела полное право так говорить. Имела. Лая ненавидела новую жену отца, однако все эти двадцать лет Трата-сара ни словом, ни жестом не показывала, что ее это задевает. Она относилась к Лае, как к дочери, и за глаза всегда называла ее только так. Имела право.

– Я должна знать!

И Манан сдался.

– Помнишь, я говорил, что с бизнесом в последнее время не очень хорошо?

– Это твое нормальное состояние, – поддела мужа Трата-сара.

Турчи вздохнул, но затевать скандал не стал.

– Так вот, некоторое время назад нас всех собрал Сантьяга и предупредил, чтобы мы вели себя осторожнее. А лучше вообще отказались бы от бизнеса на пару-тройку месяцев. Объяснять ничего не стал... – Манан почесал большой нос. – Мы, конечно, головами покивали, но работать-то надо, правда? Детей кормить, на жизнь зарабатывать...

– Комиссар предупредил об опасности, а ты продолжил?

– Мы все продолжили, женщина, все!

– Но у тебя четверо детей!

– Черт! Именно поэтому, женщина, именно поэтому! –

Турчи отвернулся. – У нас не так много сбережений, чтобы

бездельничать несколько месяцев.

– Ты мог бы устроить бизнес в Тайном Городе! Я давно говорила! В конце концов... – Тратасара замолчала и, выразительно посмотрев на мужа, закончила: – Я говорила, что не надо продавать лавку! Говорила?

– Что теперь спорить? В конце концов, я жив, женщина, твой муж не такой дурак, каким ты хочешь его представить. Я стал осторожнее.

– Ты даже в спокойные времена ухитрялся влипнуть в истории!

– Но я жив! Я здесь, перед тобой! – парировал Манан. – Зачем ты меня изводишь?

Тратасара поняла, что перестаралась.

– Зачем тебе потребовался Грим?

– Потому что Косар погиб, – хмуро объяснил Турчи.

– Это же был несчастный случай... или... – Шаса всхлипнула. – Он доигрался, да? Не послушал Сантьягу и погиб? И ты...

– Я же сказал, что твой муж не такой дурак, как ты пытаешься представить, женщина, – самодовольно произнес Турчи. – Когда я узнал о Косаре, у меня как раз намечалась выгодная сделка. Ну, я и подумал: «Манан! Зачем тебе терять прибыль? Пусть съездит этот наемник. Если у него получится, ты будешь при деньгах и в радости. Если не получится, твоя дочь освободится от недостойного чела». Гениально, правда?

И посмотрел на жену.

– Счастье на подлости не построишь, – едва слышно проронила Тратасара.

* * *

– Вы объявили смерть Косара несчастным случаем? Ах вы лжецы!

– Я действовал так, как посчитал нужным, – ровно ответил Сантьяга.

– Прикрыли тыл.

– Не допустил паники и слухов.

– Именно это я и имел в виду. – Схинки довольно осклабился. – Но ведь вы планировали использовать контрабандистов в качестве наживки, почему же не успели спасти Косара?

– Я ошибся. – Оправдываться комиссар не собирался.

– И ошибетесь еще не раз.

– Уверен в этом.

Схинки помолчал, затем другим, серьезным тоном спросил:

– Почему вы упустили Косара? Это была ваша игра, мой господин ожидал, что в Гарварде будет знатная рубка.

– Обычно контрабандисты покидают Тайный Город через «Транс Портал», – рассказал Сантьяга, задумчиво разглядывая бокал с коньяком, – а Косар побоялся, что мы вве-

дем запрет на перемещения, и объявил, что берет отпуск. Отправился на Коста Флибустьер, а уже оттуда с помощью собственного артефакта межконтинентального перехода достиг Гарварда. Это было неожиданно...

– Пытаетесь себя утешить?

– Рассказываю, как было дело.

– А затем последовала ошибка с Мананом! Вы были обязаны установить за контрабандистами тотальное наблюдение! Подслушивать каждый их разговор! Даже песенки, что они поют в ванной!

– Не сомневаюсь, Ярга поступил бы именно так.

– Да! Мой господин знает, как вести дела.

– Я ожидал, что исчезновение Косара сделает контрабандистов более осмотрительными.

Схинки наполнил опустевший стакан.

– И все-таки, комиссар, вы не столь принципиальны, каким хотите казаться.

* * *

– Грим!

Наемник припарковал машину не в охраняемом дворе «Транс Портала»,¹ а на улице – дело-то плевое, за два-три часа обернуться можно, так что ничего с «Туарегом» не слу-

¹ Услуга платная.

чится. Припарковал, вышел из салона, прихватив темно-синий рюкзак со снаряжением, и услышал:

– Грим!

Резко обернулся, а в следующий миг на его лице появилось странное выражение: смесь радости с настороженностью.

– Лая? Ты зачем здесь?

Девушка, одетая в зеленые брюки с накладными карманами, ботинки, футболку и короткую куртку, остановилась в шаге от друга и удивленно вскинула брови:

– Ты мне не рад?

Грим знал и этот взгляд, и этот тон. Другого ответа, кроме: «Ты же знаешь, что очень рад!» – девушка принимать не собиралась.

– Ты же знаешь, что очень рад!

– То-то! – Лая подошла, привстала на цыпочки и поцеловала Грима в щеку. – Я с тобой.

– Зачем?

Вопрос вырвался сам собой, невольно. Шаса была неплохим магом, могла помочь в работе или просто подстраховать, однако до сих пор Лая ни разу не предлагала себя в качестве напарника.

– Я все обдумала и пришла к выводу, что контракт опаснее, чем говорит Манан, – спокойно произнесла девушка. – Он бы не нанял тебя, не будь вероятность гибели ниже пятидесяти процентов.

– Я наемник, – напомнил Грим. – Опасные дела – мой профиль.

Без бахвальства напомнил, буднично, рисоваться перед девушкой ему было не с руки – она и так все знала.

– Два ствола лучше, чем один. И два мага лучше, чем один.

В отличие от Лаи, Грима можно было назвать магом с большой натяжкой: элементарный морок, ограниченный дар внушения да развитое чувство опасности – ничем другим чел похвастаться не мог.

– Я больше по артефактам, ты же знаешь...

– Именно поэтому я должна быть рядом, – твердо произнесла девушка. – И не спорь, все решено. Что у тебя в рюкзаке?

– Э-э... прихватил на всякий случай, – Гриму стало неловко: отправляется на пару часов, а набрал с собой артефактов, будто на небольшую войну. – И еще товар, что твой отец передал.

Приготовленный Мананом сверток занимал половину рюкзака.

– Хорошо, – одобрила девушка, разглядывая снаряжение друга. – Учитывая, что задание придумал Манан, лишние артефакты не помешают. – Достала из кармана зазвонивший мобильный, посмотрела на экран и поморщилась: – Помяни черта... – Надавила на кнопку ответа: – Я слушаю, Манан!

– Ты где?

– Не твое дело.

– Как раз мое! Ты должна быть у тети Камиры. Сегодня день рождения маленькой Хирины, и ты обещала...

– Я буду у них часа через три.

– Что?

– Манан, ты прекрасно слышал, что я сказала, – холодно ответила девушка. – Я помню о тете Камире и буду у нее часа через три.

– Где ты?

– Я уже говорила: не твое дело!

– Ты с ним? – выдохнул потрясенный догадкой Турчи.

– Не важно!

– Лая, остановись! Ни в коем случае...

Девушка отключила телефон и кивнула на особняк «Транс Портал»:

– Все, можно идти.

– Спасибо, – тихо сказал Грим.

– Пожалуйста! – зло бросила Катарина.

В глазах Тео Луминара полыхнули молнии, но масан сдержался, повторил чуть более хрипло, но не сбиваясь на крик:

– Спасибо, что приняла участие в совещании, но я считаю твой план чересчур опасным. Перезвони контрагенту и перенеси встречу на десять вечера.

– И не подумаю!

– Не слишком ли много ты на себя берешь, человеческое от-

родье?

– Не больше тебя, ночной горшок.

Эрик и Бруно глухо заворчали, однако этим и ограничились, не среагировали на брошенное девкой оскорбление. Странно, очень странно. Раньше обязательно возмутились бы, а сейчас... такое ощущение, что Эрик и Бруно признали себя подчиненными и ждут, кто из них, Тео или Катарина, докажет свое право на лидерство.

«Да что, черт побери, происходит?!»

Луминар беззвучно досчитал до десяти и попытался еще раз образумить ведьму:

– В целях безопасности мы должны действовать в ночное время.

Чертов Ярга! Мало того, что навязал слаженной команде самолюбивую сучку, так еще и велел относиться к ней как к равной. К ней! К *пище*! Превосходство нава Тео под сомнение не ставил: и маг Ярга мощный, и *пищей* не является. Навы – они вообще твари особые. Но эта... эта... эта малявка! Красивая белобрысая девчонка возбуждала Тео, ему нравилось проводить время с теплыми челками, однако несносный характер ведьмы и ее манера держаться приводили масана в бешенство.

– Глупо, – возразила Катарина.

– Неужели?

– Мы всегда встречались с Мананом до захода солнца, это условие он озвучил в самом начале сотрудничества. – Де-

вушка выразительно посмотрела на масана. – Но даже если Манан и согласится встретиться ночью, гарантирую, он явится с включенным «Протуберанцем» в руке.

– Ты его нейтрализуешь.

– Я знаю, что буду делать. – Катарина ткнула пальцем в схему места встречи, которую она набросала в начале импровизированного совещания. – Манан знает эту точку, но вылезет все равно где-нибудь вот здесь, в стороне, он ведь у нас осторожный... – Короткая усмешка, вполне достойная вампира. Тео против воли качнул головой: девчонка не промах. – Манан просканирует точку и увидит только меня.

– А нас? – удивился Бруно.

– А вас еще не будет, – объяснила Катарина.

– То есть?

– Вы будете вот тут. – Палец девушки указал на одно из схематично изображенных строений. – Заброшенный сарай, полмили к северу. Помещение без окон, самое подходящее для вас место.

– Угу, – пробормотал Эрик.

Тео поморщился.

– Мы будем на постоянной телефонной связи, когда Манан подойдет, вы построите портал в точку и возьмете его. К этому моменту я высосу из него магическую энергию «Навским арканом».

Телефоны помощникам выдал Ярга – их личные трубки были давно отобраны. Эти же, так сказать, служебные, нужно

было сдать после возвращения на базу. Предназначались они для связи во время операции и для наведения портала, через который Ярга заберет помощников обратно.

– Мы договорились?

Плотная кожаная одежда, перчатки, глухие мотоциклетные шлемы с затемненными забралами – масаны знали, как нужно укрываться от солнечных лучей. Тео ввязался в перепалку не потому, что боялся провести несколько минут под губительными солнечными лучами, он хотел лично разработать план, однако, лишенный поддержки приятелей, потерпел первое поражение в борьбе за власть.

«Ладно, сука, еще посмотрим, кто кого!»

А взгляд против воли скользнул по выпирающей груди девушки. Катарина вновь улыбнулась. И так улыбнулась, что будь на месте Тео менее матерый масан, он бы наверняка покраснел.

– Мы договорились?

– Да.

– Нет!

– Скажи!

– Зачем тебе? – отмахнулся Сиракуза, полностью поглощенный работой с коммуникатором.

– Хочу!

– Забудешь ведь через пять минут.

– Я запишу, мля, в натуре запишу! – Копыто стянул с го-

ловы бандану. – Дай ручку! Я в натуре запишу, тока ты говори!

В приемной АО «Транс Портал», компании, занимающейся перемещением жителей Тайного Города на сверхдальние расстояния, партнеры оказались через пять с лишним часов после разговора в тупике.

Добившись от Копыто обещания слушаться или хотя бы прислушиваться к его советам, Сиракуза отвел уйбуя в ближайшую лавку Торговой Гильдии, где велел оплатить приобретение кучи необходимых артефактов. Необходимых, с точки зрения Вани, – дикарь визжал и кричал, что только глухой идиот способен спустить сказочное состояние на магический мусор, и предлагал взять в путешествие исключительно виски. Однако в ходе недлинного препирательства поменял точку зрения и выдал необходимую сумму. Но самое главное, Сиракузе удалось заставить Копыто переодеться и отказаться от оружия. Случившийся по этому поводу скандал длился часа полтора, зато в «Транс Портал» дикарь заявился облаченный в чистые джинсы (от костюма Копыто категорически отказался), чистую же футболку, новенькие кроссовки и кожаный пиджак – учитывая, в чем бравый уйбуй расхаживал по городу до сих пор, подобное преобразование можно было назвать историческим. Голову Копыто по-прежнему украшала красная бандана, однако с любовью к этому аксессуару Сиракуза ничего поделать не смог.

– Короче, я слушаю! – Уйбуй требовательно посмотрел на

Ваню. – Почему ты – Сиракуза?

– Потому что моя фамилия – Архимедов, – сдался советник миллионера.

– И что?

Тонкие логические связи никогда не были коньком Красных Шапок.

– Архимед жил в Сиракузах, – объяснил Ваня.

– Это дальше Медведкова?

– Да.

– И дальше Крыжополя?

– И даже дальше Могилева, – обозначил Ваня невероятное расстояние, отделяющее Сиракузы от Москвы.

– Я не знаю, где Могилево, – не стал скрывать уйбуй. – И вообще плевать. – Он помолчал, после чего подвел итог: – Короче, понятно, Архимед жил в Сиракузе, а ты его сын.

Ваня поперхнулся:

– Архимед давно жил.

– То есть – внук?

Став богатым, Копыто начал испытывать болезненную тягу к новым познаниям, которая запросто могла привести его в сумасшедший дом. Или в библиотеку. Или сначала в библиотеку, а потом в сумасшедший дом. В любом случае...

«Его бы эрлийцам сдать, – подумал Ваня. – Это же практически готовая диссертация».

– Короче, если ты не внук, а тот жил давно, да еще дальше Могилева, то я ни хрена не понял.

Уйбуй требовал подробностей, и Ване пришлось продолжить рассказ:

– Мой предок крепостным был у графа Воронцова. А тот, в свою очередь, был большим выдумщиком. Фамилия Архимедов – одна из его безобидных шуток...

– То есть ты из лаптей?

– Можно сказать и так.

– А я вот городской под самый корень, – с достоинством поведал уйбуй. – Всю жизнь в городе, и предки мои, почитай, как из Западных Лесов ушли, так тоже. Мы ведь энта, цивилизованные. – Копыто покосился на Сиракузу: – Хотя к понаехавшим я очень даже с пониманием и дружбой ваще. Так что ты, братан, не тушуйся, зарплату урезать не стану, хоть и выяснилось, что ты необразованный лапоть.

– Спасибо.

– Не за что. – Копыто потрогал спрятанную во внутреннем кармане куртки фляжку с виски, однако пить не стал, вместо этого прикрикнул: – Эй, нам с братаном срочно ехать нужно, понятно? Почему вы эта... не порталите нас?

Сидящая за стойкой девушка отвлеклась от монитора и сообщила:

– Мы откроем переход через десять минут.

– Почему так долго, в натуре?

– У вас будут попутчики.

– Тогда денег давайте взад половину! – Став миллионером, Копыто принялся стремительно копировать и некото-

рые черты некоторых из них. – Чего эта я должен попутчиков за свой счет туды-сюды возить, я не понял, в натуре! – Уй-буй посмотрел на советника. – Ты чего молчишь, братан? Ты должен бабло мое беречь, как сторожевой дракон, в натуре.

– Мы уже уменьшили плату, – сообщила девушка.

– Проверь на скока, – велел дикарь советнику.

Сиракуза мастерски владел компьютером, что вызывало у работодателя восхищение и, изредка, желание поднять расторопному лаптю зарплату.

– Все в порядке, – сообщил Ваня, проверив через коммуникатор счет дикаря.

И принялся внимательно разглядывать вошедших в приемную Грима и Лаю.

– Хорошо, Бобби, договорились! Увидимся в пабе... Эй!

Молодой парень успел нажать на кнопку отключения связи, а потому неизвестно где находящийся Бобби не услышал возмущенного вопля, которым его приятель сопровождал потерю мобильного.

– Ты что делаешь?!

Правильнее всего было молча начать драку в надежде вернуть собственность немедленно, но парень, несмотря на широкие плечи и мужественную физиономию, идеально подходящую плакату: «Я счастлив служить в королевских военно-морских силах», решил начать с обиженного крика. И напрасно. Едва вожденная трубка оказалась в правой руке

похитителя, как кулак его левой угодил точно в мужественную скулу плакатного красавчика. Удар оказался настолько силен, что парень не устоял на ногах.

– Эй...

А когда шум в голове поутих и красавчик поднялся с тротуара, похитителя уже и след простыл – скрылся в многочисленных переулках.

– Эй! – Вокруг – ни одного прохожего, никого, кто мог бы прийти на помощь. – Вот дерьмо!

А находящийся на соседней улице похититель уже давил на кнопки, торопясь дозвониться до нужного абонента.

– Это я!

– Узнал, – отозвался спокойный мужской голос. – Вы определили местонахождение базы?

– Под землей.

– Весьма информативно.

– Нет времени шутить. Проверьте все подземные комплексы, которые переходили из рук в руки в последние месяцы. Если в документах ничего не найдете, проверяйте вообще все комплексы. База напоминает военную, но точно сказать нельзя. Может оказаться, что это бывшая лаборатория, или переделанное хранилище, или частное бомбоубежище...

– Я понял, что должен искать. Вы можете дать хотя бы приблизительную локацию? Острова большие.

– Координаты тщательно засекречены, Ярга лично стро-

ит порталы для покидающих и возвращающихся на базу помощников.

– Я понял, я постараюсь.

– И, пожалуйста, быстрее. Дело оказалось куда опаснее...

Ярга проводит над своими помощниками какие-то странные опыты.

– Убивает?

– Нет... кажется, он знает способ сделать помощников более лояльными.

– Разве это возможно?

– Ярга вообще сгусток невозможного. Вы приготовили отряд?

– Бойцы ждут сигнала.

– Если я почувствую опасность, то постараюсь вырваться на поверхность и подать сигнал. Но это на самый крайний случай.

– Мы будем ждать...

– И избавьтесь от этого номера, возможно, его будут проверять полицейские, – закончил похититель.

Телефон полетел в ближайшую урну.

– Где мой ятаган!!

– Остался в Москве.

– Идиот, мля! Я же говорил, что нельзя бросать оружие!

– И что бы ты сейчас делал?

– Отмахивался!

– От кого?

– Вообще, мля! – Копыто настороженно огляделся. – От всех бы отмахивался, в натуре!

Межконтинентальный портал вывел путешественников под землю, в пахучую лондонскую канализацию, в темный и сырой коридор, и этот факт привел бравого уйбуя в состояние, близкое к панике.

– Сделай что-нибудь!

– Что?

– Включи свет, мля! Ты же советник.

– Ты на него работаешь? – не сдержалась Лая.

– Да, – нехотя ответил Ваня, роясь в рюкзаке.

– И он платит тебе деньги?

– Да.

– Мир на самом деле спятил, – ошеломленно протянула девушка. – Осталось узнать, что мать Тереза была шасой...

– Я, мля, солидный деятель, и плачу, в натуре, приличных бабок за работу. – Копыто старался говорить весомо, но голос подрагивал. – Сиракуза, ты свет нашел?

– Чего ты боишься?

– Я ничего не боюсь, в натуре! Но здесь темно!

– Это канализация.

– А вдруг осы появятся?

– Мы в Лондоне.

– Да хоть в Косине, мля! Эти твари способны оказаться где угодно!

Ятагана нет, дробовика нет, даже пистолета какого – и то нет. Заманили в дикие края, сунули под землю и свет погасили! Жизнь катилась под гору, словно ржавая бочка. Не грохотала, зато плохо пахла.

– Заканчивай истерику, – строгим тоном приказал миллионеру Ваня. – Осов здесь нет, зато в тридцати ярдах к западу мы найдем удобный и безопасный выход на поверхность. – Сиракуза включил фонарик и посмотрел на Грима. – Вы с нами?

– Да! Отметим приезд? – Спокойный, уверенный голос Вани, включенный фонарик и обещание вывести его, богатенького уйбуя, на свет приободрили Копыто. А хорошие новости в семье Красных Шапок издревле принято отмечать одним-единственным способом. – Завалимся в кабак местный и погудим. Я угощаю, мля. У меня есть!

– Боюсь, что нам придется расстаться, – сухо произнес Грим. – Было приятно познакомиться.

Учитывая, что ни он, ни Лая не представились, последнюю фразу можно было рассматривать как легкую издевку.

– Всего доброго.

Грим активизировал «дверь», и они с девушкой исчезли в заплывавшем вихре портала.

– И вам приятного путешествия! – крикнул вслед Ваня. После чего вздохнул и перевел взгляд на работодателя: – О кабаке забудь.

– Да я так, к слову, – промямлил Копыто. – Нешто не по-

нимаю?

– Чего ты понимаешь?

– Многа чего. – Уйбуй почесал под мышкой. – Мне в за-
границах этих подземных уже наскучило невмоготу. Я тепе-
ря хотя и диссидент беглый за правду, но на Родину тянет –
силов никаких нет.

Брови Сиракузы медленно поползли вверх.

– Тока надо сделать так, чтобы Кувалда меня не повесил, –
с неожиданной рассудительностью продолжил Копыто. Ви-
димо, речь была заготовлена заранее. – Ты тама про памят-
ник базарил, но памятник не надо, главное, чтобы не пове-
сил. Прославиться нужно по-черному. В смысле – круто про-
славиться, мля. И ты мне станешь помогать.

Наличие у дикаря собственного плана пребывания на
чужбине повергло Ваню в легкий ступор. Пару секунд он
ошеломленно смотрел на партнера, после чего кашлянул и
поинтересовался:

– Как будем прославляться?

– Меня прославлять, – уточнил уйбуй. – Я главный, пото-
му что денежный.

– Ну да, именно это я и имел в виду.

– Яснее выражайся, в натуре. – Копыто вновь почесал под
мышкой. – А насчет славы я уже все задумал, мля. Идея та-
кая, что весь Тайный Город ляжет.

И выразительно потрогал себя за то место, где обычно
болталась рукоять ятагана.

– Вот этого я и боюсь...

– Вокруг все тихо, – угрюмо сообщил Тео, закрывая за собой дверь. – Даже челы попрятались.

Они сидели в указанном девушкой месте, в хорошо защищенном от солнечного света помещении, наполненном пыльными ящиками. Сидели почти час, и за это время на улицу выходил только Тео – осмотреться.

– Катарина говорила, что здесь пусто, – ровно ответил Эрик.

– Угу, – подтвердил Бруно.

– Что «угу»? – недовольно осведомился Тео.

– *Пицца* бродит в других местах.

Молодой Луминар произнес фразу равнодушно, подтвердил чужое мнение, и точка, ничего от себя, ни одной эмоции, ни одной гримасы. Как голем! И старший брат не сдержался.

– Слушайте, парни, – хрипло произнес Тео, напряженно глядя на друзей. – У меня проблема.

– Какая? – спокойно осведомился Эрик.

– *Жажда* близко? – встрял Бруно.

– Я вас не узнаю, – честно и прямо ответил Луминар. – Вы себя ведете, как...

Он не мог сказать «големы», потому что любил и уважал смотрящих на него масанов. И уж тем более не мог сказать «зомби». Он сбился, однако Эрик и Бруно прекрасно поняли вожака.

– Просто мы решили, окончательно и твердо решили служить Ярге, – произнес Робене. – Мы с Бруно выбрали путь, он важен для нас, и теперь мы ждем твоего решения.

– Ты должен определиться, брат, – добавил Бруно. – И я верю, ты сделаешь правильный выбор.

– Ярга открывает новые горизонты, – плавно вернул себе слово Эрик. – То, что он рассказывает, то, что он обещает, – все это завораживает. Нам с Бруно пришлось переосмыслить свою жизнь, сформировать для себя новые идеалы, новые цели... Ничего удивительного, что иногда мы кажемся...

– Слегка не в себе, – улыбнулся молодой Луминар.

– Но если тебя беспокоят наши взаимоотношения, то зря.

– Мы тебя любим, Тео.

– И мы тебе подчиняемся.

Старший Луминар пронзительно посмотрел на Эрика.

– Подчиняетесь, потому что так велел Ярга?

– Да, – не стал скрывать Робене. – Потому что так велел Ярга. Наш господин.

– Отчет по лондонскому рейсу готов? – поинтересовался Геза Томба.

– Конечно, – девушка подала администратору лист бумаги.

– Прибыльно, – одобрил Геза, отыскав взглядом нижнюю, самую главную, итоговую строчку. – Можно сказать, день прошел не зря.

Два рейса утром: в Нью-Йорк и Бангкок, два рейса в Лиму днем и вечерний в Англию – день действительно выдался отличный.

– Поужинаем сегодня?

Геза давно подбивал клинья к симпатичной сослуживице, регулярно получал отказ, однако упрямо продолжал гнуть свою линию.

– Папа говорит, что ты ужасный бабник, – вздохнула девушка. – Ты еще не готов к серьезным отношениям, тебе нужно перебеситься.

– А ты уже перебесилась?

– Я начну после того, как заведу серьезные отношения, – с хладнокровием истинной шасы ответила девушка. – Такова жизнь.

– Начнешь наставлять рога?

– Зависит от мужа.

– Может, побесимся вместе и сейчас? Проверим, так сказать, совместимость?

Они могли подначивать друг друга долго, иногда, когда не было посетителей – часами, однако на этот раз приятный разговор оказался прерван самым драматическим образом.

– Где...!! – проорал влетевший в помещение шас.

Задохнулся, сбился, ударил по стойке кулаком, чем вызвал у администратора и девушки понятное изумление, закашлялся, после чего торопливо просипел:

– Рейс на Лондон!

– Ушел, – коротко ответил Геза.

– Когда?!

– Минут...

– Мне нужно туда!

– Портал закрыт, однако мы можем организовать новый переход. На подготовку потребуется минут двадцать. – Геза едва сдерживал довольную улыбку: еще один портал! Нет, определенно, очень, очень удачный денек. – А вы пока заполните анкету...

– Там моя дочь! – проорал немного отдышавшийся Манан. – Засунь анкету себе в задницу, молокосос! Моя дочь в беде!!

– Ты в порядке? – тихо спросил Грим.

– В полном, – ответила Лая. – А что?

Однако он знал – не чувствовал, не видел, а именно знал, что девушка дрожит. Чем меньше времени оставалось до встречи с контрагентом Манана, тем сильнее дрожала душа Лай. Тем четче девушка понимала, что предстоящее дело не имеет ничего общего с лихими и возбуждающе приятными издевательствами над не владеющими магией челами. Что ведьма, с которой они окажутся лицом к лицу, может их атаковать, и это будет самый настоящий бой. Первая операция, даже не сама драка, а ожидание ее – это самая главная проверка. Именно сейчас, в эти самые минуты, Лая неотвратимо менялась. Какой она станет? Непредсказуемо. Но станет

именно сейчас. Не потом, не во время боя.

– Все будет хорошо.

– Не надо со мной сюсюкать!

– Извини. – Грим помолчал. – Видишь кого-нибудь, кроме Катарины?

– Она одна.

Лая еще раз просканировала место встречи.

– Активизированные арканы?

– Нет.

– В таком случае – пошли.

Открытая в канализации «дверь» доставила наемника и девушку в промышленную трущобу Лондона: склады, непонятного назначения корпуса, кривые проезды и тупики. Собственно точка, где ждала ведьма, находилась ярдах в трехстах, скрывалась за ангарами и домами, и до нее оставался всего один, совсем коротенький портал.

Наемник активизировал очередную «дверь».

– Грим!

Он обернулся. Ободряюще улыбнулся:

– Все будет хорошо.

– Достань пистолет, – попросила Лая.

– Приготовь боевой аркан, – подмигнул девушке Грим. –

Так будет надежнее.

И шагнул в вихрь.

Поединок магов красиво смотрится лишь в голливуд-

ских блокбастерах, спецэффекты которых призваны поразить зрителя до глубин подсознания, если, конечно, такие отыщутся. А вот в реальной жизни неплохо выглядят только масштабные сражения: полк гвардии великого магистра, к примеру, на дружину Дочерей Журавля. С фланговыми прорывами и прямой подачей энергии Источника участникам мероприятия. И совсем хорошо – ночью, когда оранжевые «Шаровые молнии», белые или золотистые «Эльфийские стрелы» и алое «Дыхание дракона» видны во всей красе. Мечутся они по полю боя, подсвечивая снизу голубые облака «Дыма ледяных вершин» и вихри смерчей, вызываемых мастерами стихий. Феерическое зрелище. Если, конечно, наблюдать с безопасного расстояния через хорошую оптику. Вблизи картинка лучше, но выше вероятность ничего более в жизни не увидеть.

Что же касается классических магических схваток один на один, то главная их часть до ужаса безлика и совершенно невидима со стороны. Заключается она в том, что маг пытается выстроить собственный агрессивный аркан, попутно заблокировав действие заклинания противника. Тот, что вполне естественно, проводит аналогичную процедуру. В результате ничего не происходит, и маги возвращаются к первой цифре. Вновь пробуют. Вновь блокируют. Вновь пробуют. Победу, как показывает статистика, празднует либо более сильный колдун, либо более терпеливый.

Именно поэтому схватка Катарины с наемниками получи-

лась невыразительной внешне, зато с глубоким внутренним содержанием.

Едва портал закрылся, Катарина активизировала «Навский аркан», вытягивая из гостей магическую энергию и, соответственно, превращая заготовленную Лаей «Эльфийскую стрелу» в пожелание «Эльфийской стрелы». Шаса почувствовала атаку и, решив не спасать рассыпающуюся на глазах молнию, сосредоточилась на защите от пожирающего энергию «Навского аркана».

Ошибка?

Наверное, да. Опытный боевой маг никогда не ушел бы в глухую оборону, попытался бы сбить атакующий порыв Катаринины не только блоком «навского аркана», но и еще одним, пусть и не сильным, пусть слепленным впопыхах, но опасным заклинанием. Повторить «стрелу», швырнуть «шаровую молнию» – что угодно, лишь бы заставить Катарину защищаться. Но опыта Лае не хватило. А глухая оборона – не лучший способ выиграть поединок.

Грим, способностей которого было маловато для понимания развернувшегося сражения, сделал шаг вперед, а бой уже практически закончился. Щупальца «Навского аркана» впились намертво, обрубить их все Лая не сумела, а потому...

– Грим!

Полный страха крик заставил наемника резко обернуться и выхватить пистолет, но поздно, слишком поздно: из пор-

тала выпрыгнул Бруно. Противник, слишком быстрый для чела.

Тяжелый удар в висок отправляет наемника в нокаут.

– Засада!!

Лая слишком неопытна, это ее реакция – она кричит, а надо бить...

Лаю берет Эрик. В ней уже нет магической энергии, поэтому Робене без помех выворачивает девушке руку, прижимает к себе и давит на сонную артерию, погружая в недолгий сон.

– Лая!!

Вывалившийся из портала Манан видит лишь дочь, засыпающую в объятиях вампира. Только дочь. Он забывает о пистолете, что держит в руке, обо всем. Он бросается вперед, к дочери, и натывается на клинок Тео. Широкий и острый нож входит в толстяка по рукоять. Манан замирает, хватая ртом воздух, а Луминар ведет клинок вверх, вспарывая ша-са, как жирного карпа.

– Лая...

Глаза Катарина леденеют, но этого никто не видит. некогда видеть, ведь с появления наемников прошло меньше десяти секунд. Все заняты.

Катарина подносит к уху телефон:

– У нас все в порядке.

– Портал наведен, – невозмутимо отзывается Ярга.

Можно уходить.

Можно уходить.

Можно уходить.

На грязном асфальте плавают в луже крови Манан Турчи.

* * *

– Гарки опоздали всего на двадцать секунд, – медленно произнес Сантьяга, разглядывая спрятанный за стекло бокала коньяк. – Появились, когда Ярга уже закрыл портал.

– И не сумели отследить направление?

– «Ласвегасы» не всемогущи. – Комиссар перевел взгляд на довольно улыбающегося собеседника. – Хотите услышать от меня признание в том, что ваш господин великий маг? Да, это так. Ярга сумел отлично замаскировать портал, и наши лучшие наблюдатели не смогли определить его направление.

– Найдите наблюдателей попрличнее, – посоветовал Схинки.

– Лучшие я найду Яргу.

– С такими-то помощниками?

– Они сумели определить, что портал не вышел за пределы острова, – мягко произнес нав. – Ярге не удалось создать достаточную нестабильность полей, и мы поняли, что он сидит в Британии.

– Так вот оно что... – Схинки ухватился рукой за подбородок. – Так вот...

– Ваше мнение о «Лас-Вегасах» улучшилось?

– Не сильно.

– Вы обещали быть честным.

– Они способнее, чем я ожидал, – признал, после короткой паузы, Схинки. – Остров... У вас появилась зацепка.

– Определился район поиска, – уточнил Сантьяга. – Однако работы было непочтый край. Я не мог подвергнуть остров тотальному сканированию: Ярга обязательно засек бы его и понял, что я рядом.

– Мой господин никогда не забывает, что вы рядом, комиссар. И все его действия, все планы учитывают этот факт.

– Поправлюсь: Ярга понял бы, что я у него за спиной.

– Пожалуй, – согласился Схинки. – Пожалуй... – Он поставил стакан с виски на столик и демонстративно оглядел себя. – Не помните, куда я дел сигареты?

– Вы отдали их моему помощнику.

– А он, мерзавец, их заиграл.

– Полноте! Даю слово, что ваше имущество в целости и сохранности. Возможно, вам его вернут.

– Вот это я понимаю – воспитание. «Вы передали их моему помощнику»! «Ваше имущество в целости»! Служили когда-нибудь дворецким?

– Не довелось.

– Мне тоже. Но – по другим причинам. Грубоват, знаете ли, простоват в обращении, могу правду-матку в глаза ре-

зануть.

– Я не заметил.

– С вами я сдерживаюсь.

– Значит, вы способны к самоконтролю.

– Да...

– Я обратил внимание на то, что вы хорошо говорите по-русски, – неожиданно сменил тему нав.

– Там, откуда я прибыл, все говорят по-русски. Так требует мой господин.

– Готовится к визиту в Москву?

– Тайный Город расположен не самым удачным образом, однако после победы над Великими Домами резиденция моего господина будет находиться в нем. По крайней мере, первое время.

– Ярга уже решил, где именно? – светским тоном осведомился Сантьяга.

– Выбирает, – язвительно ответил Схинки.

– Чем он еще занимается?

– Возвращаемся к делам?

– Если вы не против.

– Я помню, что если буду хорошим мальчиком, то получу свой табак.

– И не только его.

Схинки улыбнулся, но как-то рассеянно. Чувствовалось, что известие об успехе «ласвегасов» вывело его из равновесия. Схинки не ожидал, что помощники комиссара способны

пробить установленную Яргой защиту. Ему требовалось время, чтобы выработать новую линию поведения, требовалась пауза.

– Кстати, а чем занимались ваши красноголовые приятели?

Сантьяга, который прекрасно понимал, что Схинки должен собраться с мыслями, широко улыбнулся.

– Я знал, что вы захотите услышать продолжение истории.

*** * ***

– Мля, братан, ты посмотри! Это не кресло, а массажирующий трон, в натуре! Даже у Кувалды такого нету! – Копыто выбрался из «Роллс-Ройса», цокнул языком и поскреб пальцами шею. – Кожа, в натуре, крокодилом воняет!

– Она не похожа на крокодиловую... – начал было Ваня, посмотрев на сиденья. – Она...

– Мля, спорить не надо! Крокодилом, я сказал! Ты что, братан, дальтоник в натуре? На, понюхай!

– Нет, спасибо, – вежливо отказался Ваня.

– Как хочешь!

Копыто иронично посмотрел на Сиракузу и вернулся в поразивший его салон «Роллс-Ройса».

Стоящий слева от машины мистер Хаммерсмит – невысокий, облаченный в элегантный классический костюм англи-

чанин, – вопросительно посмотрел на Ваню.

– Качество автомобиля привело моего клиента в восторг, – сдержанно произнес Сиракуза. – Он просит передать вам свое восхищение.

– А это дерево? Мля, круто, но тупо! Сиракуза, скажи ему, что мне деревянная тачка на фиг не сдалась, в натуре. Тута бронелист надо вклеить, чтобы меня не всякая сволочь убить могла! А то я знаю завистников, мля...

Англичанин внимательно проследил за тем, как Копыто терзает деревянную панель, убедился, что на идеально гладкой поверхности не осталось царапин от нестриженных ногтей потенциального клиента, и вновь повернулся к Сиракузе. Ваня тяжело вздохнул.

Несколько часов за пределами Тайного Города окончательно раскрепостили Копыто. Беглый, но денежный дикарь уверовал, что достать его мстительный Кувалда не сможет, а потому занялся претворением в жизнь самых смелых фантазий. Открывался список приобретением «такой, в натуре, тачки, чтобы пацаны банданы от зависти схавали, мля», для чего и потребовался визит в Гудвуд, в головной офис «Роллс-Ройс». К счастью, предусмотрительный Сиракуза раздобыл у шасов рекомендации от нескольких весьма солидных юридических фирм «Золотой Мили», которые позволили договориться о встрече с одним из ведущих менеджеров предприятия.

– Мой клиент интересуется безопасностью, – перевел Си-

ракуза. И конкретизировал: – Не подушками.

– Передайте господину Копыто, что мы способны обеспечить максимальные на сегодняшний день стандарты безопасности, – сообщил Хаммерсмит.

– Чего он булькает? – осведомился уйбуй.

– Будут тебе бронелисты, – пообещал Ваня. – Хоть десять.

– И бронестекла!

За последние дни ценность жизни выросла для Копыто на столько же порядков, насколько поправился его банковский счет. Рисковать собой понапрасну уйбуй категорически не желал.

– Обязательно, – заверил работодателя Сиракуза.

– Скажи ему, братан, что я, в натуре, политический беженец от кровавого режима. Ну, или как там это по-правильному? Скажи, что я примчался в оплот демократии, мля, и поэтому хочу бронированную тачку. Скажи, что мы, свободолюбивые диссиденты и борцуны, подвергаемся постоянной опасности, однако не сломлемся...

– Я уже все сказал, – оборвал Копыто его советник.

– А он?

– Он ответил, что фирма способна обеспечить максимальный уровень защиты.

– Так и сказал? – поинтересовался уйбуй, с подозрением разглядывая нейтрально улыбающегося Хаммерсмита.

– Да, – коротко ответил Ваня.

– Не врет?

– Зачем? – опешил Сиракуза. – Какой смысл?

– Ой, мля, тока сказки мне, в натуре, не рассказывай, – попросил всезнающий Копыто. – Все врут, как лошади, даже осы, мля, хотя они тупые. А уж челы, да еще за деньги... – Миллионер махнул рукой, изобразив предельное разочарование моральным обликом нынешних владельцев Земли, и полез в багажник. – Тута просторно, мля, хоть и с крышкой. Ящик оружия запросто войдет...

Созерцать торчащую из автомобиля филейную часть уйбуя Сиракуза не стал. Повернулся к англичанину, кашлянул и предельно вежливо произнес:

– Мой клиент хочет сказать, что...

– Вы кажетесь приличным человеком, Айвен, – неожиданно заявил Хаммерсмит.

– Спасибо.

Сиракуза мастерски сыграл смущение, однако внутри насторожился – слишком уж неожиданно прозвучали слова менеджера.

– Я открою вам один маленький секрет, – доверительно продолжил англичанин, – у меня в ухе спрятан наушник, а в соседней комнате сидит переводчик, так что я прекрасно понимаю все, что говорит ваш клиент. Включая идиомы.

– Даже их?

– У меня отличный переводчик.

Сиракуза покраснел.

– В таком случае, мне остается лишь извиниться и откла-

няться.

– Ну, почему же? – удивился англичанин. – Пусть говорит, что хочет. Деньги-то у него есть?

– К сожалению, есть.

– Почему к сожалению? – Мистер Хаммерсмит дружески потрепал Ваню по плечу. – Знаете, Айвен, здесь побывало столько ваших соотечественников, так называемых диссидентов и прочих борцов с режимом, что я окончательно избавился от иллюзий и старательно отделяю деньги от сказок, которыми меня потчуют. Ваш клиент бандит или мошенник?

– Всего понемногу.

– Ну и ладушки. Раз ему разрешили въехать в страну, значит, все в порядке.

– Вы будете смеяться, мистер Хаммерсмит, но ищут его не поэтому, – сообщил Ваня. Сиракуза понял, что для нормального продолжения разговора требуется чуть-чуть правды. – Те деньги, с которыми господин Копыто прибыл в Англию, достались ему абсолютно легальным путем.

– Но он ими не поделился, – догадался англичанин.

Проницательность Хаммерсмита навевала мысли о его тесной связи с какой-нибудь всезнающей спецслужбой.

– Я восхищен вашим пониманием всех тонкостей жизни.

– Как я уже говорил, ко мне приезжает много ваших соотечественников. От них и наслушался. Хорошие клиенты, денежные.

– Тем не менее вы не выучили русский язык, – заметил Ваня.

– Зачем? – с искренним недоумением отозвался англичанин. – Что я буду с ним делать, когда у вас закончатся нефть и газ?

Недовольный голос выбравшегося из багажника Копыто не позволил Ване ответить мистеру Хаммерсмицу так, как следовало.

– Может, хватит за моей спиной шушукаться, а? Слышь, Сиракуза, ты на кого работаешь?

– Я пытаюсь сделать так, чтобы нас не выгнали.

– Не гони туфту, братан, или этому менеджеру бабла не нада?

– Видишь ли, здесь...

– Я вижу, в натуре, я не Кувалда одноглазый, мля, у меня гляделки в норме! Давай к делам, в натуре, а то уволю!

Копыто подошел к собеседникам и шумно высморкался в спешно протянутый Сиракузой платок.

– Переведите вашему клиенту, что я готов вернуться к обсуждению его автомобиля, – дипломатично попросил англичанин.

– Излагай требования, – вздохнул Ваня.

Уйбуй набрал в грудь побольше воздуха.

– Тама впереди цыпочка должна быть такая, с крылышками...

– Она есть.

– Золотая!

– Без проблем.

– И DVD!

– Мы рекомендуем нашим клиентам новые форматы...

– Пусть он слушает, а не булькает! Потом скажет, когда счет принесет.

Сиракуза покосился на англичанина, но тот остался невозмутим.

– И еще, в натуре, чтобы экран вот такой. – Уйбуй продемонстрировал диагональ. Даже поскользнулся от натуги.

– Пятьдесят дюймов?

– Типа того.

– Где его установить?

– Пусть он откуда-нибудь выезжает. Инженеры в этой шараге есть?

– И не один, – подтвердил Ваня.

– Вот пускай придумают! – Копыто тяжело задышал, пытаясь представить пахнущий крокодилом «Роллс-Ройс» с золотой цыпочкой, выезжающим экраном и оружейным ящиком в багажнике, после чего припомнил забытое: – И руль надо переставить! Он сейчас не в ту сторону приделан.

– Разумеется.

– И шофер с фуражкой такой, с козырьком. Тоже пусть будет!

– Эту опцию мы не поставляем, – развел руками англичанин.

– Почему? – изумился Копыто, услышав перевод Вани. – Откуда же они берутся?

И растерянно оглядел собеседников.

Мистер Хаммерсмит закусил нижнюю губу. Более привычный Сиракуза обошелся без внешних проявлений. Ровно ответил:

– К сожалению, в компании «Роллс-Ройс» нет шоферов, знающих московские улицы. Куда он тебя увезет, Копыто, сам подумай!

– Ладно, – махнул рукой уйбуй. – Хрен с ним, Иголку в фуражку одену. Или Контейнера... – Он согнул указательный палец, постучал по переднему крылу «Фантома», прислушался и выдал последние пожелания: – Тока мне еще на джип кенгурятник нужен, и чтобы в багажной двери стекло поднималось – а то отстреливаться неудобно.

– Кен-гу-рят-ник? – не выдержал мистер Хаммерсмит, по складам произнес загадочное русское слово.

– Ага, – подтвердил Копыто, ничуть не удивившись тому, что англичанин не дождался перевода. – У приличного джипа должен быть кенгурятник. Это тебе, менеджер, любой лузер подтвердит!

– Таранный бампер, – перевел Ваня.

– А почему он упомянул марку «Джип»?

Похоже, сидящий за стенкой переводчик оказался не столь хорош, как о нем говорили. С некоторыми идиомами он не справился.

– Как выяснилось, моему клиенту требуется внедорожник «Роллс-Ройс», – с хладнокровием опытного игрока в покер произнес Сиракуза. – Вы, случайно, не производите?

Сначала мистер Хаммерсмит посмотрел на Ваню. Потом – на Копыто. Потом его взгляд задержался на «Фантоме». Возможно, англичанин пытался представить гордость фирмы «в виде джипа». И лишь после этого, немного придя в себя, мистер Хаммерсмит обронил:

– Знаете, Айвен, когда у вас закончатся нефть и газ, на островах станет значительно скучнее...

* * *

– Что за парень этот Сиракуза?

– Понравился?

– Он кажется смышленным, – кивнул Схинки. – Мне такие по душе.

– Мне тоже, – в тон собеседнику произнес Сантьяга.

– Оказывается, мы с вами похожи, комиссар.

– Не льстите себе.

– Постараюсь, хотя это сложно... – Схинки сделал глоток виски и, подумав, впервые с начала разговора запил его водой. – Так откуда же взялось наше юное дарование?

– Из Минска.

– Вы произнесли это название таким тоном, словно ответ все объяснил.

– А разве нет?

Схинки округлил глаза, покрутил головой, демонстрируя наигранное удивление, даже руками развел, мол, не ожидал от вас, комиссар, никак не ожидал, и лишь закончив представление, потребовал уточнить:

– Минск – это где?

– К северу от Иерусалима, – хладнокровно сообщил Сантьяга.

– При чем тут Иерусалим?

– А какая вам разница, где Минск?

– А вдруг я захочу съездить на родину Сиракузы?

– Зачем?

– Потянет.

– Захотите съездить – возьмете билет и поедете. В наши дни необязательно изучать географические карты.

– Вас они смущают? – быстро спросил Схинки.

– Карты?

– Времена! Мне показалось, вы без восторга относитесь к тому прогрессу, которого достигло человеческое общество.

И добавил в стакан виски.

– Общество человек меня не смущает и не вызывает неудовольствия, – поразмыслив, ответил нав. – Хотя цивилизации, основанные на магии, кажутся мне более естественными.

– Вот об этом и разговор! Вы принимаете этих животных как равных!

Схинки не обратил внимания на вторую часть ответа Сантьяга.

– Мы уже обсуждали ксенофобские взгляды Ярги. Давайте не будем повторяться.

– Давайте.

– Давайте.

– Давайте.

– Давайте.

– Так что Сиракуза?

– Обыкновенный чел, – улыбнулся нав.

– Самый обыкновенный? – не поверил Схинки.

– У Ивана есть врожденная способность видеть сквозь морок, – уточнил Сантьяга. – Этакий, знаете ли, природный «различитель». Для этого ему даже магическая энергия не требуется.

– Изучили? – заинтересовался Схинки.

– Как и в случае с метаморфами – уникальная комбинация генов, – ответил комиссар. – Челы – пластичные существа.

– Как же Сиракуза попал в Тайный Город?

– Увидел кое-что запретное, – объяснил Сантьяга. – Шасы проводили раскопки в одном из белорусских замков, а Иван оказался поблизости. Случайное нарушение режима секретности, никто не был наказан.

– Зато у паренька появились блестящие перспективы. Природный «различитель»... Любопытно... – Схинки пока-

чал головой: – Это его единственная способность?

– Насчет перспектив вы преувеличили, – вздохнул нав. – Собственно, никакого другого магического дара у Ивана нет, он даже не способен самостоятельно навести морок. – Сантьяга выдержал короткую паузу. – Но, как видите, Иван не унывает.

– Сиракуза стал советником уйбуя Красных Шапок, – с презрением напомнил Схинки. – Разве можно упасть ниже?

– Не все так просто. – Сантьяга менторским жестом поднял указательный палец. – Пожив в Москве, Иван понял две вещи. Первая: без репутации его не будут воспринимать всерьез. Вторая: пока его не будут воспринимать всерьез, у него не будет репутации. Требовался рывок, поступок, способный привлечь к нему внимание публики, и свалившееся на Копыто богатство стало для Ивана шансом.

– Крупно заработать?

– Сделать себе имя. Красных Шапок пытались цивилизовать не одну тысячу лет, но вершиной их развития остается умение водить автомобиль. Семья не разоряется только потому, что за финансами краем глаза присматривают королевские бухгалтеры, не позволяя Кувалде промотать добычу в традиционном для дикарей стиле... Как воспримут в Тайном Городе того, кто сумеет вправить мозги разбогатевшему уйбую?

– Как минимум – заинтересуются.

– Совершенно верно, – подтвердил Сантьяга. Помолчал и

продолжил: – Первый ход Ивана был рассчитан до четверти дюйма. Он заставил Юрбека заплатить настоящую цену за раритеты Галла. Охранники, разумеется, не удержались, и по Тайному Городу пошла гулять байка об уйбуе, который сумел выкрутить руки шасу. А приятели Ивана добавляли, что помогал Копыто некий хитроумный чел.

– Парень строит карьеру...

– Мы вернемся к нему позже. – Комиссар внимательно посмотрел на Схинки: – Я же хочу знать, что произошло на базе после того, как туда доставили Грима и Лаю?

– Моя очередь быть откровенным?

Взгляд Сантьяги подтвердил: да, ваша.

– Хорошо, – кивнул Схинки. – Давайте поговорим о Лае и Грима...

** * **

Клетка была очень узкой, дюймов двадцать-тридцать, не больше, напоминала захлопнувшуюся вафельницу, только вместо теста в ловушку попал крупный орангутан, чье объемистое пузо с трудом поместилось в капкане. Несчастливая, практически не имеющая возможности пошевелиться обезьяна могла лишь трясти темницу, вцепившись передними лапами в холодное железо и выставив локти наружу, в тщетной попытке отогнуть или выломать прутья. И трясла, не спуская застывшего, полного ужаса взгляда с Лаи. Трясла. А

девушка отвечала плененному орангутану не менее застывшим, но при этом лишенным всяких эмоций взглядом. Не было в глазах Лаи ни страха, ни боли, ни растерянности, ни сочувствия к запертому зверю – ничего не было, абсолютно ничего. Они лишь стали темнее обычного, совсем черными, словно наполнила их запекшаяся кровь Манана.

Непрерывный лязг и безжизненная тишина в ответ в течение десяти минут.

Ярга умел готовить собеседника к разговору.

Бесшумно открыв дверь, он сделал один шаг, остановился и негромко, но очень, очень повелительно бросил обезьяне:
– Хватит!

Орангутан подчинился, мгновенно оставил клетку в покое и с надеждой уставился на хозяина.

А вот Лая даже не вздрогнула. Даже взгляда не бросила на вошедшего нава, продолжала смотреть на застывшую обезьяну так, словно ничего не произошло.

Горе...

Ярга взял стул, поставил его спинкой вперед, уселся, оказавшись напротив девушки, и очень серьезно произнес:

– Прости, что убил твоего отца.

Орангутан тихонько вздохнул, словно поняв, что именно произнес нав. Словно пытаясь разделить и несчастье девушки, и грусть нава.

– Ты ни при чем, – безжизненно ответила шаса.

– Извини, что мои помощники убили твоего отца, – по-

правился Ярга. – Они растерялись и нарушили приказ. Вы все были нужны мне живыми.

– Манана сгубила жадность.

Нав едва заметно приподнял брови:

– А я думал – отцовские чувства.

– Его никто не звал.

– Манан боялся за тебя.

Лая впервые посмотрела Ярге в глаза.

– Его не просили бояться.

Безжизненный взгляд, безжизненный голос, и все чувства прячутся в непроизвольно кривящихся губах. Лая держалась, Лая не хотела демонстрировать Ярге свое горе, свою слабость. Однако наву именно это и требовалось – слабость. Эмоции. Чувства. Вот ножи, которыми можно вскрыть любую защиту.

– Почему ты так себя ведешь? – проникновенно спросил Ярга.

– Если бы я разрыдалась, ты понял бы, что я лгу, – со всей возможной твердостью ответила девушка. – Мы с Мананом давно стали чужими.

– Тебе не жаль отца?

Губы, губы, губы... то ли кривятся, то ли дрожат. Правда прячется в них.

– Когда увидела его смерть, мне стало неприятно. Даже горько. Потом я поняла, что его больше нет, и успокоилась. Он давно ушел из моей жизни, а теперь исчез окончательно.

К чему рефлексировать?

Глаза орангутана широко раскрылись. Поверил девушке, но не понимает, как можно произносить подобные слова?

– Сколько тебе лет?

– Двадцать четыре.

– Вместе с беременностью получается двадцать пять. – Ярга прищурился. – Манан любил тебя и заботился о тебе двадцать пять лет. А в ответ – лишь несколько мгновений, когда тебе было неприятно?

– Собрался учить меня семейным ценностям?

– Пытаюсь понять...

– Не смей меня!

Но губы, губы не лгут. Темные глаза прячут боль. Голосу приказано быть твердым. Пальцы тоже слушаются. Но губы...

– Я – нав, ты – шаса, – мягко сказал Ярга. – Ты всегда будешь слабее меня. Мое превосходство прячется в самом имени, в крови и в том, что я сильнее любого нава. Не бойся показать слабость, Лая, в этом нет ничего постыдного, ибо нет в этом мире никого сильнее меня. Не мучайся. Взорвись. Не копи в себе боль. Я ведь о ней знаю, а вот тебя она способна сжечь.

– Пусть сожжет.

– Сожжет, но не убьет.

Шаса зло усмехнулась.

– Но ведь это мне решать, правда?

Еще не послушалась, еще пытается быть твердой, сильной, еще борется с тяжестью невыносимой утраты, сдавившей душу раскаленными щипцами палача.

– Решать тебе, – серьезно согласился Ярга. – Скажу больше: если ты соберешься покончить с собой, мешать не стану.

– Почему?

Первое искреннее чувство – интерес.

– Потому что я с уважением отношусь к тем, кто принимает сильные решения, даже такие... – Нав потер ладони, показывая, что тщательно подбирает слова. – Мне очень жаль, что именно я причастен к твоему горю, но я не в силах ничего изменить. Могу лишь сказать, что я никогда не опускал рук, потому и выжил.

Тонем, не словами, но интонацией, Ярга заставил девушку понять, что действительно понимает ее боль.

– Ты терял близких?

– Я потерял целый народ.

Странная фраза, однако Лая поверила мгновенно. Таким тоном не может лгать даже нав. В умных глазах Ярги пряталась настоящая, непреходящая боль. Невероятная, недоступная простым обывателям тоска.

– Как тебя зовут? – тихо спросила шаса.

– Ярга.

– Ты не просто нав...

– Я – первый князь Темного Двора. Самый первый. – Ярга не стал повышать голос, ему этого не требовалось, достаточ-

но было читающейся в нем несокрушимой твердости лучшего навского клинка. – Я тот, кто завоевал для Нави Землю. Я – победитель асуров. Повелитель драконов. Я тот, кто вел Тьму вперед, кто подарил ей Вселенную.

– Ты погиб во время нашествия людов? Пожертвовал собой, чтобы остатки навов успели уйти в Тайный Город?

Темный Двор не заострял внимания на некоторых исторических деталях. Летописи навов не лгали, просто в них упоминались не все факты, а потому обитатели Тайного Города простодушно считали, что тот князь, который привел Навь к победе над асурами, и правил до войны с людьми.

– Свою награду я получил много раньше, – спокойно ответил Ярга. – Я потерял все, включая тело. Я проиграл бой за будущее Нави, я видел смерть тех, кто шел за мной, за первым князем. Я слышал, как останавливается их дыхание, как перестают биться их сердца, как вытекают из разорванных тел последние капли крови. Я видел, как Тьма поглощает Тьму. Я потерял все. И все то время, что ты называешь историей, я пробыл в заточении. Представляешь? Я не видел солнца с самого пришествия Нави.

Лая тряхнула головой. Верить? Да, верить. Голос Ярги обволакивал, глаза гипнотизировали, а исходящая от фигуры сила туманила голову.

– Где ты был?

– В Железной Крепости.

– Они ведь разрушены.

– Все, кроме одной. Ее превратили в тюрьму.

– И теперь ты освободился...

Она не спрашивала, она просто констатировала факт, однако получила ответ:

– Однажды я покорил этот мир. У меня есть опыт.

Лая внимательно посмотрела на Яргу, но оставила его фразу без комментария. Помолчала. Затем осторожно спросила:

– Ты сказал, что не будешь мне мешать... Почему?

– Потому что служить мне право, которое дается лучшим. Обычно за это право борются. Но всегда принимают добровольно.

– Ты хочешь, чтобы я тебе служила?

Лая задала вопрос таким тоном, что Ярга понял: наживка проглочена. Однако нав не расслабился, наверное, потому что не умел.

Легкое, едва уловимое движение вперед, теперь их лица разделяли десять, может, пятнадцать дюймов, не больше. Теперь они были похожи на единомышленников. Теперь они были почти вместе.

– Как ты думаешь, Сантьяга знает о моем возвращении?

– Сантьяга знает обо всем. – Лая произнесла аксиому, в которую свято верили все жители Тайного Города.

– А как ты думаешь, Сантьяга знал о том, что я заинтересуюсь контрабандистами?

Главный вопрос. Ответ на него может стать клятвой вер-

ности.

И стал.

– Я же сказала, что ты не виноват в смерти Манана, – тихо, но очень твердо произнесла девушка, глядя Ярге в глаза.

Молодая шаса и, возможно, самое старое на Земле существо. Неопытная девчонка и полководец, победивший в самой страшной в истории войне, развеявший по ветру первых детей Спящего. Был ли у нее шанс? Откуда.

Она сделала все, чего он добивался, она согласилась со всем, она отвергла свое прошлое, но Ярга продолжал говорить, не останавливался, не расслаблялся:

– Сантьяга хотел использовать контрабандистов в качестве наживки. Не предупреждая, не рассказывая об опасности. Он следил за их перемещениями, надеясь выйти на меня. Он играл ими, как пешками. Сначала погиб Косар, теперь – Манан. Горе пришло в твой дом, Лая, но разве стоит оно той игры, что мы ведем с Сантьягой? – Ярга поднялся. – Мой дом – твой дом. Ты можешь входить в любое помещение, дверь которого открыта. И... следи за вещами, у этого баламута... – кивок на орангутана, – длинные и загребущие руки.

Обезьяна – к легкому удивлению Лаи, она уже освободилась из клетки – скорчила гримасу.

– Но если тебе интересно мое мнение... – Ярга наклонился к девушке, – я бы советовал тебе поплакать, Лая. Тебе нужно освободиться от боли.

– Скажу откровенно: очень странный диалог. – Сантьяга покачал головой. – Создается полное ощущение натянутости или... неестественности происходящего.

– Что вы имеете в виду? – быстро спросил Схинки.

– Поведение Лаи.

– Женщина инстинктивно потянулась к моему господину, увидев в нем надежду.

– Да, да, я вас понял. – Комиссар легко взмахнул рукой. – Тем не менее поведение показалось мне необычным.

– Хорошо, скажу так: женщины существа непредсказуемые. Вас устраивает?

– Не совсем.

– Вам не угодить, – развел руками Схинки.

– Достаточно сказать правду.

– Я стараюсь.

– Возможно...

Быстрый взгляд, быстрый ответный взгляд. Очень немногие люди и нелюди могли похвастаться тем, что выдержали взгляд комиссара Темного Двора, однако Схинки уже зарекомендовал себя крепким орешком.

– Я помню, что вы обещали за ложь, комиссар.

– Но вы не боитесь, – медленно произнес нав.

– А вам бы хотелось?

– Нет. Необязательно. Достаточно того, что вы учитываете мои слова при ответах.

– Учитываю, – нехотя признал Схинки. И почесал подбородок. – Разговор Ярги и Лаи передан дословно.

– Сам разговор – да, но...

Сантьяга пошевелил пальцами.

– Что вас смущает?

– Нет, все в порядке. – Комиссар сделал глоток коньяка. – Как повел себя Грим?

– С ним получилось веселее. И менее предсказуемо.

– Неужели он сбежал?

– Почти. – Схинки пожевал губами. – Как вы понимаете, комиссар, мой господин не сам обыскивает пленных...

– Мне нравится ваше желание выставить Яргу непогрешимым.

– Так оно и есть.

– Непогрешимых воздей должны окружать толковые помощники, – наставительно заметил нав.

– Все ошибаются.

– Как ошиблись ваши?

– «Навский аркан» высосал из Грима всю магическую энергию, затем масаны обыскали его и заперли. – Схинки вздохнул. – Однако парень оказался не промах. Он предусмотрительно обзавелся артефактом с защитой от «Навского аркана».

– Редкое и весьма дорогое устройство.

– Вам ли не знать!

– Такие артефакты делают только в Цитадели. Чуды и люды производят аналоги, но они весьма громоздки.

– Грим оказался обладателем весьма небольшого устройства.

– Расскажите, каким?

– Неужели вы не знаете?

Комиссар рассмеялся:

– Любезный Схинки, если вы почему-то думаете, что я лично указываю мастерам артефактов, кому и что продавать, то вы заблуждаетесь. У меня есть масса других, более интересных занятий.

– Э-э... я имел в виду нечто иное, – сбился Схинки. – Одним словом, произошло следующее: когда Грим очнулся, он оторвал себе левое ухо, которое выглядело совсем как настоящее, но таковым не являлось, и превратил его в пистолет...

* * *

«Это и есть моя надежда? Черт! Ее даже призрачной не назовешь!»

Грим взвесил в руке «Гюрзу», замысловато выругался, а после, слегка облегчив матом душу, грустно усмехнулся. Пистолет, глушитель и восемнадцать патронов. Не густо. Арсенал показался бы скудным даже в случае противостояния с

обычными челами, но их взяли масаны – плотная кожа одежды, перчатки, глухие мотоциклетные шлемы, кто еще так нарядится, отправляясь на задание? И кто сможет двигаться столь быстро? – а вампиры не те ребята, которых можно остановить pistolетной пулей.

Но сдаваться Грим не собирался.

Один pistolет, восемнадцать патронов и полное отсутствие плана. Плевать! Пока есть надежда, надо драться. А потом, когда надежды не останется, придется драться с удвоенной энергией, потому что лучше сдохнуть в бою, чем стать *пищей* для ночного уroda.

«Все будет в порядке. Я отыщу Лаю, и мы выберемся...»

Вранье, конечно, от первого до последнего слова вранье, зато на душе стало чуть спокойнее.

«Лая! В первую очередь нужно найти Лая!»

Грим накрутил глушитель, вставил в pistolет обойму, подошел к двери, вздохнул и тихонько потянул ручку вниз.

Пошла.

Усилил нажим и подал вперед.

Дверь отворилась.

Или местные обитатели не рассчитывали на то, что он очнется так скоро, или были чересчур уверены в себе. В любом случае, первая ошибка ими допущена.

«Ладно, ребята, восемнадцать патронов – это, при хорошем раскладе, восемнадцать трупов. Надеюсь, хватит, чтобы оказаться на свободе!»

В коридоре никого. Налево? Направо? Налево, потому что справа – тупик.

Грим быстро оглядел стены, убедился, что видеокамер, во всяком случае, незамаскированных, нет, и бесшумно пробежал несколько ярдов, оказавшись у двери в следующую комнату.

«Зайти?»

Разум подсказывал: «Ни в коем случае!» Но речь шла о Лаяе, поэтому наемник потянул за ручку. Заперто.

«Ладно, ломать не буду».

Следующая дверь привела Грима в пустую камеру, точную копию той, что он покинул.

«Посмотрим дальше».

Время утекало, в любой момент за ним могли прийти, но Грим принял решение: в первую очередь – Лаяя, и не собирался его менять.

Три следующие двери вновь оказались заперты, а четвертая, двойная, вывела наемника на лестничную площадку. Грим прислушался, чужих шагов не различил, осторожно прошел вперед и посмотрел в пространство между пролетами. Над ним оказалось не меньше семи этажей, и еще два снизу.

Десять уровней, однако до сих пор Грим не видел ни одного окна. Странная архитектура, или он под землей? Допустим, второе, что это меняет? Ничего, кроме того, что нужно подниматься выше.

«А как же Лая?»

Коридор-то продолжался, в нем еще полно дверей, полно помещений, в одном из них может оказаться девушка. Продолжить поиск или уходить? Тяжкий выбор, учитывая обстоятельства, очень тяжкий.

«Подумай здраво: ты не сможешь обыскать все здание».

«Я не уйду без Лаи!»

«Ты сможешь вызвать помощь...»

Добраться до телефона и позвонить в Службу утилизации, номер которой Грим знал наизусть. Шасы, прикрывающие Тайный Город от любопытных челов, ребята своеобразные, но дело свое знают. Информация о логове масанов их заинтересует, а если добавить, что масаны атаквали честного контрабандиста, то...

Задумавшись, наемник на несколько мгновений выпал из реальности, отвлекся и пропустил появление противника. Но, уловив движение, сумел исправить положение. Рефлексы не подвели. Грим не разглядел того, кто оказался рядом, лишь краем глаза засек неясную фигуру, однако этого оказалось достаточно: ствол пистолета мгновенно повернулся в нужном направлении, палец мягко надавил на спусковой крючок, и негромкий хлопок раздался в тот самый миг, когда наемник окончательно осознал, что рядом с ним кто-то стоит. А в следующую секунду Грим подхватил падающее тело и осторожно уложил его на пол.

«Обезьяна?!»

Первой жертвой беглеца стал крупный орангутан, наряженный в веселенькие голубые шорты с накладными карманами и светлую «гавайку». Пуля попала животному точно в лоб, отличный результат для стрельбы по наитию. Однако сама жертва вызвала у наемника недоумение.

«Обезьяна?!»

Он присел на корточки, внимательно разглядывая мертвого зверя, запустил руку в один из карманов и... прозевал следующий выпад.

Второй противник налетел сзади. Ударил, отправив Грима на пол, навалился сверху и взял руку на болевой. А в затылок наемника уперлось нечто холодное, отчаянно напоминающее пистолетный ствол.

«Все!»

Попытка бегства была обречена с самого начала, однако Грим не мог не попробовать. Теперь же оставалось ждать, что будет дальше, ибо сопротивляться при таких обстоятельствах способны лишь удачливые и непотопляемые герои голливудских боевиков.

– Не шевелись, – незнакомец говорил приглушенно, старательно менял голос, не позволяя Гриму понять, кто взял его на мушку: мужчина или женщина? – Ты не должен меня видеть. Если тебя возьмут, они не должны выйти на меня. – Пауза. – Я не дружу с местным боссом.

Неожиданный, но удачный поворот.

– Я понял, – прошептал в ответ наемник. – Работаете на

Сантьягу?

– Выйти наверх трудно, но можно. – Вопросы о комиссаре незнакомец «не услышал». – Раз ты ввязался, я подскажу, как. А за это ты кое-что для меня сделаешь.

«Да уж, в наши дни никто бесплатно впрягаться не станет!»

– Что сделаю? – просипел Грим.

– Я дам тебе телефон, – ответил незнакомец. – Когда выберешься на поверхность, просто нажми кнопку повторного вызова.

«Маяк...»

– И сюда примчится кавалерия?

– Да, Грим, сюда примчится кавалерия. Примчатся ребята и переломают местному боссу ноги.

Поверить? А что еще остается? Не охранник же с ним шутит, на самом-то деле! Наемник прекрасно понимал, что самостоятельно из здания он вряд ли выберется. Лая неизвестно где, отыскать ее можно, лишь прочесав комплекс, и самый простой путь – захватить его.

– Рассказывай, как выбраться.

– Мы договорились?

– Да!

– Поверь, Грим, мы постараемся спасти Лаю...

– Заткнись и рассказывай!

...Он сделал так, как попросил незнакомец: остался ле-

жать, уткнувшись лицом в пол, и поднялся лишь после того, как досчитал до двадцати. Поднялся, резко обернулся, но никого не увидел. Таинственный помощник растворился в коридорах базы, оставив после себя лишь инструкции да мобильную трубку.

И еще – надежду.

Скупую надежду на то, что все можно исправить.

Грим взял уроненную во время короткой схватки «Гюрзу», положил телефон в карман и пошел по лестнице вниз.

«Спускайся до последнего уровня. Спускайся и ни о чем не беспокойся, сейчас там никого нет...»

Разумеется, наемник беспокоился, разумеется, держал пистолет наготове, однако все получилось именно так, как предсказал таинственный помощник: и лестница, и нижний коридор были пусты.

«Он их как-то отвлек?»

Возможно, очень возможно. Незнакомец, судя по всему, провел на базе не один день и успел ее изучить.

«Выйдешь на последний этаж, поворачивай направо, к лифту...»

Однако внимание наемника привлекла приоткрытая дверь. Словно тот, кто работал или жил в комнате, покинул помещение в спешке.

«Результат отвлекающей операции моего таинственного приятеля?»

Грим поколебался, потеряв три драгоценные секунды, но

все-таки рискнул и осторожно заглянул за дверь. И увидел длинную комнату, вдоль стен которой располагались высокие, ярда по три, не меньше, цилиндры, внутри которых покачивались обнаженные тела. Вдоль потолка тянулись трубы, обеспечивающие циркуляцию жидкости, в которой и плавали тела. У дальней от двери стены оборудовано рабочее место: столы, несколько компьютеров и куча работающих аппаратов неизвестного Гриму предназначения. Свет приглушен, звуков не слышно, лишь мерное гудение приборов.

Наемник прищурился, едва заметно пожал плечами и направился к лифту...

* * *

– Одну секундочку, – перебил Схинки комиссар. – Вас не затруднит рассказать о лаборатории подробнее?

– Тела в цилиндрах?

– Именно.

– Странно, что вас не заинтересовал таинственный помощник Грима, – протянул Схинки, изучая растительность на своем левом предплечье с таким видом, словно видел ее впервые в жизни.

– Насколько я понял, эта тайна будет раскрыта, – улыбнулся Сантьяга. – А вот о лаборатории вы упомянули вскользь.

– Да что там рассказывать? – пожал плечами Схин-

ки. – Представьте себе ряд прозрачных, вертикально стоящих цилиндров, числом около двадцати. Точно не скажу, не силен в математике.

– Точное число не принципиально.

– Это вы сейчас так говорите.

– Пока не знаю, для чего они нужны?

– Для хранения, – немедленно ответил Схинки. – Каждый цилиндр заполнен желтоватой жидкостью, формулу которой я рассказать не могу, поскольку не силен в химии...

– А вам вообще давались какие-нибудь науки?

– Перетягивание каната.

– Я должен был догадаться.

– Насчет цилиндров продолжать?

– Разумеется.

– Так вот, они наполнены желтоватой жидкостью, а внутри плавают обнаженные тела. В основном, челы, но есть пара шасов и чуд. Все – самцы.

Схинки замолчал, весело глядя на комиссара. Он ждал следующего вопроса.

Нав же, прекрасно понимая, что действует предсказуемо, медлил.

– Вам не кажется странным, что Грим сумел найти это место?

– Дверь была не заперта, – рассмеялся Схинки.

– А если бы на месте Грима оказался кто-нибудь из помощников Ярги? Как бы он отреагировал на тела?

– Верные слуги моего господина стараются не заглядывать туда, куда их не зовут. Ибо в этом случае легко превратиться в бывшего верного слугу.

– А шпионы?

– Шпионы на базе не задерживаются.

– Ярга их убивает?

– А скольких вы недосчитались? – невинно поинтересовался Схинки.

– Хотите сверить данные?

– Мы знаем о семерых лазутчиках.

Сантьяга поджал губы. Схинки торжествующе улыбнулся:

– Ага!

Ярость, вспыхнувшая в черных глазах нава, обещала, что первый по-настоящему удавшийся выпад Схинки может стать прологом к весьма неприятному ответу. Однако Сантьяга сдержался. Скривил губы и резко спросил:

– Для чего нужны тела?

– Костюмы предназначены...

– Что?

– Э-э... – Надо отдать должное – Схинки опомнился почти мгновенно. Улыбка, на долю секунды ставшая натянутой, вновь перестала быть маской, заискрилась подлинными чувствами, дрогнувший голос обрел прежнюю силу. – Скажите, комиссар, вы меня гипнотизируете?

– Я проверил: у вас необычайно высокий порог...

– Господин сказал, что меня не возьмет даже «Поцелуй русалки», – похвастался Схинки.

– А «Заговор Слуга»? – с интересом осведомился Сантьяга.

– То же.

– То есть вы уверены, что отвечаете на мои вопросы по собственной воле?

И вновь секундное замешательство.

– Теперь уже не уверен, – медленно ответил Схинки.

– Что такое «костюмы»?

– Я чувствую в себе силу не отвечать на ваш вопрос, – с некоторым вызовом заявил Схинки.

– В таком случае, мы немедленно приступаем ко второму этапу беседы, – холодно произнес комиссар.

– К пыткам?

– К разговору по душам.

– А ведь мы почти подружился... – Схинки горько улыбнулся, допил виски и вновь наполнил бокал. – «Костюмы» – это резервные тела. Мой господин научился хранить их, используя по мере необходимости. – Глоток виски. – Но я не понимаю, почему это важно? Вы и так знали, что мой господин способен захватить любое тело.

– Появление «костюмов» означает существование длительных планов, опирающихся на какую-то одну фигуру, – спокойно объяснил Сантьяга. – Планов, связанных между собой только целью.

– Хороший вывод.

– Главное – правильный.

– Ну, да... – Еще виски. Схинки, казалось, был удручен оговоркой. – Вам еще интересен Грим?

Комиссар снял с рукава пушинку, задумчиво оглядел ее и рассеянно кивнул.

– Да, конечно, продолжайте.

* * *

Пустая лаборатория Грима не заинтересовала – он искал Лаю, а не тайны. Убедившись, что в помещении и в цилиндрах девушки нет, наемник отпустил короткое ругательство и поспешил к лифту. И не просто поспешил, а побежал, стараясь наверстать потерянное время.

Неожиданная, но удачно завершившаяся встреча с таинственным помощником, а также полученные инструкции, обещающие если не простое, то, по крайней мере, достаточно несложное путешествие на поверхность, сыграли с Гримом злую шутку – он расслабился. Забыл о том, что ни один план в мире не учитывает все мелочи, забыл о случайностях. И эта расслабленность едва не стоила Гриму жизни.

Распахнувшиеся дверцы лифта наемник воспринял как распахнувшиеся дверцы лифта, не более и не менее. И даже на голема-уборщика среагировал не сразу, ведь незнакомец сказал, что внизу никого не должно быть... Наемник по-

терял чувство опасности. А вот кукла не растерялась. Удар шваброй выбил из руки Грима пистолет. Следующий, в голову, должен был отправить наемника в нокаут, однако Грим сумел уклониться и ответить кулаком в печень. Голем даже не поморщился, скорее всего, печени у него не было, и врезал наемнику локтем. Тут же добавил коленом, отступил на полшага и выдал тяжеленный удар левой снизу, отправив Грима на пол. К счастью, свалился наемник рядом с потерянными секундами раньше пистолетом, подхватил его и направил на врага. Три торопливых выстрела слились в один. Голем покачнулся, на мгновение замер, а затем тяжело рухнул на пол лифта – разрывные пули снесли кукле верхнюю часть черепа.

– Черт! А ведь все могло закончиться плохо.

Грим поднялся на ноги, помотал головой, разгоняя шум, шатаясь, вошел в лифт и надавил на кнопку верхнего этажа.

– Где он?!

– Понимаете, у нас...

– Короче, твою мать!

– Извините! – оператор совсем стушевался. – Я хотел сказать...

Он хотел сказать, что ни в чем не виноват. Он был страшно напуган визитом любимца Ярги и дрожал от страха. Он...

Схинки яростно топнул ногой и взмахнул кулаком.

– Где?!

– У нас...

Иметь в подчинении големов хорошо, с какой стороны ни взгляни: они послушны, исполнительны, не склонны к мятежу, однако туповаты. Следуют заложенной программе, ни на йоту не отступая от алгоритма. Именно поэтому компьютерами базы занимались челы, превосходные специалисты, отобранные лично Яргой и полностью ему лояльные. В обычной ситуации такая тактика себя оправдывала, однако сейчас, в первый же обрушившийся на базу серьезный кризис, растерянные челы мало чем отличались от идиотов-големов.

– Короче!

– У нас проблемы...

– Я понял! Яснее!

– Мы потеряли все камеры и не контролируем ряд дверей...

– Да я тебя загрызу, придурок! – взревел Схинки.

Программист съежился.

– Выводи первый оперативный отряд на поверхность!

Немедленно, идиот! Если мы не видим Грима здесь, будем ждать его наверху!

«У тебя будет три, максимум – четыре минуты. Если не успеешь – молись. Помочь тебе никто не сможет».

«Даже ты?»

«Даже я».

«Спасибо за откровенность».

«Не благодари. Если я тебя встречу, мне придется тебя убить...»

Три минуты. Одна бездарно потеряна на некстати появившегося голема. Теперь проклятый лифт ползет, как черепаха, хорошо еще, что не останавливается на других этажах. Ползет. Но очень, очень медленно. Учитывал ли неспешную скорость лифта незнакомец? Будем надеяться, что учитывал.

Дверцы медленно разъехались в стороны. На этот раз Грим предусмотрительно держал пистолет наготове, однако в коридоре никого не оказалось. Налево и вперед до конца! До металлической лесенки, что ведет к люку...

«Они решат, что ты рвешься к воротам, находящимся на седьмом уровне, будут ждать там, и ты выиграешь еще минуту».

«А куда я буду рваться?»

«Наверх. Там нет пути, точнее, есть, но это дикие скалы. Спуск с них потребует времени, они не поверят, что ты рискуешь...»

Да, судя по всему, со скал не уйти.

«Зато наверху отличный прием», – пробормотал наемник.

«Совершенно верно, – подтвердил незнакомец. – Но не беспокойся, тебя не убьют».

«Почему?»

«Местный босс слишком самоуверен. Он не поверит, что какой-то неуклюжий человеческий наемник способен нарушить его планы. Он уже решил, как тебя использовать, и не отсту-

пит. Тебя вновь запрут, но просидеть придется недолго – кавалерия на подходе...»

«Я должен тебе верить?»

«У тебя нет выхода».

Все верно, выхода нет.

Точнее – есть.

Грим открутил механический запор – электронный замок приветливо подмигивал зеленым, – поднял люк и выбрался на поверхность. И оказался на небольшом уступе. А до подножия скалы не меньше сорока ярдов...

«Какого черта?!»

Для чего нужен этот выход, если нельзя спуститься вниз?

Ответ наемник увидел через мгновение – вбитые в камень карабины. Спуститься можно, но нужна веревка...

А в следующий момент его сбила с ног угодившая в плечо пуля.

«Не беспокойся, тебя не убьют...»

Эти слова не запомнились. Потерялись в голове наемника, не привыкшего к милосердным врагам. Раз гонятся, раз стреляют, значит, хотят убить. И Грим ответил. Перекатился на спину и дважды выстрелил в появившегося на следующем уступе голема. Превозмогая боль, вскочил, послал две пули в высунувшуюся из люка голову, отступил на шаг и, нелепо взмахнув руками, полетел в пропасть – следующая пуля угодила Гриму точно в грудь.

– Что, облажался?

– Грим оказался лучше, чем я предполагал.

– Кто ему помог?

– Не знаю, – виновато вздохнул Схинки, стараясь не смотреть на с трудом сдерживающего гнев Яргу.

– Разве у нас нет видеокамер?

– Есть.

– Разве я не приказывал не спускать глаз с Катарины и Тео?

– Приказывали, господин.

– Разве вся эта свистопляска не была задумана для того, чтобы предатель проявил себя?

– Все правильно.

– И ты хочешь сказать, что меня обманули?

Спокойный голос не вводил в заблуждение – Ярга вне себя от злости, даже уши стали острыми. Дело принимало скверный оборот, а потому Схинки решил взять всю вину на себя:

– Меня, господин! Меня обманули.

Нерасторопный слуга вызовет у Ярги куда меньшую ярость, чем мысль, что вокруг пальца обвели его самого.

– Ты мой помощник, я тебе доверяю, ты исполняешь мои приказы, – медленно произнес нав. – И если кто-то обманул тебя, это означает, что обманул и меня. – Ярга холодно посмотрел на убитого горем Схинки, поморщился и приказал: – Оправдывайся!

Он хотел знать подробности.

– Предатель запустил в нашу сеть вирус, который отключил видеокамеры и открыл некоторые двери. Пока мы сообщали, что сеть атакована, пока поняли, что именно произошло, пока искали... время было упущено.

– Откуда у предателя вирус?

– Полагаю, он хранился в телефоне.

– А откуда у него телефон?

– Полагаю, оттуда же, откуда у Грима пистолет – скрытый артефакт.

– То есть мы обнаружим предателя по отсутствию уха? – зло пошутил Ярга.

Хороший признак, очень хороший – если нав шутит, значит, перестал злиться.

– Думаю, по отсутствию зуба, – вздохнул Схинки. – Но их мы при осмотре не пересчитывали.

– Напрасно!

Ярга задумался, рассеянно барабанил пальцами по столешнице.

Против ожидания, проигрыш его не столько разозлил, сколько раззадорил. Борьба с сильным и смелым противником куда интереснее, чем с плохо обученным. Ум, вот что ведет к победе. Ум, воля и храбрость.

– Мне кажется, следует принять крайние меры, – осторожно предложил Схинки. – Я предлагаю покинуть базу, а также уничтожить или обработать обоих подозреваемых.

– Нет, – коротко ответил Ярга.

То ли на оба предложения, то ли только на последнее.

– Могу я узнать, почему?

– Потому что мы не сможем постоянно использовать это оружие, – холодно ответил нав. – Его наличие должно помогать, а не расслаблять. Потому что мы должны знать все фокусы, имеющиеся в арсенале наших врагов.

А еще потому, что тем самым придется признать проигрыш. Причем проигрыш не Сантьяге и не тому клоуну, которого в Темном Дворе называют князем, а их наемникам, челу или масану. Этого Ярга допустить не мог.

– Гордость, – тихо произнес Схинки.

– Гордость всегда вела меня вперед. И приводила к победам.

В черных глазах нава полыхнули зарницы. Зарево пожаров, что окутывали крепости асуров. Зарево Первой Войны, выигранной им тысячи и тысячи лет назад.

Ярга поднялся с кресла и медленно прошелся по кабинету. Черный костюм, черная рубашка, черный галстук и черные ботинки. Черные волосы и черные глаза. Подвижное черное пятно среди черных стен и черной мебели кабинета. Когда-то Схинки смущало пристрастие повелителя к цвету Тьмы, однако по прошествии некоторого времени привык, стал воспринимать как должное.

– Произошедший инцидент не повод вносить изменения в план. Решение принято. Я хочу, чтобы все было сделано так, как задумано. Я хочу, чтобы Темный Двор получил сообще-

ние в полном объеме. И если придется чем-то пожертвовать, я к этому готов.

Они останутся на базе и продолжат играть с подозреваемыми в кошки-мышки.

– Да, я понял. – Схинки почесал затылок. – Но все-таки хорошо, что Гриму не удалось позвонить...

* * *

– *Этого ведь и не требовалось, так?*

– *Чего именно?*

– *Звонить.* – Схинки внимательно посмотрел на комиссара: – *Достаточно было вынести телефон на поверхность, да?*

– *Сейчас догадались?*

– *Пытался сделать вам комплимент.*

– *Не мне – человеческому обществу, – скромно уточнил Сантьяга. – Вы смеетесь над челами, а они, между прочим, большие мастера по части всевозможных устройств и приспособлений. У них отняли магию, они заменили ее технологиями и развивают их такими темпами, что скоро, вполне возможно, сумеют встать с нами на один уровень.*

– *Ода в честь обезьян?*

– *Я реалист.*

– *Тогда посмотрите на вещи реально: будь у меня сигарета, я бы рассказывал историю куда веселее. Возможно, с*

большими подробностями.

– Подробности вы спрашиваете у меня, – язвительно заметил Сантьяга. – Итак, мы установили, что Ярга недооценил челов. Что дальше?

Схинки помолчал.

– А что с телефоном?

– Когда Грим вынес его на поверхность, он автоматически нашел сеть и зарегистрировался в ней. Примерно через минуту наблюдатели определили координаты базы.

– Опять вездесущие «ласвегасы»?

На этот вопрос Сантьяга ответил не сразу. Выдержал паузу, насмешливо глядя на Схинки, после чего медленно произнес:

– Нет, не они. Наблюдатели кавалерии, что готовилась идти на помощь.

– Кавалерия не торопилась.

– Никто не собирался атаковать очертя голову. Планировался разгром, а не драка. – Сантьяга улыбнулся. – К тому же главные действующие лица были еще слишком далеко...

** * **

– Не, Сиракуза, я в натуре не врубаюсь на этих иноземцев, – робко пробормотал Копыто, разглядывая пронесшийся за окнами чуждый московскому оку пейзаж. – Типа,

что им, трудно тачку в «четыре на четыре» переделать? Колеса присобачить пошире, ось железную сковать – и всего делов-то, мля. А денег срубить можно стока, что можно всех местных челов от насморка вылечить, в натуре.

Ваня промолчал.

Не стал ничего отвечать, несмотря на то, что это была первая, очень осторожная попытка уйбуя завести разговор с тех самых пор, как их выгнали из офиса «Роллс-Ройс». Тогда разъяренный Сиракуза настолько доходчиво и емко объяснил работодателю глубинный смысл понятия «отсутствие следов интеллекта», что дикарь его понял. Притих. Несколько часов сопел, сидя на переднем сиденье взятого напрокат «БМВ» – роскошный «Роллс-Ройс» остался в мечтах, – и вот заговорил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.